

Станислав Далецкий

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА 2016

Станислав Далецкий

**Жизнь в эпоху
перемен. Книга вторая**

«Автор»

2016

Далецкий С. В.

Жизнь в эпоху перемен. Книга вторая / С. В. Далецкий —
«Автор», 2016

Не дай вам Бог жить в эпоху перемен. Конфуций

© Далецкий С. В., 2016

© Автор, 2016

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН книга вторая

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Испытания

I

27 июля 1914 года Иван Домов прибыл в штаб 10-го обозного батальона в городе Витебске для прохождения воинской службы по предписанию Оршанского уездного воинского начальника, как вольноопределяющийся.

Штаб батальона располагался неподалёку от железнодорожных пакгаузов в приземистом кирпичном домике, дорогу к которому указал ему помощник коменданта вокзала.

Начальник штаба, штабс-капитан Мозовецкий, как он представился вновь прибывшему штатскому, невысокий полноватый офицер лет сорока с лицом цвета битого кирпича, взял предписание Ивана, прочитал его, попросил предъявить остальные документы и, ознакомившись с ними, встал из-за обшарпанного стола, за который присел, знакомясь с документами, и стал нервно прохаживаться по комнате, что служила ему кабинетом.

– Послушайте, Иван Петрович, – обратился офицер к учителю, – из предписания следует, что вы добровольно идёте на воинскую службу рядовым, хотя имеете высшее образование и не подлежите призыву в солдаты как учитель. Не буду расспрашивать о том, что за нелёгкая понесла вас в солдаты: ура-патриотизм или житейские обстоятельства, но как пожилой офицер, многое повидавший на своём веку, должен выразить вам своё удивление этим опрометчивым поступком.

Война с германцем начнётся со дня на день и будет долгой, кровавой и жестокой. Мы, обозники, знаем хорошо состояние снабжения армии: оружия мало, снарядов, патронов и запасов продовольствия хватит на месяц-другой военных действий, а дальше голыми руками воевать придётся. Германия, напротив, хорошо подготовилась к войне, и уповать на доблесть русского солдата, как показала война с Японией, где я участвовал, не приходится.

Вот и подумайте хорошенько, Иван Петрович, кому и зачем вы нужны на этой войне рядовым солдатом? У нас обозный батальон, солдаты сплошь неграмотны и умеют управлять лишь лошадьми да носить мешки и ящики, и как вы себя будете чувствовать среди них: дворянин и с высшим образованием в окружении тёмных и примитивных крестьян, которых помимо их воли призвали в солдаты?

Одумайтесь, пока не поздно! Вас в часть ещё не зачислили, присягу царю вы не принимали и можете спокойно вернуться домой: ничего в этом дурного не будет. Обстоятельства, что повергли вас пойти в армию, рассеются, и будете, как и прежде, учить школяров грамоте: стране нужны грамотные солдаты, чтобы умели обращаться с оружием и понимали приказы командиров, а не тёмное стадо бессловесное, которое куда погонят – туда и пойдёт.

Когда зачислим вас в штат, примете присягу – тогда обратного хода не будет, и придётся вам служить до конца войны, иначе будете дезертиром.

Мой совет: берите свои документы, возвращайтесь домой или куда в другое место, коль из дома бежали, и работайте учителем, а войну и без вас есть кому воевать – слава Богу, народу в России хватает, и недостатка в солдатах не предвидится. Если затянется война, то идите на офицерские курсы и будете потом участвовать в войне офицером – это много лучше, чем сермяжным солдатом: и патриотизм свой удовлетворите, и общаться будете среди своего сословия, а не с быдлом. Подумайте пока здесь, а я схожу на станцию в буфет выпить чарку водки и перекусить, – закончил капитан свою речь, надел фуражку и вышел вон из штаба, не попрощавшись, оставив бумаги Ивана Петровича на своём столе.

Возвратившись через час, Мозовецкий застал Ивана Петровича, сидящим возле стола, на котором продолжали лежать бумаги новобранца.

Усевшись на своё место, штабс – капитан вновь перечитал бумаги и, отложив их в сторону, повторил своё предложение:

– Ну что, Иван Петрович, последний раз спрашиваю: уходите отсюда назад в свою прошлую жизнь, или я буду оформлять вас на действительную воинскую службу? Отвечайте немедленно!

– Не для того я ушёл из дома, чтобы спустя неделю вернуться назад, как побитый щенок, – гордо ответил учитель. – Оформляйте в солдаты, война покажет, кто из нас прав!

– Что же, вольному – воля, – вздохнул капитан. – Коль вам не терпится понюхать портянки в солдатской казарме, пусть будет по-вашему. Сдаётся мне, что уходя в добровольцы, вы убегаете от женщины, хотя в бумагах обозначено, что вы холост. Если бежите от женщины, то убегали бы в Сибирь, в глухой край, я не сюда, в казарму. Из глухомани всегда можно вернуться назад, а из казармы лишь по демобилизации или, не дай Господи, по смертоубийству от германца. Вы хоть с лошадьми-то управляться умеете? Батальон наш гужевой: лошади и телеги – наше оружие.

Иван честно ответил, что с лошадьми ему дела иметь не приходилось, и капитан, почесав затылок, вдруг посветлел лицом и торжествующе воскликнул: – Я гляжу по бумагам, что у вас хороший почерк письма. Будете здесь подле меня писарем, мне как раз требуется ещё один: в преддверии войны много грузов начало приходить, а где перевозки, там и бумаги, и штатные писаря уже не справляются. Оформляю я вас, Иван Петрович, грузчиком в напарники к вознице 49-го транспорта, а служить будете в штабе писарем.

Всё, кончено! Я внёс вас в списки батальона, вот вам направление к каптенармусу, идите, получайте обмундирование, определяйтесь с местом в казарме, и завтра к девяти часам извольте прибыть сюда для прохождения службы. И с завтрашнего дня никакой вы не Иван Петрович, а рядовой Домов, и, обращаясь к офицерам, извольте говорить «Ваше благородие».

Впрочем, до присяги неловкости в обращении будут вам прощаться, но после присяги извольте действовать по уставу – штатские вольности в армии не допускаются и выбиваются как пыль из ковра. Вестовой проводит вас, куда следует, – закончил капитан оформление Ивана Петровича в солдаты и, кликнув вестового, приказал проводить новобранца в казарму, поставить на довольствие и обмундировать.

Пути к отступлению от принятого решения идти в армию закрылись, и Иван пошёл вслед за вестовым начинать свою солдатскую службу, которую выбрал добровольно, лишь бы сгинуть прочь от своей сожительницы Надежды, которая так и не стала ему женой. Не захотела или не смогла – какое теперь это имело значение?

Несколько дней прошли в обустройстве начинающего солдата: Иван подогнал солдатскую форму, учился наматывать портянки в сапоги, маршировал вместе с другими новобранцами на батальонном плацу, разучивая строевой шаг, повороты и развороты, чтобы подготовиться к церемонии присяги, но так и не успел обучиться строевой подготовке: первого августа Германия объявила войну России и все строевые занятия прекратились – сбылись предсказания Мозовецкого.

Через три дня поспешно прошла процедура принятия присяги новобранцами, и Иван приступил к своим обязанностям писаря при штабе обозного батальона.

Война была объявлена, боевые действия начались, но до границы с Германией от Витебска было далеко, и обозный батальон занимался привычным делом: снабжал ближайшие воинские части имуществом, продовольствием и боеприпасами, и пополнял запасы на воинских складах, разгружая воинские эшелоны, начинающие прибывать в приграничные с Восточной Пруссией губернии – первые удары немцев начались именно с этого направления.

Русская армия через три дня после объявления войны перешла в наступление на Восточную Пруссию и поначалу действовала вполне успешно, но командованием две армии были направлены по расходящимся направлениям, образовался разрыв фронта, немцы ударили во

фланги, и 2-ая армия генерала Самсонова потерпела жестокое поражение: два корпуса были окружены и взяты немцами в плен.

Первая армия под командованием генерала Ренненкампа с боями отошла на исходные позиции – так началась и закончилась безрезультатно и с большими потерями людей и вооружения для русской армии Восточно-Прусская операция. Вновь, как и в Русско-японскую войну, героизм русских солдат оказался бессильным против невежества и бездарности царских генералов, что и привело к поражению в первоначально успешном наступлении.

Требовались подкрепления, и обозный батальон, где служил Иван, начал активно перебрасывать в повозках воинские грузы для изрядно потрёпанных русских войск. Впрочем, к самой границе, припасы доставлялись армейскими обозами, которые и обеспечивали снабжение частей, разгружая воинские эшелоны на ближних к границе станциях, поскольку склады боеприпасов опустели уже через две недели после начала военных действий: царская армия по снабжению оказалась совершенно не готовой к военным действиям на Северо-Западной границе Российской империи.

Рядовой Домов начал исправно нести свою воинскую службу писарем при штабе обозного батальона, так как больше ни к чему не был пригоден в связи с отсутствием воинской подготовки и неумением обращаться с лошадьми, которые составляли тягловую силу батальона.

За первые дни службы Иван сошелся в дружеских отношениях с другим писарем в штабе – малороссом Барсуком Николаем Андреевичем, который просил называть его просто Миколой. Этот Микола из-под Житомира тоже был вольноопределяющимся и подался в армию после ссоры с отцом, пожелавшим оженить сына на местечковой дочери лавочника-жида, который давал за неё хорошее приданое. Но у Миколы на селе была готовая краля, и он пошёл против воли отца в надежде, что война будет быстрой и победной, вольноопределяющихся после победы демобилизуют, и он вернётся домой бывалым солдатом, уладит отношения с отцом и женится на своей Олесе.

Иван Петрович, которого Микола называл просто Петровичем, постепенно втягивался в солдатский быт, ежедневно убеждаясь в справедливости слов офицеров, что отговаривали его от добровольничества в армию, где придётся служить вместе с неграмотными солдатами из крестьян, с которыми у него, дворянина, нет и не может быть общих интересов, кроме общей казармы, столовой и общего построения утром на плацу. Даже поговорить в свободную минуту с этими солдатами Ивану Петровичу было не о чем: солдатской жизни он не знал, и солдаты эти, бывшие совсем недавно крестьянами, с недоверием относились к нему, прослышав, что в прежней своей жизни Иван Петрович был учителем и дворянином.

– Наверное, убивец, этот дворянин, которого спрятали здесь в солдатах, чтобы не отсылать в острог: солдатская служба та же тюрьма – ворчали однополчане, обсуждая непонятное для них появление Ивана Петровича в казарме простым солдатом.

Первые дни Иван Петрович пытался объяснить солдатам свой поступок стремлением участвовать в войне, чтобы победила Россия, но этим вызывал ещё большее недоверие бывших крестьян: кто же по своей воле пойдёт в солдаты, покинув дом и семью? Малахольный этот дворянин, не иначе с головой у него худо – решили солдаты, продолжая сторониться Ивана Петровича, и ему поневоле приходилось общаться только с Миколой, который прослужив всего месяц, уже раскаивался в своём поступке, поняв, что война будет долгой и его Олесе, не дай Бог, найдёт себе другого суженного.

Иван Петрович тоже осознал уже опрометчивость своего добровольства в армию, куда вход свободный, а выход лишь с победой над немцами, увечьем или героической смертью среди лошадей и повозок в обозном батальоне.

Писари в штабе батальона старательно заполняли разные бумаги на перевозку грузов и по этим бумагам обозники развозили грузы для действующих армий, не приближаясь, однако, к линии фронта.

– Как же замутило мне мозги известие об измене Надежды, что я не раздумывая и не слушая уговоров бывалых офицеров, попёрся в армию добровольцем, лишь бы не видеть эту ненавистную женщину, – частенько думал Иван Петрович, укладываясь на свою кровать в казарме и вдыхая смраднй запах солдатских портянок, развешанных на голенищах сапог для сушки.

– Видно, это польская дурная кровь, что немного есть в нашем роду, по словам отца, ударила мне в голову и подвигла меня на уход от женщины в армию. Правду говорят, что ложка дёгтя портит бочку мёда – так и малая толика польской крови лишила меня рассудка.

Казалось, чего проще: уехать в Москву к брату Станиславу, устроиться на службу учителем в гимназию, заняться наукой, наконец, и забыть свою несложившуюся любовь к падшей женщине, так нет же, назло ей ушёл в армию добровольно, и теперь вместе с сермяжными солдатами из обоза ночую в казарме, а днями пишу в штабе пустые бумажки. Если так будет продолжаться долго, то и вовсе можно умом тронуться, – думал он, засыпая под переливистый храп сослуживцев.

Война шла где-то далеко на западе, в Польском королевстве, обозный батальон возил грузы со складов в эшелоны и обратно, и даже отголоски сражений на фронтах не доносились сюда, в Витебск, живущий обычной жизнью губернского города.

Как-то в воскресный день Иван Петрович вместе с Миколой, взяв увольнительные записки в город, зашли в фотографию и сфотографировались на память о солдатской службе. Фото получилось удачным, и Иван Петрович, заказав несколько штук, выслал фото отцу, ещё одно – тётке Марии. Хотел было послать и Надежде, но передумал: ни к чему ей знать, где он и что с ним. Не стала разыскивать его, не приехала, не попросила прощения, значит, он ей не нужен и правильно сделал, что ушёл от этой женщины с поганым прошлым.

Иногда у Ивана Петровича возникала мысль попросить увольнительную у штабс-капитана дня на три и съездить в Оршу: может быть, Надя попросит у него прощения, и он простит её, но тут же в нём просыпалась уязвлённая гордость, и он отметал эту мысль, как подлую ловку мужской похоти.

Обосновывая свой уход от Надежды, он решил, что оправдания её любовной связи с пожилым ловеласом нет, и не может быть. Если бы эта связь была опрометчивым кратким проступком неопытной девушки, или она вышла бы замуж за своего любовника и потом осталась вдовой, Иван Петрович понял бы Надежду и простил её, но девушка отдала своему любовнику не только тело, но и свою душу, и постоянно, даже в объятиях Ивана, помнила своего любовника и не скрывала этого. Душевная мысленная измена Надежды была Ивану стократ горше её плотской измены, и потому этой измене не могло быть оправдания.

Таковыми мыслями Иван отгонял сожаления о покинутой девушке всякий раз, когда армейская служба или плотские желания вызывали в нём сомнения о своём расставании с Надеждой.

Единственно, о чём он сожалел искренне, так это о своём уходе в армию. Надо было оставить себе возможность свободного выбора судьбы после расставания с Надеждой, а Иван, метнувшись в армию, не оставил себе права выбора и вынужден был исполнять армейскую службу вопреки желанию уйти из армии.

Наступила осень, пошли затяжные дожди, а Иван Петрович всё сидел с писарем Миколой в штабе обозного батальона и целыми днями заполнял всяческие бумаги на перевозку грузов обозниками, на устройство солдатской жизни, расход фуража для лошадей и провианта для солдат и прочие канцелярские реляции.

После летнего разгрома русской армии и последующего контрнаступления в Восточной Пруссии линия фронта с немцами стабилизировалась по государственной границе на севере. На юге русским войскам сопутствовала удача в наступлении, которое привело к разгрому австрийских войск, но это было далеко от места службы Ивана Петровича, и в Витебск доносились лишь отрывочные сведения о военных успехах и поражениях царских войск по всему фронту от Балтийского до Чёрного морей.

К началу зимы война на севере приняла позиционный характер, когда больших наступлений не было и в штабах участников войны: России и Германии составлялись планы компаний следующего года. Русские войска начали уже ощущать недостаток боеприпасов и снаряжения, что сказалось на перевозке грузов обозного батальона и сокращении бумажной переписки, так что Ивану Петровичу иногда удавалось улизнуть из штаба и выспаться в пустой казарме, поскольку к храпу сослуживцев он не смог ещё привыкнуть и страдал головной болью от недосыпания.

II

В начале 15-го года, зимой, немцы перешли в наступление из Восточной Пруссии, намереваясь окружить и разгромить русские армии и принудить Россию к сепаратному миру.

Несмотря на первоначальный успех, когда немцами был окружён и взят в плен пехотный корпус 10-ой русской армии, прорвать фронт немцам не удалось и, встретив ожесточённое сопротивление русских войск, немцы отошли на исходные позиции, захватив Сувалкскую губернию царства Польского – это было совсем недалеко от Вильны, где Иван Петрович учился четыре года на учителя, и судьба свела его с девушкой Надей, из-за которой он и попал по своей воле в армию.

В зимнее наступление немцев в Прибалтике русские войска сумели отразить натиск немцев, но понесли большие потери из-за бездарности царских генералов, и нуждались в пополнении личного состава, оружия и боеприпасах, которых не хватало уже катастрофически.

Ивану Петровичу должность писаря в обозном батальоне смертельно надоела, и он искал возможность сменить место службы, чтобы участвовать в войне по-настоящему, с оружием в руках, лицом к лицу с неприятелем, а не с ручкой и чернильницей за писарским столом в штабе.

От обозников он знал, что в городе находится на комплектовании Стрелковый сибирский полк и как-то в апрельскую пасхальную неделю, пользуясь писарской свободой, он навестил штаб этого полка и спросил о возможности своего перевода из обозного батальона в этот полк.

Штабной офицер, немало удивившись просьбе солдата перевестись в строевую часть из тыловой, в то время как все остальные стремились в противоположном направлении, расспросил этого удивительного солдата с разноцветными глазами и, узнав, что он дворянин и с высшим образованием, удивился ещё больше, и подсказал, что доброволец может по желанию перевестись в другую часть, если эта часть направляется на фронт, а не в тыл.

Иван Петрович воспользовался своим правом идти на фронт и изложил свою просьбу штабс-капитану Мозовецкому. Тот попытался отговорить солдата от очередного неразумного поступка, но, убедившись в непреклонности его намерений, подписал рапорт на перевод Ивана Петровича в стрелковый полк, решив для себя, что у этого солдата, наверное, нелады с головой: сначала он добровольно пошёл в армию, а теперь из обозного батальона пожелал перевестись в стрелковый полк, который в скором времени пойдёт на фронт под немецкие снаряды и пули.

Микола – его товарищ по писарскому делу, тоже осудил намерение Ивана Петровича перевестись в стрелковый полк.

– Послушай, Петрович, – убеждал малоросс товарища, – если уж мы по глупости оказались в солдатах, то не следует нам идти под немецкие пули и снаряды. Отсидимся в штабе обозного батальона, а там, глядишь, и война кончится. И какая разница, кто победит: кайзер Вильгельм или царь Николай, – это их война между собой, а не наша. Солдат на фронте и без нас хватит. Но Иван Петрович не внял уговорам товарища.

Перевод из части в часть не занял много времени и через три дня Иван Петрович, сложив свои личные вещи в вещмешок и попрощавшись с сослуживцами, пешком направился в полк на новое место службы.

Штабной офицер, что принимал Ивана Петровича в прошлый раз, уже не удивился его появлению и определил новобранца в третий батальон, куда направлялись новички для обучения воинской службе, о которой Иван Петрович по-прежнему не имел никакого представления.

Сибирский полк располагался в бывших казармах гренадерского полка. Полк уже был на фронте и теперь проводил воинскую подготовку новобранцев, чтобы, обучив личный состав, снова принять участие в боевых действиях.

Наконец-то Иван Петрович в полной мере ощутил на себе все тяготы армейской службы: боевая учёба на плацу, умение владения оружием, строевая подготовка, рытьё окопов и траншей, строительство блиндажей и укрытий, – всё это отнимало силы и вечером, после сигнала отбоя, Иван Петрович засыпал мгновенно, не обращая внимания на стоны и храпы соратников по казарме, беспокойно метавшихся во сне на соседних кроватях.

Изнурительная воинская подготовка не давала времени на размышления о своей судьбе и сожалениях об утраченной свободе и неудачной любви к девушке Наде.

Месяц шёл за месяцем, но пополнение для Сибирского полка всё ещё находилось в тыловых казармах, ожидая отправки на фронт по окончании формирования: на складах не было оружия и боеприпасов, чтобы снарядить полк для военных действий, а отправлять на фронт солдат с одной винтовкой на десять человек и с двумя обоймами патронов было бессмысленно даже для царских генералов.

Иван Петрович от напряжения службы отошал и подсох, но окреп телом, выздоровел душой, и уже умело действовал на боевых занятиях, показывая свои навыки вновь прибывающим солдатам на пополнение рот и батальонов.

Однако, оружия формирующемуся пополнению полка ещё не поступало, ибо армейские склады стояли пустыми, а эшелоны из глубин России привозили новобранцев тоже без оружия: царская Россия Николая Второго показала свою полную неготовность к ведению затяжной войны с сильным противником, которым являлась кайзеровская Германия.

Тем временем, военные действия русских армий против немцев проходили с переменным успехом для немцев. Затеяв зимнее наступление 1915 года в Прибалтике, немцы не смогли прорвать фронт и организовать разгром русских войск. Тогда немцы, сосредоточив силы южнее Варшавы, прорвали фронт и к лету русские войска уже отступали по всему югу России, оставив Львов и Перемышль, что сопровождалось потерей боевого духа армий и массовыми сдачами в плен, причём инициаторами в большинстве случаев были генералы и офицеры.

Добившись успеха на юге, немцы организовали большое наступление на севере, прорвали русский фронт и вынудили царские войска к поспешному отступлению из Польши и Прибалтики. К августу месяцу были оставлены Варшава, Брест-Литовск и громадная крепость Новогеоргиевск в 30-ти верстах от Варшавы, где немцы взяли в плен около ста тысяч человек, в том числе 23 генерала, и захватили более тысячи орудий и десятки тысяч снарядов, в которых так нуждалась русская армия, испытывавшая острый недостаток снарядов и вынужденная сражаться без поддержки артиллерии.

Немцы, организовав удар севернее Вильны, заставили русские войска отойти, чтобы не быть окружёнными, и фронт стабилизировался по линии Рига-Двинск – Сморгань -Барановичи.

В результате немецкого наступления царские войска потеряли Польшу, половину Прибалтики и около двух миллионов солдат пленными и убитыми.

Генеральный штаб и полковник-император Николай Второй, который назначил себя Верховным Главнокомандующим в августе месяце, пытались выдать это Великое отступление за план, по которому, якобы, войска отступали на сотни вёрст, чтобы организовать оборону внутри государства, но это была ложь, призванная оправдать неспособность генералов и Верховного к успешному ведению войны.

Мужество и стойкость русских солдат не смогли пересилить бездарность и трусость царских генералов, моральный дух войск был подорван длительным отступлением, солдаты не видели смысла воевать за интересы царя-императора и его жены-немки и потому при атаках немцев зачастую поспешно отступали или сдавались в плен, чего никогда не бывало в истории.

Иван Петрович, однажды, в свободную минуту рассказал сослуживцам, что русские воюют с немцами уже семьсот лет кряду, ещё со времен князя Александра Невского, который бил немецких псов-рыцарей на Чудском озере. Потом немцы ещё несколько раз нападали на Русь, но всегда бывали биты русскими войсками, хотя немцы и считаются лучшими воинами в Европе.

Крупная война с немцами была при императрице Елизавете, когда русские войска громили их лучшего полководца Фридриха Второго и даже заняли Берлин, который по желанию жителей вошёл вольным городом в состав Российской империи.

Следующий император, Пётр Третий, муж Екатерины, будущей императрицы, тоже немки, отдал все завоёванные земли обратно Фридриху, да ещё заплатил ему, за что и был вскоре убит гвардейцами, которые провозгласили Екатерину императрицей.

– Про Фридриха ничего не знаю, а про Катю-императрицу слышал от дедов своих, – ответил на рассказ Ивана Петровича пожилой солдат. – Эта Катюка всех мужиков в крепость отдала помещикам, и место женское у неё всегда чесалось, потому и была она блудницей, за что муж её – царь Пётр, которого бояре называли Емелькой Пугачёвым, отрёкся от этой бляди и хотел дать мужикам вольную, но дворяне разгромили ополчения царя и убили его, царствие ему Небесное, не дав мужикам воли и земли помещичьей.

– Емельян Пугачёв не был царём, он был самозванец и бунтовщик, – поправил Иван Петрович того солдата, но солдат был непреклонен: – «По книгам вашим и поповским проповедям в церкви Емельян Пугачёв был бунтовщик, а по нашим сказам, от прадедов дошедших, был он настоящий царь Пётр Третий, и это ваша Екатерина Немецкая была самозванкой и блядью похотливой и жестокой, – закончил солдат, и другие сослуживцы его поддержали.

Иван Петрович понял, что спорить с малограмотными солдатами бесполезно и замолчал, но с той поры сослуживцы по взводу, узнав, что Иван Петрович в прежней своей жизни был учителем и писарем в армии, иногда просили его написать письмо домой или разрешить пустяковый спор.

Иван Петрович охотно исполнял такие просьбы и стал пользоваться уважением сослуживцев за свою грамотность и спокойный характер.

Был, правда, ещё случай, когда Иван Петрович обмолвился, что немецкий кайзер Вильгельм – это двоюродный брат царя Николая Второго. Этому никто из солдат не поверил и его подняли на смех: – Чтобы братья стали душегубами, в это невозможно поверить, – снова возразил Ивану пожилой солдат. – У нас на селе всякое бывает, и братья дерутся между собой из-за девки, но чтобы убивать – такого отродясь не было. Как же Николай Второй может людей своих посылать на смерть из-за ссоры с братом? Не по-божески это. Он наш царь-батюшка, а разве батюшка пошлёт своих детушек на убийство людей, пусть и немцев, из-за ссоры со своим братом? Нет, конечно, поэтому здесь неправда ваша, Иван Петрович, хоть вы и грамотный человек.

Однако дня через три, когда солдаты мылись в бане, тот солдат при всех извинился перед Иваном Петровичем за свои сомнения в его грамотности.

– Извините, Иван Петрович, что сомневался в ваших словах о том, что царь наш Николай и кайзер Вильгельм являются сродными братьями. Мне наш ротный, поручик Шишаков подтвердил ваши слова и показал газету, где царь и кайзер вместе. Выходит, что царь наш Николай не батюшка своему народу, а отчим жестокий под стать прабабке своей Катюке-развратнице.

Удивляюсь я вам, Иван Петрович, грамотный вы учитель, а ходите в простых солдатах, будто сермяжный крестьянин.

На том разговор и закончился.

Иван Петрович обратил внимание, что солдаты, прибывающие по мобилизации на пополнение полка, все низкорослые и тщедушные: редко кто из них был выше ростом, чем два аршина и три вершка, что по новому немецкому измерению означало метр и 55 сантиметров. В газете он прочитал, как полковник Генерального штаба жаловался на хилость новобранцев и их неграмотность, отмечая, что новобранцы из крестьян по скудости питания редко кушали мясо, и потому были низкорослые и хилые, неспособные к тяжелому солдатскому труду бежать в атаку с оружием в руках.

Так за три столетия правления династии Романовых русский народ из высоких и сильных чудо-богатырей, как называл своих солдат Суворов, превратился в хилаков, ниже ростом на целую четверть пехотной винтовки-трехлинейки, которые наконец-то прибыли на склады и начали выдаваться солдатам полка, что сулило скорую отправку полка на фронт.

Действительно, в начале октября, полк покинул казармы и, не дожидаясь прибытия полковой артиллерии, погрузился в эшелоны и отправился на фронт, который находился в сотне вёрст западнее Минска.

Перед отправкой на фронт Ивану Петровичу приказом по корпусу было присвоено звание младшего унтер-офицера, как грамотному солдату-добровольцу, прослужившему год в армии.

Наконец-то он примет участие в настоящих боевых действиях, о которых много слышал от ветеранов полка из тех немногих солдат, что уцелели от зимних и летних сражений на северо-западном фронте.

Летом 15-го года полк участвовал в боях под городом Просныш, где немцы предприняли наступление, планируя окружить русские армии и вывести Россию из войны, чтобы потом разгромить Францию и Англию.

В этом сражении немцы добились решающего превосходства над русскими в технике, особенно в артиллерии и боеприпасах. Против 377 русских орудий немцы имели 1256. Русские, по распоряжению командования, могли расходовать не более 5 выстрелов на орудие в день, тогда как немцы стреляли без ограничений. Перед фронтом Сибирской дивизии немцы имели трехкратное превосходство в личном составе и артиллерии.

Тринадцатого июля немцы открыли огонь из 800 орудий, выпустив за несколько часов тысячи снарядов, которые перепахали русские окопы и блиндажи. Расстроенные батальоны полка вынуждены были отойти, потеряв до трети состава рот.

Под постоянным огнём немцев остатки полка оказали серьёзное сопротивление врагу и к вечеру от полка осталось менее 500 штыков – это восьмая часть личного состава.

На следующий день немцы продолжили наступление, но сибирские стрелки сумели отбить атаку, несмотря на большие потери, что сорвало немецкий план окружения русских армий.

В результате Проснышского сражения Сибирский стрелковый полк потерял почти всех солдат и офицеров, но не пропустил многократно превосходящего врага. Отлаженная и хорошо вооружённая германская армия сломалась о дух сибирских стрелков.

Окружить русские войска немцам не удалось, но, потеряв половину солдат, и не имея поддержки артиллерии, русские войска отступили под огнём противника на 500 вёрст в глубину страны, пока не остановились под самой Ригой.

Во время этого сражения Иван Петрович проходил обучение в тылу на пополнение личного состава полка и не мог участвовать в сражении, хотя и числился в составе полка, не имея личного оружия и командиров, кроме унтер-офицеров, проводивших подготовку новичков к боевым действиям на фронте.

Теперь, в вагоне эшелона, Иван Петрович, вспоминая рассказы ветеранов полка о сражениях с немцами, испытывал холодок в душе, понимая, что его стремление изменить свою жизнь достигло такого предела, когда может внезапно закончиться и сама жизнь в боях на фронте.

Однако обратной дороги нет, и пришла его пора принять участие в бессмысленной войне, затеянной бездарным царём, и ставкой на участие Ивана в этом вселенском безумии будет его жизнь.

III

Железная дорога была забита эшелонами с войсками и беженцами из захваченных немцами территорий, и Сибирский полк, двигаясь с остановками, лишь на вторые сутки добрался до Минска, где получил приказ занять позиции под Сморганью у города Крево, что в 100 верстах на северо-запад от Минска, и сменить там изрядно потрёпанные немцами пехотные части.

К месту дислокации полк двинулся пешим ходом, сопровождаемый армейским обозом, но по-прежнему без артиллерии, ибо орудия должны были оставить сменяемые войска. К исходу третьего дня солдаты, измученные переходом по раскисшей дороге и промокшие насквозь от мелкого морозящего постоянно дождя, добрались до места назначения.

Третий батальон Ивана Петровича занял позиции у деревни Войташи, которая полностью выгорела под обстрелом немцев, оставив лишь головешки от дворовых построек и изб.

Линия обороны располагалась в низине, на лугу, была не обжита и не обустроена, и батальоны немедленно принялись укрепляться в обороне и строить блиндажи в преддверии наступающей зимы.

На следующий день, по прибытию, выпал снег, похолодало и жизнь в землянках, наспех вырытых прежними обитателями, становилась невозможной. Батальон разделился надвое: одна часть укрепляла траншеи и укрытия от немецких снарядов, натягивала колючую проволоку против вражеской пехоты, а другая часть строила блиндажи для зимовки во второй линии обороны саженей в 300 позади переднего края.

Немцы были впереди в версте, занимая возвышенность, с которой прекрасно была видна линия обороны русских войск, что позволяло вести прицельный артиллерийский обстрел русских позиций, чем немцы немедленно и воспользовались, заметив перед собой свежие части. От немецкого обстрела погибло трое бойцов и несколько, получив ранения, отбыли в тыл на излечение – для них война временно закончилась, не успев начаться, а для погибших война закончилась навсегда.

Поняв уязвимость позиций полка для немецкой артиллерии, командир полка приказал все работы проводить только ночью, чтобы избежать потерь личного состава.

Так и повелось: днём солдаты отсыпались все, кроме боевых расчётов, а ночью занимались рытьём второй линии траншей на переднем крае, установкой проволочных заграждений и минированием ничейной полосы, а также обустройством тёплых блиндажей для личного состава во второй линии обороны.

На переднем крае блиндажи заливало водой, стоявшей в земле на глубине аршина, и построить укрытия было невозможно. Вода хлюпала под ногами и в траншеях первой линии обороны. Разумнее было бы оставить низину для боевых дозоров, а оборону перенести во вторую линию, что была несколько выше и без подземных вод, но приказа такого не поступало, и приходилось мириться с неудобством обороны с водой в траншеях по щиколотку сапог, которые у многих солдат прохутились и пропускали воду и траншейную грязь, пока влагу не прихватили морозы.

За месяц ночных работ батальон Ивана Петровича вполне обжился на новом месте и полк подготовился к возможному наступлению немцев, поставив проволочные заграждения и мины на нейтральной полосе, отрыв траншеи в полный профиль и укрепив блиндажи лесом, что заготавливали в тылу и подвозили ночами на подводах.

Блиндажи для зимовки и укрытия от немецких снарядов отстроили добротнo, установили в них железные печурки, дощатые двери и зимовка батальона обещалась пройти вполне благополучно, если бы не две неожиданные напасти: пища и дерьмо.

В обозном батальоне кормёжка солдат была вполне удовлетворительная. Интендант, имея связи на складах, выбирал все положенные продукты хорошего качества, и далее кашевары готовили пищу в стационарных условиях: щи и каши с мясом, хлеб свежий, и даже сахару иногда перепадало по куску. Многие обозники лишь в армии впервые попробовали мясо и от добротного питания, несравнимого со скудным крестьянским столом, поправлялись и подрастали.

В стрелковом полку поначалу, на подготовке, пища тоже была удовлетворительная, и неприхотливый в еде Иван Петрович вполне довольствовался солдатским столом.

Однако, с переходом на фронт, солдатский стол оскудел и ухудшился качеством. Интенданты на пути от воинских складов до передовой линии разворовывали продукты, а оставшиеся зачастую успевали подпортиться или вовсе сгнить, и потому щи бывали пустыми и из гнилой капусты, а каши из плесневелого зерна и со свиной тухлятиной.

Такой пищи не выдерживали даже крестьянские желудки солдат и приходили в полное расстройство, вызывая частые позывы к опорожнению, но опоражняться в первой линии было негде: уборные на виду немцы расстреливали из орудий, а вырыть землянки для нужников было невозможно по причине высоких подземных вод, и солдаты, почуяв позывы, справляли нужду прямо в траншеях, не удосуживаясь убежать во вторую линию, где были нужники, невидимые немцам.

Поэтому в траншеях стояла вонь отхожего места, человеческое дерьмо было всюду: под ногами, в траншейной грязи, на брустверах и в лужах, и, возвращаясь с дежурства в первой линии, солдаты приносили дерьмо на сапогах в жилые блиндажи, которые по запахам напоминали отхожие места.

– Мы словно золотари здесь пропахли насквозь дерьмом, – жаловался Иван Петрович своему командиру отделения старшему унтер-офицеру Тихонову, у которого числился помощником.

– Лучше быть вонючим, чем мёртвым, – спокойно отвечал старший унтер-офицер. – Не гонять же солдат в сортир за триста саженей во вторую линию: пока бегут туда, обмараются, что ещё хуже. Погоди, вот установятся холода, дерьмо замёрзнет, и запахи пропадут до весны, а там, даст Бог, пойдём в наступление и покинем эти вонючие места.

Этот Тихонов пережил зимнее наступление немцев под городом Августом, потом участвовал в боях под Проснышем, когда полк был почти весь уничтожен и уцелели единицы, поэтому уповал на Бога, который сохранил ему жизнь, и воспринимал любые трудности, как должное ему испытание за оберег Божий от немецкой пули или плена.

Вскоре наступили холода, и действительно, запахи и грязь скрылись под снегом и перестали досаждать солдатам, да и еда улучшилась: зерно не плесневело и мясо не тухло на морозе, хлеб не покрывался зеленой плесенью, и после разморозки был как свежий, только крошился.

К Новому году в полк завезли зимнее обмундирование: шапки, рукавицы, байковое бельё и портянки, и солдаты, утепившись, надеялись мирно пережить зиму, тем более, что немец, судя по всему, наступать здесь не собирался, и лишь изредка постреливал из орудий, чтобы держать русских в напряжении.

В январе спокойной жизни полка наступил конец. Пришёл приказ из корпуса организовывать раз в неделю атаку на немцев с целью захвата первой линии обороны, чтобы немцы не смогли снять свои войска здесь и перебросить их во Францию, где затевалось большое немецкое наступление на англичан и французов.

Это Николай Второй откликнулся на просьбы союзников оказать им помощь и не дать немцам усилиться на Западном фронте. Одновременно во Францию был направлен экспедиционный корпус русской армии.

Царь Николай с покорностью слуги исполнял просьбы союзников, которые не пришли ему на помощь в прошлогоднем летнем наступлении немцев, когда русской армии пришлось отступить по всему фронту на 500 и более вёрст: союзники не пожелали наступать, чтобы отвлечь немцев с Восточного фронта и не дали оружия, особенно артиллерии и снарядов, в которых остро нуждалась царская армия.

Приказ о ведении позиционных наступательных боёв для отвлечения немцев был глуп: сил для решительного наступления у русской армии на Северо-Западном фронте не было, и поддержка артиллерией не обеспечивалась из-за отсутствия снарядов и малого числа орудий, но что не сделаешь, чтобы услужить подловатым союзникам, а солдатского быдла в России было предостаточно, и жалеть крестьянские жизни ни царь Николай, ни его генералы не собирались.

Командир корпуса приказал полкам наступать поочередно, чтобы сбить немцев с толку, и они, ожидая главного удара, не могли бы перебрасывать войска с Восточного фронта на Западный.

Стрелковому сибирскому полку выпал жребий выступить первым. Полковник Яныгов отдал приказ наступать утром на Крещение, когда немцы, думая, что русские отмечают православный праздник, будут беспечны.

Утром, в темноте, батальоны сосредоточились в передовых траншеях, чтобы в назначенный час выступить в атаку на немецкие позиции без артиллерийской поддержки. До немецкой передовой была целая верста пути по заснеженной равнине, и многие бойцы должны были лишиться жизни в белом безмолвии, исполняя приказ.

Погода, однако, выдалась как по заказу: мела метель, сильный ветер дул в немецкую сторону, и, получив сигнал, батальоны поднялись в молчаливую атаку, утопая в снегу по колени. Утренние сумерки и метель скрыли наступающие цепи русских и без единого выстрела бойцы подошли к проволочным заграждениям. Сапёры стали делать проходы, перекусывая большими ножницами колючую проволоку, а Иван Петрович, не ожидая сапёров, скинул шинель, набросил её поверх проволоки, перекинулся с несколькими бойцами на другую сторону, тем же способом прошли ещё два ряда проволоки и тяжело дыша передовой группой приблизились к немецким траншеям.

Немецкий солдат, что сидел на дежурстве в траншее, вдруг с ужасом увидел над собой русского солдата в чёрной мохнатой шапке сибирского стрелка и без шинели с винтовкой наперевес. Он не успел вскрикнуть, как Иван Петрович всадил ему штык в грудь с такой силой, что проткнул немца насквозь и вонзил остриё штыка в бревно.

Белёвые глаза немца, казалось, вылезли из глазниц, потухли и закрылись, пока Иван Петрович вытаскивал штык из бревна. Он убил человека, но не понимал происшедшего, действуя машинально, как учили на плацу протыкать соломенное чучело в немецкой форме.

Освободившись от убитого немца, Иван Петрович с иступленной решимостью побежал вперед по траншее, в которой сквозь метель виднелись вдали неясные силуэты немцев. Страх не было, все чувства заторможены и он действовал машинально: остановился и выстрелил два-три раза в движущиеся впереди тени, которые заматались ещё быстрее и послышался жалобный крик – так кричат раненые зайцы, затравленные собаками в лесу во время псовой охоты.

Проваливаясь в глубокий снег, наметенный ночной вьюгой в немецкие траншеи, Иван Петрович, стреляя и орудя наобум штыком, пробирался вперед, чувствуя сзади дыхание и выкрики своих однополчан, которые нагнали бойцов вырвавшихся вперед и теперь очищали вторую линию обороны немцев, изгоняя врага всё дальше и дальше к третьему ряду траншей, скрытых пеленой снега разбушевавшейся метели.

В четверть часа всё было кончено и бойцы, заняв две линии обороны немцев, устало повалились на дно немецких траншей, тяжело дыша и возвращаясь от исступления боя к реальности метельного февральского утра.

Немцы, пришедшие в себя после неожиданного наступления русских, организовали оборону в своей третьей линии и начали обстреливать из орудий свои бывшие позиции, захваченные русскими.

Иван Петрович вместе с другими солдатами ждал в траншее приказа продолжить наступление и выбить немцев с последнего рубежа их обороны, чтобы выкинуть неприятеля из блиндажей и траншей в чистое поле, заставив отступить немцев глубоко в тыл.

Немцы, несмотря на непогоду, мешающую прицельной стрельбе из орудий, накрыли огнём свои бывшие траншеи: тут и там начали раздаваться крики раненных бойцов попавших под обстрел. Вдруг снаряд разорвался совсем рядом за поворотом траншеи, где прятались трое бойцов из взвода Ивана Петровича, и на него сверху свалилось что-то тяжелое, в котором он с ужасом узнал человеческую ногу, вырванную снарядом прямо из бедра у кого-то из солдат, что прятались по соседству. Он с отвращением сбросил человеческую плоть с себя и, окровавленный, отполз вглубь траншеи – подальше от места гибели своих товарищей, содрогнувшись от мысли, что и он мог быть на месте несчастного солдата, которого разорвало на куски взрывом немецкого снаряда.

Солдаты ждали приказа, батальон нёс потери от обстрела немцев, но приказа к дальнейшему наступлению так и не поступило. Уцелевшие бойцы просидели в заснеженных немецких траншеях до самого вечера и изрядно подмерзли, когда поступил приказ вернуться назад на свои позиции.

В планах генералов большое наступление на врага не предполагалось: наступление батальона было призвано создать видимость готовности русских к решительному наступлению, чтобы немцы подтянули сюда свои резервы и укрепляли оборону, ослабив тем самым натиск немецких войск на союзников русского царя во Франции. Усталые, замерзшие и голодные солдаты, озлобленно ругаясь, вернулись в свои траншеи.

В этом бою Иван Петрович впервые столкнулся лицом к лицу с неприятелем, убил в штыковой атаке человека и, видимо, нескольких ранил или застрелил из винтовки, действуя машинально и не испытывая ни страха, ни других человеческих чувств, повинувшись лишь стабильному чувству движения толпы наступающих товарищей.

Он ощущал себя частицей этой толпы, гонимой в наступление приказами командиров, как февральский ветер гнал и кружил снежные вихри, бросая их в лицо немцам и подгоняя русских в спину, что и обеспечило успех этого зряшного наступления, затеянного бездарными генералами, ради выполнения приказа царя Николая ценою жизни крестьян, ставших на время войны солдатами.

В первом бою Иван Петрович открыл в себе свойство не цепенеть от страха при реальной угрозе своей жизни или здоровью себе и своим товарищам, а действовать решительно и инстинктивно, преодолевая опасность и лишь потом, когда опасность преодолена или ликвидирована, ощутить нервное истощение и упадок сил.

Вот и после этого бессмысленного наступления с реальной угрозой своей жизни он, возвратившись в землянку, лёг на своё место на нарах и проспал почти сутки под завывания вьюги, продолжавшей бушевать, благо что офицеры не тревожили солдатский покой после демонстративной атаки на немцев, которая стоила жизни нескольким солдатам, семьи которых через некоторое время получили короткие извещения об их гибели «За царя и Отечество» в бессмысленной войне, затеянной бездарным царём.

Через день командир роты зашёл в блиндаж и сообщил Ивану Петровичу, что написал представление о награждении его Георгиевским крестом четвёртой степени за то, что он первым ворвался в немецкие траншеи и обеспечил успех наступления роты.

– Но мы в итоге отступили вечером, какой же это успех наступления, Ваше благородие? – возразил Иван Петрович.

– Неважно, чем закончился этот бой, важно, что ваш поступок был совершен и достоин награды, – разъярил поручик младшему унтер-офицеру Домову, обращаясь к нему на «вы», поскольку Домов был вольноопределяющимся и с высшим образованием, – так было принято в царской армии: офицеры к солдатам обращались на «ты» и лишь к вольноопределяющимся с высшим образованием офицеры обращались на «вы», но руки при этом не подавали.

Следующая атака батальона на немецкие позиции случилась через неделю, утром, которое выдалось ясным и морозным: было за пятнадцать градусов мороза и снег искрился под лучами низкого восходящего февральского солнца и поскрипывал под сапогами бойцов, сгрудившихся в передовых траншеях.

Немцы, заметив движение на русских позициях, видимо с интересом наблюдали сверху за передвижениями русских, чувствуя себя неуязвимыми на своей линии обороны, господствующей над низиной, занимаемой русскими.

Трубач подал сигнал к атаке и серая солдатская масса начала выплескиваться из траншей, строиться в цепи и мерным шагом, утопая в снегах по колено, двигаться к немецким рубежам обороны в полной тишине. Русская артиллерия не сделала ни единого выстрела в помощь наступающим цепям сибирских стрелков, отчетливо видимых на искрящемся под солнцем снегу.

Иван Петрович шагал в первой цепи наступающих, рядом с ротным командиром, поручиком Мелковым, ибо устав царской армии предписывал офицерам, вплоть до командира роты, при наступлении быть впереди, вместе со своими солдатами.

Немцы, зная уставы русских, успешно выбивали офицеров на дальних подступах к своим позициям оружейным огнем, оставляя русских солдат без командиров и тем самым срывая наступление даже превосходящих сил русских. Но пока русские цепи, проваливаясь в глубоком снегу, не миновали и половину пути до немецких окопов и проволочных заграждений, со стороны немцев тоже не раздалось ещё ни единого выстрела и не единого артиллерийского залпа.

Три наступающих цепи русских, извиваясь и ломая строй из-за глубокого снега, медленно приближались к немецким заграждениям. Когда до русских оставалось метров триста, немцы открыли оружейный огонь, расстреливая русских как куропаток на снегу. Тотчас ударила и немецкая артиллерия.

Среди наступающих сибирских стрелков начали рваться снаряды, взметая вверх фонтаны снега попеременно с землей. Кое-где на снегу начали оставаться серые бугорки солдатских шинелей – это лежали раненые и убитые, для которых наступление уже закончилось навсегда.

Солдаты, остающиеся в строю и подгоняемые офицерами, попробовали ускорить шаг, чтобы добраться до немцев и ударить в штыковую атаку, которую немцы не выдерживали, но огонь с немецких позиций усилился, и русские цепи залегли в глубоком снегу на виду у противника.

Командир роты попытался поднять наступавших бойцов в атаку своим примером, встав во весь рост с револьвером в руке. Этот порыв подхватили Иван Петрович и ещё несколько солдат и редкой цепочкой устремились вперед, тогда как остальные бойцы остались лежать в снегу.

Немцы сосредоточили огонь по наступающим. Пули свистели справа и слева, но Иван Петрович, будто в трансе, бежал рядом с поручиком, не понимая, что бежит навстречу своей верной гибели.

Вдруг поручик нелепо взмахнул руками, изогнулся и упал боком на снег, который тотчас окрасился алыми пятнами крови. Заметив это, Иван Петрович подбежал к офицеру и упал рядом с ним, убедившись, что поручик только ранен и находится без сознания.

Спасение раненого офицера в бою является одной из основных солдатских заповедей и Иван Петрович, ухватив поручика за ворот шинели, ползком потянул его назад к своим окопам.

Залегшие в снегу цепи русских зашевелились и тоже ползком покатались назад, поняв всю безнадежность этого нелепого наступления, оставляя раненых и убитых на снегу, перемешанном с землей и кровью.

Иван Петрович оказался позади отступающих однополчан и ближе к немцам, которые заметив шевеление раненых, расстреливали их прицельным огнем из винтовок – как в тире.

Солнце, скрывшееся за облачком, выглянуло вновь и ослепило немцев ярким светом, мешая им вести прицельный огонь по отступающим и раненым русским, что и спасло Ивана Петровича от расстрельных выстрелов противника. Пули свистели рядом, одна из пуль скользнула по сапогу и оторвала каблук, не задев, однако, ноги.

Зарываясь в глубоком снегу, Иван Петрович дотянул офицера до передовой траншеи, обессилено свалился вниз и стащил поручика за собой, спасая этим жизни ему и себе.

Подбежавшие солдаты подхватили офицера и унесли по траншее вглубь обороны, а Иван Петрович остался среди сослуживцев, которые убедившись, что он не ранен, похлопывали его по плечу и поздравляли с чудесным спасением.

– Повезло мне в этот раз, – придя в себя, подумал он, взглядываясь из траншеи в неподвижные серые фигурки раненых и убитых товарищей, что валялись в беспорядке на изрытом снарядами заснеженном поле. – Ради чего были убиты и ранены мои товарищи, телами которых усеяно это поле?

Без огневой подготовки и прикрытия артиллерией, среди бела дня, наступление было обречено на неудачу, но штабные генералы гнали и гнали русских солдат под немецкие пули и снаряды, чтобы исполнить приказ Верховного Главнокомандующего – царя Николая Кровавого, атаковать и атаковать немцев, не позволяя им перебросить резервы во Францию, где воевали царские союзники: французы, англичане и прочие европейцы.

Всего этого Иван Петрович не знал и не мог знать, но в бездарность армейского руководства поверил полностью и окончательно, убедившись, что жизнь солдатская ничего не стоит, по разумению генералов, коль они гонят солдат на убой под пули и снаряды немцев, словно скот на скотобойне под ножи мясников.

С наступлением сумерек санитары убрали с поля тела убитых и замёрзших солдат, поскольку все раненые, не сумевшие самостоятельно добраться до траншей, замёрзли и очо-ченели в солдатских шинелях и сапогах, не приспособленных согревать крестьянские тела и души столь длительное время даже на небольшом морозе короткого февральского дня.

Следующим днём, командир батальона, через комвзвода передал унтер-офицеру Домову, что его представили к награждению Георгиевским крестом третьей степени за спасение своего командира. Это известие Иван Петрович принял без возражений. Сослуживцы поздравили унтер-офицера с наградой, где-то раздобыли спирта, бойцы выпили за награждённого и помянули убитых бойцов роты, что погибли в этой атаке: таковых оказалось одиннадцать человек и три десятка раненых.

– Ещё несколько таких глупых атак и от батальона ничего не останется, – заметил Иван Петрович, отказавшись от выпивки, предложенной сослуживцами, чем вызвал неподдельное удивление сибирских стрелков.

– Как же так, господин унтер-офицер, с мороза и ради награждения не выпить чарку водки? – удивился боец-сибиряк. У нас, в Сибири, завсегда в мороз, зайдя в дом, положено

мужику чарку водки выпить, чтобы кровь разогреть. Не жить вам в Сибири, коль вы совсем не пьёте, – выразил он сочувствие, осушив и вторую чарку.

Прошла ещё неделя, и поступил приказ из дивизии в очередной раз потревожить немцев, показывая намерение овладеть их позициями для дальнейшего наступления.

Иван Петрович, услышав приказ о скором наступлении, предложил новому командиру роты:

– Там, у немцев перед самой траншеей есть небольшая впадина, которая не видна немцам. Если ночью туда залечь в белых халатах, в которые нарядить солдат, можно будет закидать немцев гранатами и отвлечь их от наступающих. Давайте я с несколькими бойцами попробую это сделать, чтобы обеспечить успех нашего дела и избежать напрасных жертв. Предложение унтер-офицера было принято.

За два дня группа добровольцев из двенадцати человек пошили белые халаты, сменила черные бараньи шапки, в которые одевались сибирские стрелки, на серые пехотные, натерли винтовки мелом, чтобы ничего темного не выделялось на белом снегу, и подготовились к утренней засаде под боком у немцев.

Перед рассветом, забрав весь батальонный запас ручных гранат, добровольцы покинули траншеи и поползли в сторону немецкой обороны, чтобы залечь в низине вне видимости врага ожидая наступления батальона, и неожиданным ударом ошеломить неприятеля и обеспечить успех наступления.

Погода благоприятствовала успеху дела. Как и в первом наступлении, к утру разыгралась метель, снежные вихри в наступившем зимнем утреннем рассвете били в спину наступающим цепям русских, делая их совершенно невидимыми для немцев.

Саперы, которые выдвинулись заранее, лёжа в снегу, сделали проходы в колючей проволоке, в три ряда огораживающие позиции немцев по фронту. Под порывами ветра, пустые консервные банки, что немцы развесили на колючке, гроыхали и звенели с самого вечера и потому немцы не обращали уже внимания на этот шум который должен был предупреждать их о приближении русских.

В условленный час, а именно, в восемь утра, засадная группа начала забрасывать немецкие окопы и траншеи ручными гранатами, создавая впечатление у немцев, что русские ворвались с тыла.

Немцы, как и в первую атаку, быстро покинули первую линию своей обороны, чтобы дать отпор русским во второй линии.

Группа добровольцев вместе с Иваном Петровичем прорвалась сквозь проволочные заграждения и устремила за убегающим врагом, забрасывая немцев гранатами.

Наступающие цепи батальона успешно преодолели заграждения и вслед за добровольцами ворвались в опустевшие немецкие траншеи первой линии и, не останавливаясь, ринулись следом за немцами, не давая им времени на организацию обороны во второй линии.

Немцы, не выдержав натиска сибирских стрелков, кинулись дальше в тыл, в третью линию своей обороны, где находились их основные силы, проживающие в теплых блиндажах вне досягаемости русской артиллерии.

Поняв, что русские захватили первую линию обороны, артиллерия немцев начала обстрел утраченных позиций.

Иван Петрович, вместе с добровольцами укрылся в траншеях второй линии обороны немцев, обстреливая врага из винтовок, поскольку гранаты закончились. В траншеях тут и там валялись убитые немцы и русские, вперемежку, как их застигла смерть от пули, снаряда или осколка гранаты.

Успех наступления был полным. Бойцы, ожидая помощи русской артиллерии, держали оборону от немцев во второй линии, чтобы пойти в наступление, прорвать и третью линию

обороны противника и выкинуть врага в поля и леса, где невозможно организовать оборону в глубоких снегах.

Прошел час, другой, артиллерия русских сделала несколько выстрелов по немцам и замолчала, оставив наступающий батальон без огневой поддержки.

Немцы, напротив, усилили прицельный огонь по своим бывшим траншеям, которые были ими пристреляны, нанося батальону русских существенные потери.

После полудня поступил приказ: с наступлением сумерек покинуть неприятельские позиции, захваченные ценою гибели многих товарищей и возвратиться на исходные позиции, что и было сделано.

Иван Петрович не знал, как и все солдаты, что такие бессмысленные наступления вовсе не преследовали цель опрокинуть врага, а лишь создавали иллюзию у немцев, что русские ищут слабые места в их обороне, чтобы прорвать фронт и погнать немцев на запад из пределов Российской империи.

Эти наступления царь Николай, по просьбе союзников, приказал совершать регулярно, чтобы немцы не смогли снять свои резервы и перекинуть их на Запад для борьбы с французами и англичанами, терпящими поражения на Западном фронте.

Ради помощи союзникам царь Николай готов был воевать до последнего русского солдата. Целый корпус русских солдат по приказу царя Николая был переброшен во Францию и воевал там на стороне союзников: так царь откупался жизнями солдат за огромные долги, набранные царским правительством у Франции.

Летом прошлого года, когда немцы большими силами атаковали русские войска по всему Восточному фронту и продвинулись вглубь Российской империи на тысячу и более вёрст, царь Николай тоже просил союзников организовать наступление на Западном фронте, но те отказались под надуманными предлогами неготовности своих войск к большому наступлению, оставив русских без поддержки, что и привело к «великому» отступлению русских войск из Польши и Прибалтики.

Иван Петрович вместе с восемью уцелевшими товарищами из своего взвода возвратились в свои загаженные траншеи и окопы, проклиная царя и генералов за бессмысленную гибель своих однополчан.

На этой зимней атаке и завершилось участие Ивана Петровича в боях с немцами. Конечно, ему ещё не раз случалось попадать под обстрелы немецкой артиллерии, но самому участвовать в наступлении или отбивать атаки наступающих немцев уже не доводилось.

За два года службы в армии Иван Петрович участвовал лишь в трёх боях с немцами и эти бои длились несколько часов, но вспоминались потом всю оставшуюся жизнь.

Три раза он участвовал в бессмысленных атаках батальона на немцев и трижды отличился в этих атаках, проявив мужество и героизм и будучи представлен, каждый раз, к награждению Георгиевским крестом для нижних чинов. Вот и в этой последней атаке все добровольцы – гранатометчики были представлены к награждению Георгиевскими крестами, а Иван Петрович был представлен к награждению Георгиевским крестом второй степени.

Эту награду из Георгиевских крестов четырёх степеней учредил ещё император Александр Первый своим указом от 1807 года. Ими награждались унтер-офицеры, солдаты и матросы, «Кои в сухопутных и морских войсках наших действительно служа, отличатся противу неприятеля отменною храбростью».

При награждении Георгиевскими крестами всех четырёх степеней, награжденный становился полным Георгиевским кавалером и его фамилия высекалась на мраморных досках Георгиевского зала Большого дворца Кремля. Ивану Петровичу до «полного банта» не хватило Георгия первой степени, когда зигзаги судьбы изменили его воинскую службу в очередной раз.

Награждение Иван Петровича тремя Георгиевскими крестами, вызвало уважение сослуживцев.

– Так вы, господин унтер-офицер, и полным Георгиевским кавалером скоро станете, если не убьют, – воскликнул сибиряк, что предлагал неделей раньше выпить водки. А мне не надо никаких крестов в награду – лишь бы вернуться домой живым и невредимым. Трое детей малых у меня осталось дома, и если отца убьют, кто о них позаботится? Жене одной не поднять их на ноги, и родичей там нет.

Мы переселенцы из Малороссии, по столыпинской реформе переехали в Сибирь и стали было обживать, а тут война проклятая с немцами, и забрали меня в солдаты по навету старосты села, хотя вместо меня должен был идти его сынок неженатый. Дома, в Украине, не было справедливости, нет её и в далёкой Сибири.

– Хватит нюни разводить, – осадил сибиряка старший унтер-офицер. – мы Ивана Петровича поздравляем, а не жалобиться пришли. Я, например, в прошлом году через такие сражения прошёл, что вспоминать страшно и заслужил только два Георгия, а Иван Петрович за три атаки на немцев в три недели три креста заимел по заслугам. Чудно, конечно: учитель, а пошёл в солдаты добровольно, да в атаки ходит бесстрашно, не иначе жизни своей не жалеет по какой-то причине, но то не наше дело. Своей задумкой про засаду под носом у немцев, он многим жизни спас, за что большое ему спасибо и уважение от общества.

Бессмысленные атаки на немцев закончились, батальон потерял более ста человек убитыми и ранеными. Полк, наверное, раза в три больше, для фронта потери по отвлечению немцев с западного фронта составили тысячи погубленных и изувеченных бойцов, но царь Николай Кровавый, видимо, получил благодарность от своих союзников, главным из которых был его двоюродный брат английский король Георг, готовый сражаться с немцами до последнего русского солдата.

Недели через три, на Масленицу, Ивана Петровича вызвал вестовой в штаб полка. В штабном блиндаже, что находился в третьей линии обороны полка, был накрыт праздничный стол, возле которого, стоя, грудились офицеры полка, при свете керосиновых ламп выбирая закуски и напитки, что раздобыл для господ офицеров полковой интендант в чине майора.

Когда Иван Петрович вошёл в ярко освещённый блиндаж, он отыскал взглядом командира полка и, подойдя ближе, чётко доложил: «Ваше высокоблагородие, младший унтер-офицер Домов по вашему приказанию прибыл!»

Полковник Яныгов поставил рюмку с водкой на стол и, обратившись к офицерам, произнёс:

– Господа, представляю вам героя нашего полка унтер-офицера Домова. Он доброволец, дворянин, с институтским образованием, за три недели атак на немцев отличился храбростью и находчивостью и награждён тремя Георгиевскими крестами. Вчера пришли приказы по корпусу о награждении, и я вручаю заслуженные награды нашему храбрцу. Пока есть такие солдаты в русской армии, никакие немцы нас не одолеют.

Полковник вручил Ивану Петровичу кресты с приказами о награждении, дал ему рюмку с водкой и предложил офицерам выпить за унтер-офицера, что офицеры охотно сделали, услышав, что солдат является дворянином. Иван Петрович тоже выпил рюмку, не решившись отказываться в присутствии офицеров и командира полка.

Полковник пожал руку солдату, что было против правил, и распорядился интенданту выдать ему водки и закусок: – Пусть солдатики тоже отметят награждение своего товарища, поскольку немецкой атаки не предвидится, а унтер-офицера Домова я намерен отправить в школу прапорщиков: хватит ему, дворянину, проживать в солдатской землянке с бывшими крестьянами – пора перебираться в офицерский блиндаж к своему сословию.

На выходе из блиндажа унтер – офицер получил от интенданта вещмешок с водкой и закусками и поспешил в солдатскую землянку отмечать масленицу и своё награждение.

В землянке, среди сослуживцев, обрадовавшихся неожиданному застолию с хлебным вином, Иван Петрович прикрепил Георгиевские кресты к гимнастёрке и прочитал вслух при-

казы о своём награждении. Два приказа были датированы одним днём: 24 февраля – видимо в штабе корпуса замешкались, и получилось, что Иван Петрович в один день был награждён двумя крестами, которые теперь поблёскивали у него на груди.

IV

Через две недели Иван Петрович получил приказ по полку о своём командировании в Псковскую школу прапорщиков для обучения и присвоения офицерского звания.

Собрав вещи и попрощавшись с сослуживцами навсегда, как думал Иван Петрович, он в середине апреля направился своим ходом в офицерскую школу, куда прибыл через три дня пути на повозках, железной дорогой и пешком, имея на руках оправдательный приказ по полку, если воинские патрули подозревали его в дезертирстве.

Почти через два года войны, не видя её конца, некоторые солдаты самовольно покидали части и пытались вернуться в родные места, где их ожидали бедствующие семьи, лишившиеся кормильца. Этих дезертиров беспощадно вылавливали жандармы и воинские патрули на железнодорожных станциях, судили военным трибуналом и, не найдя оправдательных мотивов, расстреливали. В защите своей власти и укреплении армейской дисциплины, царь и его генералы действовали беспощадно, не обращая внимания на житейские обстоятельства, вынуждавшие солдат к дезертирству с фронта.

Прибыв в школу прапорщиков, Иван Петрович приступил к обучению, большую часть которого занимала строевая подготовка на плацу, проводившаяся пожилым майором, с первого дня невзлюбившего младшего унтер-офицера дворянского происхождения с разноцветными глазами, глядевшими нагло, по мнению майора.

Иван Петрович ходить строем не умел и не старался учиться, полагая, что на фронте нужны другие навыки, чем умение маршировать гусиным шагом.

Майор строевой службы считал иначе и через две недели написал рапорт на непокорного унтер-офицера, настаивая на отчислении за недостаточную строевую подготовку. Командир училища не стал возражать, и Иван Петрович был отчислен и направлен обратно в часть для дальнейшего прохождения службы.

– Что же вы, батенька, подвели нас, – высказал своё недовольствие подполковник – начальник штаба полка, когда Иван Петрович возвратился в полк после отчисления из училища.

– Считаю своё отчисление необоснованным, но оправдаться не удалось. Видимо, не бывать мне офицером из-за строевой подготовки, – ответил Иван Петрович. – Прошу вернуть меня на прежнее место службы.

– Ничего, ничего, всякое бывает, – успокоил его начштаба, – пройдёт несколько месяцев и, если не будет военных действий, направим вас снова в другое училище – офицеров катастрофически не хватает, тем более с боевым опытом, как у вас.

Так Иван Петрович вернулся к своим сослуживцам, которые искренне обрадовались его возвращению в солдатскую землянку. В обороне, на одном месте, солдаты страдали от безделья, а Иван Петрович рассказывал занимательные сказки из истории, что воспринималось неграмотными солдатами как развлечение.

Весна вступила в свои права, снега растаяли, обнажив кучи отходов человеческой жизни, накопившихся за зиму, которые размывались вешними водами и сливались в траншеи, вызывая стойкий запах отхожего места. Действительно, война, по мнению Ивана Петровича, сродни копанию в человеческом дерьме – тот же запах и тот же результат.

Немцы, видимо, достигли намеченных рубежей на этом участке фронта, укрепили оборону дополнительными рядами колючей проволоки и минированием, и перестали даже обстреливать русские позиции, зная наверняка, что русские части здесь не имеют сил и артиллерии для решительного наступления.

По слухам от беженцев, иногда пересекающих линию фронта тайными тропами через болота и леса, немцы в своём тылу занялись устройством оккупационной администрации, обещая Польше, Прибалтике и Белоруссии независимость от России, но под немецким протекторатом и в случае своей победы. Богатые поляки, литовцы, латыши, эстонцы и белорусы рьяно взялись за обустройство своих будущих государств, умело разжигая среди населения ненависть к русским.

Наступили теплые дни, зазеленела трава, распустились листья на деревьях, земля подсохла, исчезли запахи и грязь человеческого бытия, и солдаты, в свободное время от боевого дежурства в окопах первой линии, устраивали посиделки на свежей травке, штопали форму, делали постирушки портянок и нижнего белья, избавляясь от вшей, одолевших за зиму, когда из-за морозов не всегда можно было помыться и пропарить обмундирование в вошебойках.

Иван Петрович по причине вшивости постригся наголо, как и большинство солдат и, раздобыв керосина, смазывал им одежду и укромные места на теле, изгоняя вшей.

Весенними ночами на него нападала бессонница и, ворочаясь на нарах, он вспоминал жаркие объятия девицы Нади, от которой и сбежал в армию.

Эти воспоминания распалили мужские желания, он отгонял мысли об этой девице, и тогда ему почему-то, сквозь дрёму, являлся тот немецкий солдат, которого он заколол штыком насмерть. Такие воспоминания с отчетливым хрустом человеческого тела под напором штыка были ещё более неприятны, чем воспоминания о женской неверности девицы Надежды, и тогда Иван Петрович вставал, пил холодную воду из бачка, выходил из землянки и долго-долго смотрел на звездное небо, наблюдая, как тут и там одинокие звезды срываются с места и, падая, сгорают в вышине.

Помнится, сожительница отца – Фрося, говорила, что каждая упавшая звёздочка – это чья-то закончившаяся жизнь человеческая.

– Где же моя звёздочка, и когда она сорвётся с места и сгорит в вышине, не долетев до земли, – размышлял унтер-офицер, пока глаза не начинали слипаться, и он, возвратившись в землянку, спокойно засыпал под переливчатые храпы сослуживцев.

– Весна, время сеять рожь, а мы здесь торчим, в окопах, бесполезно. Хоть бы немец наступил или наши пошли в бой – всё веселее, чем маяться в безделье, – ворчали солдаты, собравшись для беседы на пригорке под майским ласковым солнцем.

– Расскажи-ка, Петрович, какую историю из иноземной жизни в древности – всё лучше, чем думать о доме, – просили сослуживцы, и Иван Петрович рассказывал о Греции, Риме и русских князьях, что в боях и сражениях основали и укрепили Русское государство.

– Наш-то царь, Николашка, не чета будет тем князьям, – подвёл итог один из солдат. Ввязался в войну с немцем непонятно за что. Дарданеллы какие-то у Турции отнять захотел. Японскую войну профукал и эту с немцем тоже теряет. Почитай на тыщу вёрст от границы отступили и сидим здесь в окопах уже год ни с места.

Не умеешь воевать, так сиди тихо и не высовывайся. У нас на масленицу мужики на кулачках бьются забавы ради. Так на бой этот выходят только сильные и умелые бойцы, чтобы не посрамиться перед сельчанами. Если кого и побьют, так в равном бою и без обиды.

У немца орудий полно и снарядов, а у нас нет ни шиша: так какого же рожна царь наш попёрся на эту войну? Пусть бы немцы и австрияки бились с англичанами и французами, а мы бы стояли в стороне и посмеивались, как на кулачном бою.

Я слышал, что царская жена – немка, подбила царя на бой с кайзером Вильгельмом – вот он и поддался на бабьи уговоры, не имея за собой силы. Миллионы людей погубили, а толку нет. Пусть бы царь с кайзером в одиночку на кулачках бились: кто одолеет, тому и верх, а мы бы стояли в стороне и дивились.

Под сказки и разговоры окопная жизнь текла быстрым ручейком. Наступило лето, отпели соловьи в рощах, пришло время сенокоса, но никто не вышел на луга с косой вблизи фронта

– весь народ разбежался кто куда, деревни выгорели от немецких снарядов, и даже ближний городок Сморгань был разорён дотла и остался без жителей.

В июле месяце Иван Петрович получил предписание отбыть в штаб Минского военного округа для дальнейшего командирования на офицерские курсы.

– Вы уж, унтер-офицер, не подведите полк со своей учёбой, – напутствовал его начальник штаба полка, вручая отпускные документы. – Будет обида всему полку, если вас снова отчислят. Что это, мол, такие у вас Георгиевские кавалеры, которые офицерами стать не желают? Поезжайте и, надеюсь, что вернётесь назад уже офицером.

Получив такие наставления, Иван Петрович отбыл в Минск, где в штабе округа, узнав, что он был писарем в обозном батальоне, задержали унтера при штабе, и до сентября месяца Иван Петрович усердно переписывал штабные бумаги, пока, наконец, не получил направление на учёбу в Сибирь, не зная ещё, что больше не вернётся сюда до самого окончания войны и много позже.

V

Воинский эшелон мчал младшего унтер-офицера Домова на восток в город Омск для обучения в школе прапорщиков и производства в офицеры, если обучение будет благополучным. У него уже была одна попытка обучаться в Псковской школе прапорщиков, но там, начальник учебной роты, испытывая непонятную личную неприязнь к грамотному унтер-офицеру и к тому же дворянину, настоял на отчислении курсанта за недостаточную подготовку в строевом отношении.

Действительно, Иван Петрович не имел навыков строевой подготовки и потому не умел ходить строевым шагом и маршировать на плацу, полагая, что в окопной войне умение маршировать совершенно бесполезно. Но строевик-майор считал иначе и настоял на отчислении Георгиевского кавалера, унтер-офицера Домова из школы прапорщиков.

И вот, по настоянию командира полка – полковника Яныгова унтер-офицер был направлен в штаб Минского округа, откуда командирован в Омскую школу прапорщиков.

Дверь теплушки, в которой ехал Иван Петрович вместе с другими солдатами, была открыта, и солдаты с любопытством вглядывались в мелькавшие вдоль железки леса, поля, полустанки и деревеньки, скрываемые иногда клубами пара от натужно пыхтевшего паровоза.

Было начало октября, поля опустели, а леса оделись в золото и багрянец осенней листвы, которую не успели сорвать ветер и ненастье осени, неумолимо приближающееся с каждым днём. Но пока светило нежаркое солнце, было тепло и сухо, словно на дворе стояло бабье лето.

Иван Петрович сидел у открытого проёма двери, свесив ноги наружу и, как и все солдаты, любовался открывающимися перед ним картинами русской природы, готовившейся к долгой зиме. Он впервые, на тридцать первом году жизни уезжал так далеко от родных мест. Сложилось так, что он учился, работал и воевал неподалёку от родного села в Могилёвской губернии, и не уезжал дальше трехсот вёрст, если не считать двух поездок в Москву и Петербург, и вот теперь ехал в далёкую Сибирь за тысячи вёрст от родных мест.

В эшелоне было две теплушки для солдат, пассажирский вагон для офицеров и конвоя, а все остальные вагоны были с грузом, необходимым воинским частям на Дальнем Востоке, и самым необходимым было зерно и крупы для пропитания служилых людей в долгую и холодную зиму.

Попутчиками Ивана Петровича были солдаты, едущие в отпуск после ранения, демобилизованные по увечью или направляющиеся к новому месту службы. За порядком в эшелоне следил начальник конвоя – пожилой унтер-офицер с четырьмя солдатами, что посменно охраняли эшелон от лихих людей на стоянках в городах и станциях смены паровозов вместе с машинистами.

Конвой обеспечивал солдат горячей пищей, что готовил повар на полевой кухне, располагавшейся на платформе сразу за штабным вагоном, в котором ехало несколько офицеров, не пожелавших ждать пассажирского поезда, чтобы ехать с удобствами согласно офицерскому положению.

Унтер-офицер Домов с серебряным Георгиевским крестом на гимнастёрке вызывал уважение у малограмотных солдат, случайно узнавших, что до войны он работал учителем и имеет высшее образование: что такое высшее образование солдаты не знали, но само слово как бы относилось к унтер-офицеру к высшему сословию, вызывая, однако, недоумение, что такой человек находится в низких чинах.

Унтер-офицер, начальник конвоя, проверяя документы Ивана Петровича при погрузке в Москве, не преминул спросить: – Как же вы, Иван Петрович, имея высшее образование, дворянин, оказались в низких чинах, и лишь сейчас едете в Омск за получением офицерского звания? Или провинность какая за вами была? А может, революционером были, и вас вместо ссылки отправили на фронт? Извините, что любопытствую, но мне это необходимо знать для соблюдения порядка на вверенном мне эшелоне.

На эти слова Иван Петрович ответил, не скрываясь: – По своей глупости оказался я в солдатах. Поссорился со своей невенчанной женой и пошёл добровольцем в солдаты, думая, что война будет недолгой и победоносной, как обещал царь-государь Николай Второй.

Третий год уже служу, а войне конца не видать, уйти из армии добровольно нельзя, вот и еду за офицерским званием в Омск. Строевых офицеров немец выбил за два года войны, и теперь через ускоренные курсы таких, как я, с образованием и опытом войны производят в офицеры. Служил солдатом, послужу офицером, но как закончится война, демобилизуюсь немедленно и буду снова учительствовать.

Начальник конвоя вернул бумаги Ивану Петровичу и посочувствовал: – До чего бабы мужиков доводят – на войну учитель убежал, лишь бы подальше от своей благоверной быть.

Этот разговор слышали другие солдаты, и потому Иван Петрович стал уважаем и к нему частенько обращались с вопросами объяснить что-то непонятное: увиденное, услышанное или просто пришедшее в голову неграмотному солдату, призванному на войну из глухой деревеньки на несколько десятков дворов.

– Сколько земли пустует, – вздохнул какой-то солдат на второй день пути, когда Иван Петрович снова сидел в проёме двери, бездумно глядя на мелькающие просторы, – а у нас в деревне на Рязанщине приходится полторы десятины общинной пахотной земли на едока мужского пола, поэтому и живём впроголодь – сюда надо перебираться, где земли свободной много.

– Здесь вся земля кому-то принадлежит, – огорчил солдата Иван Петрович, – либо царю, либо помещику, либо общине. Вот когда переедем за Уральские горы, там земли свободной вдоволь, но пахотной мало, да и хлеб там вырастить сложно по климату, потому наш эшелон и везёт зерно на Дальний Восток, что не научились ещё там выращивать пшеницу.

А насчёт земли рязанской могу сказать, что неподалёку, в Саратовской губернии, был губернатором Пётр Столыпин, который потом стал Председателем Правительства при царе Николае Втором, так у этого Столыпина было семь тысяч десятин земли пахотной на него одного с семьёй. Да и государевой земли везде много – вот крестьянам и не хватает, потому и живут крестьяне впроголодь.

Эшелон остановился на очередном разъезде, пропуская пассажирский поезд, и солдаты гурьбой высыпали из вагона на обочину, бесстыдно справляя нужду, присев на глазах пассажиров проходящего состава. В теплушке была параша, но ей старались не пользоваться, чтобы ночами не дышать тяжелым запахом. Была в теплушке и печка-буржуйка, которую пока не топили ввиду тёплой погоды.

На третий день эшелон въехал в Уральские горы, которые громоздились справа и слева, пока состав, извиваясь, словно змея, объезжал одну вершину за другой.

Иван Петрович впервые увидел горы и был поражён нагромождением скал и обрывов, хотя и знал, что горы эти невысоки, но жителю равнины они казались огромными.

Через день эшелон добрался до Екатеринбурга и впереди снова расстелилась равнина, привычная глазу бывшего учителя и будущего офицера русской армии.

– Вот мы и въехали в Сибирь, – вслух вымолвил Иван Петрович, когда эшелон, после задержки в Екатеринбурге, где к нему прицепили несколько вагонов, помчался под паровозные гудки по безжизненной равнине, поросшей берёзами и осинами, уже сбросивших листву и местами стоявших на болотах, что подчёркивало ещё более угрюмость этой местности.

– Земли, конечно, в Сибири много, – высказался кто-то из солдат через несколько часов, когда эшелон остановился на очередном разъезде, пропуская встречный поезд, – но если она вся такая пустынная и болотистая, то проку от такой земли нет, потому и зерно сюда везут из России, что здесь полей нет.

– Здесь-то поля есть, если на юг поехать, а вот дальше за Иркутском полей совсем мало, до Иркутска отсюда около четырёх тысяч вёрст, но Омск, куда мне надо по предписанию, в тысяче вёрст будет, и там пшеница и рожь хорошо родятся, только не каждый год из-за засухи частой – это я из географии знаю, – пояснил Иван Петрович солдату, всматриваясь в унылый вид обнажённого осеннего леса, стоявшего в чёрной болотной воде.

– Это сколько же дней эшелон будет ехать до Владивостока, если до Иркутска такая даль? – удивился солдат, сидевший рядом с Иваном Петровичем у открытой двери и грызший ржаной сухарь, каковым пайком снабдили всех солдат при отбытии из Москвы на случай бескормицы в эшелоне.

– Начальник конвоя говорил, что бывает по месяцу и более едут в один конец, а бывает, что и за две недели добираются. Раньше, когда железки не было, лошадьми добирались месяцами: что в Иркутск, что ещё дальше.

Был такой писатель Чехов, так он в повозке полгода добирался до Сахалина острова. Сейчас половину Сахалина отдали японцам за проигранную войну. Тогда ещё не было сплошной железки до Дальнего Востока, может потому войну и профукали япошкам, но думается мне, что генералы царские и при железной дороге умудрились бы уступить японцам.

Нынешние-то генералы не лучше тех будут, потому и война на месте стоит. Наш полк два года уже на одном месте в Белоруссии фронт держит: мы наступать не можем, но и немцев держим и не поддаёмся врагу. Если бы войну с японцами в 1905 году выиграли, глядишь, и немец бы на нас не попёр, побоялся бы.

Хотя, с другой стороны, кайзер немецкий, Вильгельм, приходится двоюродным братом нашему царю Николаю Второму, а царская жёнушка и вовсе немецкая принцесса – могли бы по-родственному договориться между собой и не втравливать людей в смертоубийство, но гонор оказался сильнее родственных отношений, вот и воюем больше двух лет, и миллионы людей уже погибли с обеих сторон, а война ни с места, – закончил Иван Петрович своё длинное пояснение словам солдата, что сидел рядом.

– Вижу, не жалуete вы нашего царя-батюшку, коль такие речи про него ведёте. Не дай Бог, кто донесёт – могут наказать за крамолу.

– Дальше фронта не пошлют, – отмахнулся Иван Петрович, – и потом, я не погаными словами поношу царя, а высказываю мнение о ненужности этой войны русскому народу – да и немцы, по слухам, тоже не хотят уже воевать – не то, что в прошлом году.

День клонился к вечеру, заметно похолодало, за полуоткрытой дверью мелькал всё тот же лес в болотах, и солдаты растопили буржуйку, чтобы спать в тепле, поскольку снаружи вагона замелькали пушистые хлопья снега.

К исходу седьмого дня пути эшелон пересёк реку Иртыш и втянулся на подъездные пути Омской товарной станции. Иван Петрович простился с попутчиками и пошёл к коменданту вокзала справиться о своём дальнейшем действии.

Комендант, просмотрев предписание, указал, что училище прапорщиков находится в версте от вокзала на берегу Иртыша, если двигаться по центральной городской улице.

Не мешкая, Иван Петрович направился к училищу и через полчаса предъявлял свои документы дежурному офицеру, поскольку канцелярия уже закрылась. Офицер направил солдата в казарму на ночлег, наказав завтра прийти в канцелярию и оформиться по всем правилам.

Иван Петрович пошёл в казарму, расположился на свободной койке, что ему указал дневальный, разделся, лег и сразу уснул: в дороге он спал плохо под стук колёс, и потому чувствовал себя усталым и разбитым.

Утром, вскочив с кровати по сигналу «подъём», Иван Петрович обнаружил, что ночью выпал снег, который укрыл белым покрывалом всё вокруг, – хотя вчера ещё солнце светило полетнему, было тепло и ничто не предвещало приближения зимы: к таким, сибирским, изменениям погоды ему предстояло привыкать и в дальнейшем.

Позавтракав вместе с другими курсантами, Иван Петрович пошел в канцелярию оформляться о своем прибытии в школу прапорщиков.

Начальник канцелярии, посмотрев документы, передал их работнице канцелярии: девушке лет двадцати по имени Анна.

Девушка, приняв документы, взглянула в разноцветные глаза нового курсанта, смутилась, покраснела и, опустив глаза, начала подшивать бумаги в папку, на которой каллиграфическим почерком с наклоном влево вывела: «младший унтер-офицер Домов Иван Петрович».

Потом Анна подняла глаза и, вновь вспыхнув румянцем, тихо произнесла: – Приказ о вашем зачислении будет завтра, а сегодня пройдите к начальнику строевой части, который определит вас в учебную роту, в которой будете учиться и даже можете быть свободны, на занятия с завтрашнего дня. Вот ваше направление к начстрой, – закончила девушка и подала листок бумаги, снова покраснев в смущении, прикоснувшись тонкими пальчиками к ладони Ивана Петровича.

Взяв бумагу, Иван Петрович пошел разыскивать начстрой, а девушка в замешательстве смотрела ему вслед, то бледнея лицом, то заливаясь краской. На выходе из канцелярии Иван Петрович резко обернулся и перехватил пристальный взгляд Анны, отчего она отвернулась и склонилась над бумагами.

– Какая непосредственная девушка, – подумал он, выходя из канцелярии. – Не красавица, но привлекательной наружности с открытым взглядом и девичьей застенчивостью, и главное, что у неё почерк, как у меня, с наклоном букв влево. Надо будет обязательно познакомиться с ней при первой возможности, хотя вряд ли она захочет иметь знакомство с простым солдатом: вон сколько здесь, в училище, офицеров, есть и молодые, а со мной в солдатской форме и пройтись такой девушке по городу будет стыдно – она, видимо, из приличной семьи.

С другой стороны, из документов моих она знает, что я не лапотный солдат, а после курсов и вовсе офицером буду. Надо постараться окончить эти курсы: надоело жить среди солдат малограмотных и нюхать в казарме чужие портянки. Война чёрт знает сколько ещё будет длиться, а я уже два года не держал женщину в своих объятиях: в бордель сам не хочу идти, а с солдатом приличные женщины стесняются гулять, да и времени и денег у солдата нет, чтобы развлечь девушку.

Размышляя о превратностях солдатской службы, Иван Петрович разыскал начстрой – пожилого майора интендантской службы, который определил вновь прибывшего во второй взвод второй учебной роты, занятия в которой начались три дня назад.

– Что же вы задержались с прибытием, – укорил майор Ивана Петровича, обращаясь к нему на «вы», как с будущим офицером. Начинаете обучение с нарушения дисциплины – непорядок, батенька, хотя вы и Георгиевский кавалер.

– Нет моей вины, Ваше благородие – эшелон задержался, а ехать пассажирским поездом нижним чином не положено.

– Располагайтесь в казарме в своём взводе и командир взвода, поручик Бельский, введёт вас в курс занятий, – закончил майор свои наставления.

Поручик Бельский, оказавшийся в казарме, принял доклад Ивана Петровича о зачислении во вверенный поручику взвод и предложил унтер– офицеру коротко рассказать послужной список. Услышав, что Иван Петрович потомственный дворянин с высшим образованием, он искренне удивился его солдатской службе:

– Я тоже дворянин, окончил Кадетский корпус и направлен сюда преподавать уставы, хотя и просился на фронт. В армии офицеров не хватает, сюда, в училище, принимают всяких мещан и студентов недоучившихся, а вы, дворянин, служили солдатом, когда дворянство исконно означает воинскую службу офицером, даже если нет специальной подготовки. Может проступок за вами какой-то числится, за который вы наказаны солдатской службой? Сознавайтесь, иначе я из личного дела всё узнаю, когда оно придёт почтой в училище.

– Добровольно я пошёл воевать, думал, что недолго война будет длиться, а ей конца и края не видать, потому и согласился вернуться в офицерство, согласно дворянскому сословию, – нехотя признался Иван Петрович в своём ошибочном решении уйти в солдаты от бывшей любимой, но ставшей ненавистной женщины.

Поручик принял объяснение, но предупредил:

– Основное требование в училище – это дисциплина. Научитесь дисциплине, сможете тогда и солдат приучать к порядку. Субординацию соблюдайте неукоснительно, и до производства в офицеры извольте обращаться с командирами по ранжиру.

На этом командирские наказания закончились, и Иван Петрович утром следующего дня приступил к занятиям. Он уже обучался месяц в школе прапорщиков в Пскове, из которой был отчислен за недостаточную строевую подготовку, поэтому здесь, в Омске, начал старательно маршировать на плацу со своим взводом, чтобы не повторилась псковская история.

Кроме строевой подготовки на классных занятиях изучались уставы и тактика, а также практические занятия по оружейной подготовке с изучением всех видов стрелкового оружия, применявшегося в пехотных частях, и был курс артиллерийской подготовки.

Генштаб полагал, что такой подготовки достаточно, и прапорщики с ускоренных курсов далее в чинах повышаться не будут без дополнительного обучения.

VI

Снег, который выпал с приездом Ивана Петровича, так и не растаял, наступили холода, и курсанты старательно маршировали на плацу, держа строй и отрабатывая повороты.

Дни были заняты полностью, и Ивану Петровичу никак не удавалось навестить приглянувшуюся ему девушку Анну из канцелярии: днём отлучиться невозможно – даже на приём пищи курсанты ходили строем, словно новобранцы, а вечером, когда было свободное время, канцелярия закрывалась.

В бессмысленной муштре и зубрёжке уставов прошло два месяца, и отношение к курсантам резко изменилось: до выпуска в офицеры оставалось менее половины срока, и преподаватели дали послабление распорядку – после обеда выделялся час свободного времени, а по воскресеньям выдавалась увольнительная в город с полудня и до 18 часов, когда было уже совсем темно на городских улицах.

Иван Петрович немедленно воспользовался свободным часом после обеда и в первый же день зашёл в канцелярию.

Увидев вошедшего унтера с разноцветными глазами, Анна, как и в прошлый раз, вспыхнула лицом и, отведя взгляд, начала перебирать бумажки на своём столе.

Иван Петрович справился у нее пришло ли его личное дело военной почтой, поскольку без него производство в офицеры могло быть отложено.

Анна тотчас нашла его папку, что надписала в тот первый раз и, не раскрывая, сообщила, что личное дело пришло и с документами всё в порядке, можно проверить.

Иван Петрович взял папку, как бы случайно прикоснувшись рукою к руке девушки, и почувствовал словно искра обожгла его руку от этого прикосновения, а Анна, зардевшись, смело взглянула ему в глаза, выдав своё равнодушие к этому солдату.

Иван Петрович, мужчина за тридцать лет, тоже покраснел и неуверенно предложил:

– Давайте, Аня, сходим в воскресенье в кинематограф, я возьму увольнительную, если вас не смутит прогулка с простым солдатом.

– Вы не простой солдат, и я с радостью пройду с вами, не стесняясь пересудов, – мгновенно ответила девушка, снова выдав себя, что знакомилась с личным делом Ивана Петровича.

Иван Петрович города не знал и потому уговорился о встрече за воротами училища ровно в полдень воскресного дня.

Через два дня в условленное время он вышел из проходной училища и увидел Анну, одетую в цыгейковую шубку, пуховый платок, валенки и переминавшуюся с ноги на ногу: мороз стоял под тридцать градусов, и даже в валенках девушка замерзла, ожидая назначенной встречи.

Иван Петрович в солдатской шинели и сапогах мгновенно продрог и, зябко поеживаясь, быстро приблизился к ожидавшей его девушке. Она смело взяла его под руку и не терпящим возражения тоном сказала:

– Вам, Ваня, холодно будет в солдатской шинельке бродить по городу: ещё обморозитесь, не дай Бог, и я буду виновата. Давайте пойдём ко мне: я здесь неподалёку снимаю комнату, там, в тепле, попьём чаю и поговорим – мне не терпится услышать ваши рассказы о войне.

Анна вела себя так, будто они давно знакомы и друзья, несмотря на разницу в возрасте: на вид ей было не более двадцати лет.

Иван Петрович немедленно подчинился, они направились по заснеженной улочке вдоль деревянных домов и домишек, которыми был застроен весь город Омск, стоило лишь отойти от центральной улицы, тянувшейся вдоль реки Иртыш на несколько вёрст.

Солдат спрятал обнажённые руки в карманы шинели, Анна обвила его руку через локоть, и сунула свою озябшую руку в меховую муфточку, которая служила барышне вместо рукавичек по нынешней моде: война-войной, но женские причуды в одежде никто не отменял даже здесь, в холодной Сибири.

Солнце ярко светило на безоблачном небе, снега искрились на солнце, ослепляя взгляд и вызывая жгучие слезы, которые мгновенно замерзали на студеном воздухе. Такой мороз Иван Петрович испытывал впервые в жизни и был рад, что Анна повела его в тёплый дом, иначе на улице он бы не смог долго бродить с девушкой.

Пройдя сотню шагов молча, Анна взглянула искоса на Ивана и вдруг вскрикнула: – Ваня, у вас ухо левое побелело от мороза – немедленно надо растереть его снегом, иначе будет потом болеть долго, и, схватив горсть снега, принялась энергично растирать одно ухо, потом другое, которое тоже побелело на морозе и, закончив с ушами, натянула Ивану солдатскую шапку на уши, которые покраснели, словно маки, и горели огнём от растирания.

Девушка потянула его за собой, и через минуту они оказались около небольшого домика, почти скрытого за высоким забором.

– Вот мы и пришли в мой дворец, – весело сказала Анна, открывая калитку и затягивая Ивана во двор. – У меня здесь комната с отдельным входом со двора, сейчас увидишь, –

пояснила девушка, незаметно перейдя на «ты» в разговоре с солдатом, которого и видела-то в третий раз.

Через сени они прошли в жилище Анны, которое оказалось комнатой с кроватью, шкафом и кухонным уголком с неизменным самоваром на столе, труба от которого сквозь стену выходила наружу.

– Разогрейтесь, Ваня, у печки, потом разденетесь и будем пить чай, – сказала Анна, подведя Ивана к выступающей задней стенке печи, оказавшейся тёплой.

– В комнате своей печи нет, и я обогреваюсь от хозяев, которые отделили эту комнату, забили дверь досками и теперь сдают её в наём.

– Как же вы готовите себе пищу, – удивился Иван, прижимаясь всем телом к тёплой печной стенке и чувствуя, как живительная теплота разливается по всему телу, отогревая застуженные мысли и чувства.

– У меня есть керосинка, на которой я иногда что-то готовлю, но редко: готовить я не люблю, кушаю немного, и поэтому частенько обхожусь чаем с разными вкусоностями, – пояснила Анна, снимая шубку, валенки и, одев войлочные чуни, направляясь к самовару с намерением разжечь его и угостить Ивана чаем.

– Комната почти такая, как была у моей Надежды, которая тоже сразу привела меня к себе и немедленно отдалась, поскольку была приучена к мужской ласке, – неприятно поразился Иван Петрович, – неужели и Анна вожделеет плотских удовольствий и потому привела меня к себе?

С подтаявших сапог Ивана на пол натекла лужа и он, сняв шинель, нерешительно остановился, не зная, как поступить дальше: надо бы снять сапоги, но там портянки, а босиком ходить по дому и холодно, и неприлично.

– Как мне быть с сапогами? – спросил Иван, – я солдат – портяночник, а босиком неприлично.

– Снимай, снимай, босиком ходить не придётся: я связала носки и подарю их тебе, чтобы ноги не мёрзли на наших морозах – в носках будете ходить по дому.

– Анна ведёт себя как опытная женщина, желающая мужской ласки, вот и носки у неё оказались, видно не раз уже приглашала курсантов сюда для плотских утех, – тоскливо подумал Иван Петрович, потому что Анна ему сразу понравилась и снова столкнуться с обманом чувств он не желал, даже испытывая мужское вожделение, которое оставалось без удовлетворения уже два года войны.

Он разулся, надел носки, подумав, что кто-то другой их надевал прежде, и присел у стола, хмуро наблюдая, как Анна старательно разжигает самовар. Самовар разгорелся, Анна, довольная собою, села рядом на табурет и только сейчас заметила угрюмость своего гостя.

– Что случилось, Ваня? – участливо спросила Анна, – может, уши обмороженные болят? Так это быстро пройдёт, потому что я их вовремя оттёрла.

– Неловко мне, что вы, Анна, сразу пригласили меня к себе, не зная, что я за человек, называете меня Ваней, дали мне чужие носки, которые для таких гостей, как я, и предназначены, и, вероятно, ожидаете от меня поцелуев и мужской ласки? – неприязненно ответил Иван на вопрос девушки.

Анна вспыхнула, смутилась, но открыто взглянула ему в лицо и, запинаясь, объяснилась Ивану:

– Вы мне приглянулись сразу, как только вошли в канцелярию: я почувствовала неизъяснимое тепло и спокойствие, исходившие от вас, чего со мною никогда не бывало прежде. Потом, прочитав ваше направление, где указано было, что вы учитель, дворянин и храбрый воин, имеющий награды, я поняла, что хочу быть с вами всегда, быть вашей женой и иметь от вас детей. Поэтому я и называю вас Ваней, обращаюсь на «ты» как с близким человеком и

связала эти носки, надеясь, что заведу вас к себе и объяснюсь сама, пока курсы не закончились, и вы не отправились снова воевать.

У меня здесь до вас никто из мужчин сюда не заходил, я ни с кем не встречалась, хотя и были от курсантов и офицеров приглашения встретиться, но я не чувствовала своего притяжения к этим мужчинам, а к вам почувствовала сразу.

Анна подошла к солдату и, наклонившись, неумело поцеловала его в губы. На этом решительность и смелость покинули девушку, и она едва не упала без чувств, если бы Иван, вскочив, не подхватил её под руки и не прижал благодарно к себе, чувствуя, как теплота девичьего тела перетекает в него, наполняя блаженным покоем.

Аня пришла в себя, чуть отстранилась от него, взглянула Ивану прямо в глаза и, увидев в них что-то ожидаемое, доверчиво прижалась головой к его груди.

Самовар заклокотал и Анна, опомнившись, отделилась от Ивана и, опустив стыдливо глаза, пошла хлопотать у стола, собирая угощение гостю.

Взяв с холодного подоконника кульки и свертки, она порезала ветчину, сало, сыр, нарезала все это и разложила на блюдо. Потом достала из свертка жареную курицу, вынула из березового тuesка буханку белого хлеба, положила на стол и пригласила Ивана к столу, всё ещё не поднимая глаз и ожидая, что ответит солдат на её объяснение чувств.

Иван окончательно понял, что девушка сделала свой выбор и теперь напряженно ждет ответного признания, не помышляя об отказе.

Иван решительно тряхнул головой, подошёл к девушке, обнял её за плечи и шутливо сказал:

– Я хотел сегодня прогуляться с девушкой Аней и посмотреть синематограф, а оказался в гостях у своей невесты Анны. Рассказывай, невеста, о себе, пока солдат, как в сказках, будет насыщаться с дальней дороги. Ты, Аня, знаешь обо мне из личного дела, а я о тебе ничего не знаю, кроме того, что ты оказалась моей невестой и будущей женою по собственной воле и непринуждённо.

Анна тотчас повеселела, окинула благодарным взглядом Ивана и начала рассказ о себе, не забывая потчевать солдата своими припасами, что купила накануне специально для этой встречи.

Она оказалась уроженкой этой местности и жила неподалёку в 150 верстах отсюда в городе Токинске. Окончила там церковно-приходскую школу, потом женскую прогимназию в городе Таре, потом училась в учительской семинарии в Ялуторовске и после её окончания уже полгода работает в канцелярии училища прапорщиков, куда её пристроил присяжный поверенный её отца.

Отец – Антон Казимирович, поляк, был сослан сюда за революционную деятельность в юности, но здесь остепенился, занялся делом и торговлей, и сейчас вполне благополучный купец. Мать – Евдокия Платоновна, из крестьян. Анна – единственная дочь у своих родителей, которые уже в возрасте, но бодры и здоровы. Сама Анна с мужчинами не дружила, ничьей невестой не была, является православной, но не очень верующей, и, как осмелилась признаться Ивану в своих чувствах, сама не знает.

– Понимаешь, Ваня, почувствовала к тебе какое-то притяжение, и мне будто кто-то подсказал свыше: – Это твой суженый, смотри, не упусти его, иначе не будет тебе счастья женского и семейного. Потому и решила сразу привести тебя сюда, полагаясь на твою порядочность и заметив, что ты тоже испытываешь хорошие чувства ко мне.

– Говорят, что глаза – это зеркало души человеческой, а я, Ваня, как только взглянула в твои разноцветные глаза: голубой и зелёный так и обомлела, и захотела быть с тобой вместе всю оставшуюся жизнь.

– Неужели так бы и пошла за простым солдатом, – недоверчиво спросил Иван, наливая очередную чашку душистого чая и балуясь конфеткой.

– Наверное, не пошла бы, – простодушно ответила девушка. Считаю, что мужчина должен быть грамотнее женщины – иначе лада в семье не будет. И если бы ты был без образования, я бы подавила в себе чувство притяжения к тебе. Но у нас ловко получилось – ты учитель, и я учительница, но попроще, и у нас будет не только жизнь общая, но и дело общее. Я себя с тобою ощущаю рядом легко и просто, словно знаю тебя много лет, – призналась Анна, взяв Ивана за руку.

Иван почувствовал, как невидимые нити прикосновения связывают их воедино, и ему с Аней тоже легко и спокойно, и любое его движение и мысль тотчас угадываются Анной и находят отклик в её душе.

На просьбу девушки он коротко рассказал о своей жизни: как учился, работал и воевал, убрав из рассказа отношения с женщинами. Аня внимательно слушала Ивана, изредка сочувственно кивая головой и ахая, когда солдат рассказывал об атаках немцев на фронте, и как он убил несколько из них, заслужив свои георгиевские кресты за храбрость.

– Что-то я ничего не услышала о женщинах в твоей жизни: не верится, чтобы их не было вовсе в твои тридцать лет, – спросила Аня с девичьей непосредственностью, прижавшись головой к плечу Ивана и вовсе не подозревая о том, какие мысли и желания возникают у мужчины при таких прикосновениях.

Иван слегка отстранился от девушки, ощутив прилив мужского желания, и, стараясь говорить равнодушно, ответил:

– Были случайные встречи и короткие отношения с женщинами, которые не оставили следа в моей душе, потому и не заслуживают воспоминаний. У мужчины чувство взаимности с женщиной появляется очень редко, даже если и есть близкие отношения.

Такого притяжения, как к тебе, у меня ещё не было ни к какой женщине, не было и душевного спокойствия, как с тобой сейчас, хотя мы и знакомы лишь несколько часов, потому и не помню я ничего о других женщинах и не упоминал о них в своём рассказе об изломах жизни своей до наших сегодняшних посиделок за самоваром. Я однолюб по натуре и надеюсь, что наконец-то встретил ту единственную девушку, которая станет мне единственной женой в жизни.

Однако, уже темнеет, и мне пора в училище, чтобы не опоздать из увольнения и не нарушить дисциплину, к которой здесь весьма строго относятся. Меня уже отчисляли в Пскове из училища прапорщиков, но теперь мне такого допустить нельзя – иначе ты не пойдёшь замуж за простого солдата, не так ли? – спросил Иван девушку.

Анна обиженно отстранилась от Ивана:

– Я говорила об образовании и душевном развитии, а не о чинах и званиях, и готова пойти замуж, даже если ты останешься солдатом. Но мне легче будет получить согласие родителей, если мой суженый будет офицером, – пояснила она, подавая Ивану шинель, пока он возился с сапогами, пытаясь втолкнуть в них ноги в носках и портянках, что ему удалось не сразу.

Аня тоже оделась и, несмотря на возражения Ивана, вызвалась проводить его до ворот училища.

На улице их встретила морозная тёмная ночь. Мириады звезд мерцали на ясном угольно-чёрном небе, привлекая взор таинственными просторами.

В углу небосклона поднималась жёлтая луна, чуть покрасневшая от сильного мороза. Природа застыла в ледяном безмолвии, где не было ни ветерка, ни малейшего движения. Даже собаки спрятались в свои будки, не брехали привычно из подворотни на солдата и девушку, спешивших по тропинке, поскрипывая снегом.

Тёплое человеческое дыхание на жгучем морозе мгновенно превращалось в снежную пыль и, подойдя к проходной училища, Иван и Анна покрылись снежной изморозью на воротниках, бровях и ресницах. Анна неумело поцеловала Ивана в заиндеветшие усы и, подтолк-

нув его к проходной, вприпрыжку, словно девочка, побежала домой, переполненная чувствами сбывшегося желания от встречи любимого человека, ответившего ей взаимностью.

Через день Иван забежал в канцелярию, чтобы сообщить Анне о предстоящем в училище праздничном вечере по случаю 48-го дня тезоименитства императора Николая II, на котором разрешено быть и курсантам училища, могущих пригласить своих знакомых, девиц, невест или жён.

Анна была в курсе этих событий и охотно согласилась быть с Иваном вместе на этом празднике, спросив шутливо, как он представит её перед другими курсантами и офицерами.

– Представлю невестой, ты же согласна быть моей женой, не так ли? – сделал он девушке предложение, которое Анна тут же приняла, поцеловав Ивана в щёку на глазах изумлённых канцелярских девушек, многие из которых точно также обрели в училище своих суженых, воевавших теперь на германском фронте вдали от этого сибирского города. Но Анна не думала так далеко вперёд, и потому была счастлива и беззаботна.

Праздник тезоименитства царя-императора прошёл весело и непринуждённо. До фронта курсантам было далеко и нескоро, лишений и нехватки продуктов здесь, в Сибири, не ощущалось. Играл духовой оркестр местного гарнизона, пары легко кружились в вихре вальса, Иван показал Анне своё танцевальное умение, казалось забытое, и девушка ещё более укрепилась в своём выборе единственного мужчины, который представил её сослуживцам как невесту, получив одобрение товарищей.

В следующий выходной день Иван, выхлопотав увольнительную для встречи с невестой, заспешил к знакомому дому, условившись с Аней, что зайдёт к ней, они попьют чаю и потом решат, если не будет морозно, пройтись в синематограф. Деньги у Ивана были даже на посещение ресторана, но он не хотел смущать девушку своим солдатским присутствием среди богатеньких торгашей и офицеров.

Войдя в дом, Иван застал Анну в хлопотах по розжигу самовара, который всегда давался ей с трудом. Раздевшись и обув войлочные чуни, что заботливо припасла ему невеста, он помог Ане разжечь самовар и, освободившись от дел, обнял девушку, прижал к себе всем телом и впервые поцеловал её в губы чувственным мужским поцелуем, чувствуя, как волна желания заполняет его целиком, заставляя страстно прижимать Анну к себе всё сильнее и сильнее.

Анна, почувствовав его желание, осторожно высвободилась из мужских объятий и, прижавшись головой к его груди, тихо сказала:

– Я уступлю тебе, если будешь настаивать, но хотела бы, чтобы у нас всё случилось по русскому обычаю: сначала венчание в церкви, потом свадьба и лишь затем супружеская постель. Ты мой мужчина и как скажешь, так я и поступлю.

Иван отстранился от девушки, выпил холодной воды из графина на столе и, подойдя снова к Анне, осторожно поцеловал её коротким поцелуем в губы, не давая своей страсти разгореться вновь.

– Конечно, дорогая, я поступлю по твоему желанию, извини меня за этот страстный порыв. Я уже написал отцу, что намерен жениться и жду теперь ответа.

Анна повеселела от этих слов и доверчиво объяснилась:

– Я тоже хочу быть твоей, хотя и не знаю, что это такое, быть мужней женой. Твоя вспышка страсти не испугала меня, но обрадовала: значит, ты хочешь быть со мной не только умом, но и сердцем. Потерпи, Ванечка, до нашей свадьбы – обещаю не разочаровать тебя. Я тоже написала родителям о своем скором замужестве, но ответа ещё нет.

Мне думается, что когда окончатся курсы, и тебя произведут в офицеры, ты возьмёшь отпуск по случаю женитьбы, мы поедем к моим родителям, там обвенчаемся, проведем отпуск и потом вернемся сюда: я провожу своего мужа и буду ждать верной женою. Ты согласен с таким планом?

Иван был согласен, они попили чаю, и Анна стала показывать свой фотоальбом, объясняя, кто и когда запечатлен на снимках. Иван, обнимая девушку и чувствуя её податливость, гасил свою мужскую страсть, отстраняясь от упругого девичьего тела и вновь прижимаясь к Анне, изображая, что он замерзает без её объятий, чему девушка охотно повиновалась.

В таких встречах проходили недели, прошли Рождество, Новый год и Крещение, и наступил день окончания училища.

Чего-то нового, что солдат не знал на фронте, Иван Петрович в училище не узнал за месяцы обучения, но научился выдержке и ответственности при обращении с нижними чинами, чего не имел прежде, будучи сам солдатом.

Выпуск офицеров после курсов состоялся в городском офицерском собрании, где на торжественном построении всем курсантам вручили офицерские погоны и зачитали приказ по округу о присвоении офицерских званий. Вечером там же был дан бал в честь новоиспечённых офицеров.

На построении и балу Иван Петрович был вместе с Анной, которая радостно прижималась к своему жениху, с гордостью поглядывая на окружающих женщин, не имеющих рядом такого красавца-мужчину. Действительно, в хорошо пригнанном офицерском мундире, пошитом за неделю до выпуска, с офицерской саблей и Георгиевским крестом на груди Иван Петрович выглядел благородно, ничем не напоминая простого солдата в мешковатом солдатском обмундировании.

Анна в длинном платье коричневого бархата и кружевной блузке с аккуратно зачёсанными волосами, собранными в тугий узел на затылке, выглядела юной гимназисткой и весело кружилась в танце с женихом, ловя завистливые взгляды женщин, одиноко стоявших вдоль стен бального зала: их мужья и поклонники были на фронте и навещали подруг лишь в краткосрочные дни офицерского отпуска. Такая же участь ждала и Анну, но это было далеко впереди, а уже скоро ей предстояла свадьба и таинственное супружество, думая о котором, она заливалась пунцовым румянцем.

На следующий день после выпуска из училища, Иван Петрович получил в канцелярии предписание отбыть в Иркутск в штаб округа для прохождения дальнейшей службы и отпускное свидетельство, дающее ему двухнедельный отпуск, не считая дороги, по случаю вступления в брак.

В офицерскую книжку новоиспеченного прапорщика внесли запись: «Был в походах и делах против Германии с 1 августа 1914 года по 26 июля 1916 года» и сделаны отметки о награждении солдатскими Георгиевскими крестами.

Получив подъёмные и офицерское жалование за месяц вперёд, с документами на руках, он направился в дом к Анне, чтобы переночевать там, и завтра отправиться в дорогу к родителям невесты для бракосочетания с их дочерью.

Перед уходом, он наказал Анне прихорошиться, чтобы зайти в фотографию и сделать их первый общий снимок перед свадьбой. Анна поняла это по-своему, и после ухода Ивана накрутила горячими щипчиками, которые подогрела в топке самовара, кудрявые локоны, что видала на женщинах в модных журналах.

Иван, увидев невесту в таком обличье, возмутился донельзя:

– Что ты, Аня, развела кудри, словно кокотка! У тебя естественная привлекательность лица, к которому хорошо гармонируют прямые волосы, а ты в этих кудряшках выглядишь лет на десять старше и будто распутная девка. Немедленно приведи себя в порядок, иначе никаких фотографий делать не будем и вечером не пойдем в театр, куда я взял уже билеты.

– Прости меня, Ваня, глупую, – безропотно подчинилась Анна указанию мужа, – хотела тебе понравится и выглядеть дамой светской, как Наташа Ростова на балу из книги Льва Толстого «Война и мир», – оправдывалась Анна, старательно выпрямляя свои волосы теми же щипчиками, что и накручивала кудри.

– Та Наташа, вскоре после бала предалась разврату с князем Куракиным, потом числилась невестой Болконского и лишь много лет спустя стала женою Пьеру Безухову, – надеюсь, ты не желаешь повторить её судьбу из-за своих кудряшек? – насмешливо упрекнул Иван свою невесту. – Через три дня ты станешь моей женой и, надеюсь, тебе будет не по пути с книжной героиней Льва Толстого.

Анна благополучно избавилась от локонов, привычно зачесала волосы в узел, и они пошли в фотографию, что была на центральной улице, неподалёку от училища.

День февральский выдался тихим и солнечным. Лёгкий морозец лишь румянил щёки, не обжигая лицо стужей. Редкие прохожие приветливо посматривали на бравого офицера с милостивой девушкой, которая держала его под руку, показывая всем своим видом, что имеет на это полное право.

Фотограф сделал пару снимков на громоздком деревянном аппарате, сказав, что фото будут готовы через несколько дней, ибо у него кончились реактивы для фотографий.

– Ничего, на обратном пути заберем фото, – беззаботно сказала Анна, – я к тому времени уже буду женой, а не невестой, – добавила Аня лукаво, посмотрев на Ивана и слегка покраснев в смущении, представив себя в объятиях мужа.

После фотографа они зашли в ресторан, хорошо и вкусно пообедали, официант был вежлив и предупредителен и Иван, расплатившись по счету, заметил Анне:

– Представь себе, что мы зашли бы сюда в мою бытность солдатом: был бы этот служка также вежлив с нами, будь я в солдатской форме? Конечно, нет. Поэтому я и не показывался с тобой на людях, потому что стеснялся своего вида среди этой публики. В окопах, среди солдат, мне нечего было стесняться, а здесь я чувствовал бы себя чужим и неуместным.

После ресторана они зашли в синематограф и посмотрели в живых картинках короткий водевиль, как муж уходит из дома, жена приводит любовника, муж возвращается, любовник прячется в шкафу, муж его находит, бьёт, тот убегает, а у мужа вырастают рога, как у оленя. Водевиль был пошловат, но живые картинки на белой простыне показались забавными и, развеселившись, они пошли дальше, направляясь к театру, хотя до спектакля оставался добрый час времени.

Здание театра поразило их внутренней роскошью и помпезностью. Они побродили в фойе, зашли в буфет, где Иван угостил Анну шампанским, и театр начал наполняться посетителями: женщины были в мехах и вечерних платьях, а мужчины в костюмах или офицерской форме.

– Представь, Анечка, был бы я сейчас в солдатской форме – наверняка любой из офицеров указал бы, что мне здесь не место, и отправил бы в часть, – заметил Иван своей невесте, которая с радостным волнением ожидала начала спектакля, с удовольствием замечая взгляды женщин на своего спутника, и мужские взоры на себя: она знала, что не красавица, но её милостивость и свежесть лица привлекали мужчин не меньше, чем яркая, но холодная красота городских кокеток, наполняющих постепенно фойе.

Они прошли в зал: места были удобны и в центре, Аня непринужденно села, ухватила Ивана под руку и с интересом разглядывала убранство зала и бархатный занавес, скрывающий сцену.

Иногда она взглядывала на Ивана, и он ответно смотрел на девушку, должную скоро стать его женой. Взгляд Ани всегда был ласково-заботливым, как смотрит мать на любимого ребенка: так его мать, Пелагея, смотрела на Ваню в далекие годы его детства.

В этот вечер в театре давали оперу Глинки «За царя» в исполнении приезжей труппы. Иван оперу не любил, а эту, как сейчас припомнил, слушал в Петербурге с Надеждой. От этого воспоминания у него заныли зубы, как от холодной воды, но, взглянув на радостную Анну, боль воспоминаний прошла, и далее он спокойно слушал музыку и пение артистов, держа тёплую руку Ани в своей ладони.

В антракте снова прогулялись по фойе, и Иван, заметив интерес Ани к обстановке, спросил:

– Неужели, Аня, ты здесь не была за время работы в училище?

– Впервые в жизни я в театре, – с милой непосредственностью ответила девушка, – там, где я училась, театров нет, а здесь мне не с кем было пойти: подругами обзавестись не успела, сослуживицы по училищу все замужние – за офицерами, которые на фронте, поэтому считают неприличным развлекаться, когда мужья на войне.

Я ещё на учёбе пристрастилась к чтению книг, и здесь тоже читаю книги из библиотеки училища и городской библиотеки. Вообще-то я домоседка, и мне хорошо дома с книгой, а вот сегодня хорошо с тобой здесь, в театре.

После спектакля они прошли до жилища Анны, попили чаю и, как само собой разумеющееся, Иван остался ночевать у своей невесты, поскольку завтра с утра им ехать вместе на собственную свадьбу.

Анна застелила кровать, нашла второе одеяло для Ивана, погасила лампу и тихонько юркнула на кровать к стенке, ожидая, что Иван присоединится к ней.

Иван тоже разделся до офицерского белья и лёг рядом с девушкой, слыша её прерывистое от волнения, дыхание. После целого дня развлечений и совместных прогулок стоило ему протянуть руку, и девушка немедленно отдалась бы ему в благодарность за доставленное удовольствие.

Но Иван, верный дворянскому слову, не стал пользоваться случаем, а по-отцовски поцеловал Аню в щёку и, сжав её руку в своей руке, сразу притворился спящим после бурного дня. Анна, глубоко вздохнув, прикорнула доверчиво к его плечу и вскоре уснула настоящим сном.

Утром, проснувшись, когда за окном было ещё темно, Иван обнаружил, что девушка во сне перебралась к нему под одеяло и теперь спала детским сном, прижавшись плотно к нему всем телом и закинув сверху ногу.

Он шевельнулся, пытаясь освободиться, Анна мгновенно проснулась и быстро отодвинулась от своего жениха, обнаружив себя в неловком положении.

– Доброе утро, дорогая, – приветствовал Иван девушку. Пора завтракать и в дорогу к твоим родителям, чтобы не опоздать на нашу свадьбу.

– Не беспокойся, без нас не начнут, – успокоила его Анна.

– Просто я тороплюсь оформить наше супружество, чтобы больше не сдерживать своих чувств, когда ты лежишь рядом, – пошутил Иван, вскакивая с постели на холодный пол и быстро одеваясь: хозяйева за стенкой еще не проснулись, печь не топилась, и за ночь в доме стало заметно холодней.

Иван зажёл лампу и принялся разжигать самовар, пока Анна тихонько выскользнула с постели и, накинув халат, принялась приводить себя в порядок перед длинной дорогой к родному дому.

Согревшись чаем и перекусив остатками Аниных припасов, они собрали вещи, оделись и, выйдя из дома, направились к извозу, где их должен был поджидать кучер, согласившийся доставить молодых в городок Токинск за двадцать целковых серебром, что вдвое превышало обычную плату в это время года. Но так решил Иван, и Анна ему не перечила, участь покоряться мужскому рассудку.

Извозчик был уже на месте, и минуты спустя вороной конь быстрым шагом тянул саннорозвальни, на которых лежали Иван да Анна, укрывшись конской попоной от степного ветерка, налетевшего ночью с юга из казахских степей.

VII

К вечеру следующего дня санная повозка въехала в городок, где жили родители Анны, ожидая приезда дочери с неведомым им женихом, чтобы обвенчаться в приходской церкви.

Городок этот весьма напомнил Ивану городок Чауссы, где он проучился шесть лет у тетки Марии: только дома здесь были пониже и поменьше, ибо топить долгой зимой большой дом в сибирские холода не всем было по карману.

Дом будущего тестя стоял на невысоком берегу речушки, протекающей через весь город и делившей его на две неравные части. Сейчас река была подо льдом и снегом и поверх неё тянулась накатанная санями дорога, ибо лучшей зимней дороги в ближние сёла, чем по реке, не водилось.

Кучер подогнал сани к указанному Анной дому, Иван расплатился, взял свой вещмешок с подарками тестю и теще и сменой белья для себя, подхватил Анну за руку, и они вошли во двор, где их ожидали на пороге сеней будущие тесть и тёща Ивана Петровича.

Тесть – Антон Казимирович, оказался крепким стариком лет шестидесяти с окладистой бородой, а тёща – Евдокия Платоновна, была строгой на вид женщиной лет пятидесяти с внешностью крестьянки, каковой и была по происхождению.

Иван Петрович вежливо поздоровался с будущими родственниками, когда Анна представила его своим родителям: – Это мой жених, Иван Петрович, прапорщик и дворянин, с которым я буду венчаться завтра в нашей церкви, – торжествующе объявила она отцу и матери.

– Что ж, выйти замуж не напасть – как бы потом не пропасть, – остудил отец восторги дочери, присматриваясь к будущему зятю. Смотрины жениха, видимо, прошли успешно, и все вместе пошли в дом, попав с мороза в печное тепло.

Дом этот оказался почти копией отцовского дома Ивана: тесть, выходец из Польши, построил свой дом в Сибири таким же как и в своих местах, потому он и выделялся среди окружающих домишек своими размерами и устройством двора.

Прибывших усадили за стол, напоили горячим чаем, и Антон Казимирович принялся улаживать свадебные дела:

– Завтра, Аннушка, венчаться не получится, поскольку надо всё подготовить к свадьбе, жарить-парить и собирать на стол: что же я, купец, свою единственную дочь выдам замуж без свадебного стола, как простой крестьянин?

Да и свадебное платье тебе, Аннушка, ещё не готово: Евдокия Платоновна, получив известие о твоём суженом, сама сшила свадебное платье, но надо его примерить и подогнать. В общем, послезавтра будет в самый раз для свадьбы – и день воскресный, и поста церковного ещё не будет.

На том и порешили, отправив молодых отдыхать с дороги по разным комнатам, ибо венцы брачные ещё не возложены были на их головы.

Как говорил Иоанн Златоуст, «венцы возлагаются на главах брачующихся в значение победы, для того, чтобы показать, что они, непобедимые страстью до брака, таковыми приступают и к брачному ложу, то есть в состоянии победителей похоти плотской. А если, кто будет уловлен сладострастием, отдал себя блудницам, то для чего ему, побеждённому, иметь и венец на главе своей?»

«Те же, кто не сумел сохранить до брака целомудрия, должны чувствовать себя недостойными венцов, и в этом глубоком сознании собственного не достоинства пусть примут они твёрдое намерение изгладить свои прежние грехопадения покаянием и богоугодными делами».

Иван и Анна победили свою плотскую страсть до брака и потому спокойно уснули в разных комнатах, оставив плотские желания до брачного ложа после свадьбы.

Утром следующего дня Иван Петрович, проснувшись, вышел в кухню и обнаружил, что свадебные приготовления развернулись во всём доме. Будущая тёща пригласила себе в помощь сестёр, что жили неподалёку, печь была растоплена, и тёща с одной сестрой, Аксиньей, занималась приготовлением блюд к свадьбе, а две другие её сестры, получив наказания, ушли в свой дом, чтобы готовить там.

Анна уже давно встала, примерила свадебное платье, которое оказалось ей впору, и теперь ожидала пробуждения Ивана, чтобы позавтракать вместе и уйти из дома, не мешая кухарничать матери с сёстрами.

Наскоро перекусив, они пошли прогуляться по городку, чтобы Иван ознакомился с местом жительства своей невесты.

Уездный городок и в самом деле оказался схожим с Чауссами, где Иван прожил долгие шесть лет у тётки Марии: те же деревянные дома и лишь несколько кирпичных зданий в центре города – школа, несколько магазинов, управа, казначейство, почта, да тюрьма пересыльная на окраине – вот и все достопримечательности городка Токинска.

Деревянные домишки были в основном берёзовые, а сосновые дома имели лишь зажиточные горожане, к которым, несомненно, относился и его будущий тесть Антон Казимирович.

К городку примыкало озеро, из которого вытекала речка, делившая городок на две части.

Прогулявшись по центру города, молодые решили осмотреть город с высоты, попросив у звонаря церкви Святого Георгия разрешения взобраться на колокольню, что звонарь разрешил, получив за согласие полтинник серебром.

С колокольни весь городок был как на ладони: домишки, запорошенные снегом, сгрудились вокруг нескольких кирпичных строений в центре, причём лишь одно здание было двухэтажным. На краю городка краснела кирпичом тюрьма. Городок окружали берёзовые рощи, по местному – колки, белеющие берестой в лучах низкого полуденного солнца, под лучами которого блестели снега и виднелись укатанные санями дороги, разбегающиеся в разные стороны от городка к ближним деревенькам и сёлам, виднеющимся вдаль у самого горизонта.

– Наверное, здесь хорошо летом: берёзы, речка и озеро – хорошее место для отдыха? – спросил Иван, придерживая рукой Анну, прижавшуюся к нему сбоку, укрываясь от холодного ветра с севера.

– Отдыхать здесь летом некогда: все занимаются работами на огородах и подготовкой к зиме, как поётся в частушке: девять месяцев зима – остальное лето, – рассмеялась Анна.

– Летом здесь зной, пыль и много комаров, как писал Антон Чехов: «О лето, как бы я любил тебя, когда бы не зной, да пыль, да комары, да мухи», – это Чехов, возможно, писал о моём городке, через который он проезжал, когда путешествовал на Сахалин. Сибирь есть Сибирь – климат здесь суровый, что зимой, что летом, но мы привыкли и чувствуем себя здесь хорошо в любое время года, – закончила Анна и попросилась вниз, опасаясь простудиться на ветру и испортить собственную свадьбу.

Они возвратились домой и провели остаток дня в комнате Ани, рассматривая альбом с фотографиями, которых оказалось на удивление много: Анна, видимо, любила фотографироваться, а отец потакал ей.

Зимний вечер наступил быстро и, поужинав в углу кухни, молодые разошлись по комнатам на ночлег, чтобы поскорее попасть в завтрашний день своей свадьбы.

VIII

Утром начались свадебные хлопоты. Анна нарядилась в свадебное платье, Иван Петрович надел парадный офицерский мундир с Георгиевским крестом, и выглядели молодые прекрасно.

Родители Анны тоже принарядились, и вскоре раздался звон бубенцов, к дому подкатили три тройки лошадей, запряженных в сани-розвальни со спинкой, покрытые коврами. Молодые, накинув тулупы, уселись в первые сани, за ними родители невесты, и следом шаферы от жениха и невесты – свидетели венчания.

Тройки, позвякивая бубенцами, промчались кругом по городку, чтобы больше людей увидели молодых, и остановились около храма Святого Георгия, стоявшего на берегу речки,

а на другом берегу – сажень в пятидесяти от церкви был дом тестя, из которого молодые отъехали.

Иван Петрович встал с саней, подал руку Анне, которая скинула тулуп и, несмотря на легкий морозец, румянивший ей щёки, осталась в одном подвенечном платье и, гордо опершись на руку жениха, прошла в церковь, где батюшка и несколько прихожан ожидали прибытия молодых для начала церемонии венчания.

Хор из трёх девушек запел положенные по ритуалу песнопения, но Иван Петрович не слышал слов, всматриваясь в Анну, которая через минуты обряда будет называться его женой.

– Наконец-то я причалил к семейному берегу, после всех испытаний, после Надежды, которая могла бы стать моей женой, но оскорбила мои чувства своим блудом до меня. И вот Бог послал мне Анну в жёны, как искупление мне за все страдания. Надеюсь, что она будет мне не только женой, но и другом, и матерью моим детям.

Обряд продолжался, священник бормотал молитвы, хоры пели, присутствующие потели в жарко натопленной церкви и, наконец, священник надел на головы молодожёнов венцы и повёл их вокруг аналоя под песнопения хора: «Святые мученики, славно подвизавшиеся и увенчавшиеся, молитесь ко Господу о помиловании душ наших».

Затем молодожёны обменялись кольцами, трижды расцеловались и под песнопение хора вышли из храма. Антон Казимирович раздал нищим монеты, бросил пригоршню медяков на утопанный снег у входа в храм, молодые уселись в сани и укатили домой, где их и гостей ждало свадебное застолье.

Многолюдную свадьбу с посторонними гостями Антон Казимирович устраивать не стал: в гостиной комнате накрыли три стола, за которыми разместились городской голова, урядник и двое купцов-приятелей Антона Казимировича – все с жёнами, священник с дьяком, сёстры Евдокии Платоновны и ещё несколько человек – всего числом около двадцати.

Для посторонних, в честь свадьбы дочери, Антон Казимирович уплатил трактирщику, чтобы тот наливал каждому посетителю пару чарок хлебного вина, объясняя, что это за молодых.

Тёща Евдокия Платоновна расстаралась, и свадебные столы ломились от закусок и блюд: здесь были и студни, и заливная рыба; жареные гуси; утки и поросёнок; жареные караси и рыбный пирог; пироги, курники и расстегаи; плюшки и печенье, соленья различных овощей; солёные грузди, мочёная брусника и клюква, мёд и сладости и ещё какие-то блюда, запахи которых доносились из кухни.

Гости, проголодавшиеся за время ожидания молодых из церкви, немедленно приступили к трапезе, не забывая кричать «горько», чтобы поднять чарку за счастье молодожёнов.

Иван Петрович, соскучившись по хорошей пище на солдатских харчах в училище, вместе с другими гостями с аппетитом пробовал различные блюда, уговаривая и Анну откусать вкусненького, но молодая жена от свадебной церемонии совсем лишилась аппетита и лишь попивала морс, краснея, при каждом поцелуе на людях под крики «горько», и бледнея лицом от мысли, что скоро её ждёт супружеская постель.

Время подходило к одиннадцати ночи, когда молодые попрощались с оставшимися гостями и ушли в свою спальню, напутствуемые пожеланиями спокойной ночи.

Спальня освещалась бледным светом ночной луны, повисшей за окном в темноте звёздного неба: тесть в сутолоке свадебного дня не закрыл, как всегда, ставни окон.

Анна тихонько разделась в темном углу, скользнула под одеяло в одной рубашке и затихла в ожидании неизвестного.

Иван торопливо разделся и лёг рядом с женою, чувствуя, как её бьёт мелкая дрожь. Он осторожно начал ласкать и целовать жену в щёки, грудь и другие заповедные места. Прикосновения мужа успокоили девушку, дрожь прошла, а ласки мужской ладони были приятны и нежны.

Почувствовав успокоение Ани, он осторожно коснулся её бедра, втиснулся сверху и резким толчком вошёл в туго раздавшуюся глубину девичьего лона.

Аня, впервые ощутив в себе мужчину, слабо вскрикнула от резкой боли, пронзившей её насквозь, но не отстранилась от мужа, а по-женски прижалась к нему, закусив губы и тихо застонав в объятиях мужа.

Иван, поняв, что девушка, впервые почувствовав мужчину, испытывает боль, бережно владел ею, благодарно осыпая лицо и шею горячими поцелуями, пока страсть не захлестнула его полностью, и он, содрогнувшись, излил мужское желание в самую глубь девичьего лона и замер в неподвижности на притихшей девушке, увидев, как слезинка, светящаяся в блеклом свете луны, скатилась из уголка глаза жены и растеклась по её щеке.

Освободив Аню от своей тяжести, Иван поцеловал притихшую жену в припухшие губы и, обняв её, тихо сказал: -Теперь ты стала моей женой не только духовно, но и телесно, хотя и пришлось для этого причинить тебе неизбежную боль. Но дальше такой боли не будет, и я надеюсь доставить тебе настоящее удовольствие от нашей близости.

Анна покорно прижалась к мужу и ответила: -Ты сделал то, что должен, и что хотел, и сделал меня женщиной бережно и ласково, не обидев мои чувства к тебе.

Было странно и немного больно почувствовать тебя в себе, но я знаю, что это скоро пройдёт, и я тоже смогу получать удовольствие от нашей близости, такое же, что получил ты, овладев мною. Главное, что ты теперь мой муж, и мне от случившегося нисколько не стыдно, чего я опасалась больше всего. Спи спокойно, мой любимый муж и мой мужчина.

Аня поцеловала Ивана в губы, прижалась к нему всем телом, и вскоре они забылись глубоким сном.

Утром, проснувшись раньше жены, Иван ласково погладил любимую женщину по щеке и поцеловал нежно в губы, отчего Аня проснулась тоже и, вспомнив события прошедшей ночи, сама ответно поцеловала Ивана в губы, ощущая, как его усики приятно щекочут в носик.

От женской ласки Иван ощутил вновь вождение близости, но решил отложить дело до следующей ночи, чтобы дать Анне время забыть неприятности от первой близости с мужчиной.

Анна смело взглянула мужу в глаза и, не стесняясь своей наготы, встала, скинула ночную рубашку и, переодевшись в халат, стала тормошить мужа вставать, чтобы привести постель в порядок после вчерашнего исполнения своего супружеского долга. На белой простыне атели несколько капелек крови, свидетельствующих о потере невинности, и Анна поторопилась заменить простыню, чтобы не вызвать шуток от матери.

Иван, заметив её старания, шутливо сказал: – У нас в селе отец девушки, вышедшей замуж, на следующий день вывешивал простынь молодожёнов на воротах, чтобы все видели невинность его дочери до брака. Правда, бывали случаи, когда девушка до брака гуляла со своим женихом, тогда обрубали голову курице, окропляли кровью простынь и вывешивали её тоже на воротах, чтобы избежать пересудов. Деревенские сплетни зачастую более жестоки, чем факт потери девичьей чести до брака.

У нас с тобой всё случилось, как ты и хотела. Поэтому нам не надо рубить голову курице, но и простыню развешивать на воротах мы не будем.

На кухне уже хлопотала тёща, которая напекла стопку блинов к завтраку. Завидев молодожёнов, она внимательно взглянула на дочь и, увидев улыбку на её лице, успокоилась и продолжила кухарничать, ловко выпекая один блин за другим.

Исполнив утренние процедуры чистоты, молодые принялись за завтрак, к которому присоединился и тесть, вышедший из своей спальни, который, хитро улыбнувшись, налил себе стопку водки и молвил:

– Поздравляю тебя, Аннушка, и тебя, дорогой зятёк, с началом семейной жизни, в которой будут мир и согласие. Ты, Аннушка, слушайся мужа, никогда не перечь ему и уважай – больше от женщины и не требуется. Ты, Иван Петрович, заботься о своей жене, никогда не

обижай её ни словом бранным, ни делом нехорошим, и тогда Ваш семейный очаг всегда будет гореть ярко и спокойно, освещая и согревая вашу жизнь, но не обжигая и не затухая, как у нас с Евдокией Платоновной.

– Пью за Ваше счастье и согласие, молодые, и вижу, что начало своей семейной жизни вы положили доброе: вон Аннушка вся светится, да и Иван Петрович не выглядит обиженным.

От отцовских слов Анна покраснела в смущении, но Евдокия Платоновна тут же осадила мужа: – Хватит, старый охальник, смущать молодых после брачной ночи. Завтракай и отправляйся на завод, где не был уже три дня. Смотри, чтобы твои работники, числом три, не растащили твоё предприятие и не пустили нас по миру.

– А что, зятёк, пойдём вместе на моё предприятие – здесь недалеко, через речку, посмотришь, как твой тесть зарабатывает капиталы.

Иван Петрович взглянул на жену и, получив её молчаливое согласие, поддержал тестя: – Пожалуй, мы с Анечкой тоже пройдемся – не сидеть же сиднем в доме после свадьбы, а к обеду снова гости, наверное, соберутся, чтобы по русскому обычаю пропустить чарку – две за начало нашей семейной жизни.

Быстро собравшись, молодожёны с тестем вышли на улицу и направились к маслозаводу тестя, что располагался на другом берегу реки в приземистом домишке.

Заводик этот лишь для гордости назывался заводом. Здесь работали трое рабочих, которые принимали мороженое молоко от крестьян из ближних деревенок, и свежее молоко от соседей, державших коров, потом это молоко размораживалось, смешивалось и пропускалось через ручной сепаратор, отделяя сливки от обрат. Затем сливки взбивались тоже вручную в большом чане, пока не образовывались кусочки масла. Эта смесь процеживалась сквозь сито, отделяя масло от пахты, кусочки масла промывались холодной водой, заворачивались в чистую холстину, чтобы отжать воду, и затем готовое масло уминалось в маленькие деревянные бочонки, которые плотно забивались крышками, и сибирское сливочное масло было готово к отправке хоть в столицы, хоть в Европу – всем, кто способен закупить этот продукт.

– Каждый бочонок вмещает двадцать фунтов масла, для приготовления которого необходимо двести литров молока. Масло я сдаю оптовику в Омске, обрат и пахту, что остаются, я продаю тем же крестьянам для откорма свиней и выпаивания телят, да и сами крестьяне с удовольствием потребляют эти отходы маслодельного производства, – пояснял Антон Казимирович, показывая свой заводик. – Бочонки делает бондарь здесь же в городке. С каждого бочонка пять фунтов масла – это мой прибыль, а все остальное уходит на оплату расходов и рабочих. Такое вот у меня производство, – закончил тесть.

– Есть ещё и паровая мельница, но далеко отсюда и сегодня туда не пойдём, – успокоил тесть дочь и зятя, не пожелавших такой длительной прогулки.

Из тёмного домика завода они вышли на улицу. Февральское солнце приподнялось над горизонтом, и снег с подветренной стороны крыши подтаивал и каплями стекал наземь, мгновенно замерзая, поскольку морозец был не менее десяти градусов. Той же тропинкой все трое вернулись домой, где Евдокия Платоновна уже накрыла стол для послесвадебного обеда.

– У нас, бывало, что целую неделю празднуют свадьбу на селе – если хозяин справный и год был удачным, – заметил Иван Петрович, – а как у вас здесь, в Сибири? Неужели неделю нам придётся сидеть с Аней за общим столом, слушая надоевшие уже поздравления? – спросил он у тестя, но ответила ему тёща:

– Не беспокойтесь, Иван Петрович, сегодня посидим дотемна и шабаш. Вам скоро уезжать на службу и надо отдохнуть, да и мне у печи мельтешить надоело.

Скоро подошли гости из вчерашних: сестры Евдокии Платоновны, дьяк из церкви, ближние соседи и двое купцов – приятели Антона Казимировича по торговым делам, которых не было вчера на венчании.

Гости пили-ели и вели разговоры, а молодые, устав от поздравлений, уходили на минуту в свою комнату, где Иван нежно обнимал и целовал свою жену, которая отвечала бесстрастной взаимностью, испытывая, однако, приятность от мужских ласк.

Стемнело, гости разошлись, и, несмотря на ранний час, Иван Петрович, сказавшись усталым, ушёл в спальню и увёл за собой жену.

– Что, Анечка, продолжим наше супружество или воздержимся от сеансов любви, – спросил Иван у жены и осёкся, вспомнив, что сеансами любви называла плотские утехы его невенчанная жена Надя.

Анна, расценив замешательство мужа как просьбу, покорно ответила:

– Как скажешь, дорогой! Ты мой муж, и, как сказал отец, я должна покоряться твоим желаниям, – сказав это, она разделась и юркнула под одеяло, ожидая неприятного повторения вчерашних событий на этой кровати.

Иван, раздевшись, присоединился к жене и, уняв ласками женскую дрожь, овладел ею повторно. В этот раз Анна не почувствовала боли, ощущения от мужчины были странны и отчасти приятны, а его действия непонятны и даже забавны.

– Мы словно собачки, что сегодня занимались таким же делом возле нашего дома, – подумала девушка, приспосабливаясь к новым для неё чувствам и словно растворяясь во владевшем ею муже.

Страсть Ивана возростала и девушка, ощутив его напряжение, почувствовала, как мужчина излился в неё семенем и затих в удовлетворении.

– Мужа я удовлетворила, и это главное призвание женщины в браке, – заключила Анна, прижимаясь к Ивану, который благодарно обнял жену, прижав её голову к своей груди.

Прошло несколько дней. Погода стояла солнечная и морозная, что бывает в этих местах накануне февральских бурь, после которых наступит мартовская оттепель. Молодые гуляли днём по городу, сходили с Антоном Казимировичем на его паровую мельницу, где паровая машина крутила жернова и трясла сита, отделяя муку от отрубей.

Рабочие, припорошённые мукой, таскали мешки с зерном, ссыпали их в верхний бункер и затем в пустые мешки насыпали муку свежего помола, оставляя пятую часть зерна за помол. Это было дороговато для крестьян, и многие из них мололи зерно дома на ручных жерновах, долгими часами вращая круг деревянного жернова с железными пластинами. Мука получалась с отрубями и грубого помола, но вполне годилась для домашнего хлебопечения.

Вечером молодые собирались за самоваром, пили чай, вели разговоры, к которым иногда присоединялись сёстры Евдокии Платоновны, жившие неподалёку и уже овдовевшие за два года войны.

Закончив разговоры, молодые удалялись на покой, плотно закрывая за собою дверь в спальню, чтобы заняться супружескими отношениями, к которым Анна постепенно привыкла и даже ощутила некоторый интерес. К концу недели она вдруг почувствовала, что с нетерпением ждёт прихода ночи, чтобы побыть с мужем в его объятиях.

Прикосновения Ивана пробудили в ней чувственность, и словно обжигали тело, а когда муж овладел ею, Анна почувствовала неизъяснимое удовлетворение, которое начало усиливаться до невыносимой сладости, возникшей внизу живота и постепенно захватившей всё женское тело. Страсть, нарастая с каждым движением мужа, вдруг взорвалась полным блаженством, ударившим в голову и рассыпавшимся вспышками чувственного удовлетворения, отчего женщина, содрогнувшись, застонала и судорожно сжала мужа в своих объятиях, выплеснув своё женское желание навстречу мужскому.

Ошеломлённая случившимся, она замерла в неподвижности, и спустя минуты освободилась от мужа, прижалась к нему сбоку и хрипловатым от испытанной страсти голосом тихо сказала: – Так вот оно какое женское сладострастие, о котором много говорили мои замужние подружки из семинарии, но я до этой поры не верила им, пока сама не испытала сейчас это чув-

ство впервые. Я так благодарна тебе, Ваня, за доставленное удовольствие – это благодаря тебе и нашей любви нам хорошо вместе.

Иван, очень довольный собой, засмеялся в ответ: – Нет, Анечка, это благодаря тебе и тому, что ты выбрала меня в свои суженные, наша страсть разгоралась словно пожар в лесу, и ты не знаешь, насколько приятно мне твоё признание моих заслуг в пробуждении женской страсти и её полном удовлетворении сегодня впервые.

Спасибо, Анечка, за всё, и теперь я уверен, что мы сделали правильный выбор, заключив брак. Я ощущаю тебя своей половиной, и когда мы в объятиях, я не могу определить, где кончаюсь я, и где начинаешься ты. Это и есть семейное счастье и гармония чувств.

Следующие дни краткого офицерского отпуска Ивана Петровича промелькнули один за другим, словно птицы на горизонте, в бурных ночных ласках и извержениях чувств, которые усиливались с каждым разом, заставляя Анну сладострастно стонать в объятиях мужа и притворно кусать его в плечо в моменты наивысшего наслаждения плоти, а Иван, в свою очередь, ощущая пробуждение страсти Анны, испытывал сладко– болезненное чувство гордости за то, что девушка в его объятиях стала женщиной и признала его единственным и неповторимым мужчиной, к которому прилепилась всей душой и всем телом.

Днями молодожёны гуляли по городку, где Анна родилась и провела детские годы. Вспомнив детство, Аня нашла в сарае свои санки, и они с Иваном по очереди катались на санках с крутого склона берега реки, всякий раз сваливаясь в снег. Домашние заботы ещё не одолевали их, поскольку всем заправляла Евдокия Платоновна, справедливо полагая, что дочь ещё успеет заняться женскими обязанностями по дому, когда придёт её время.

IX

Свадебный отпуск кончился неожиданно быстро и, попрощавшись с родителями, Анна с мужем уехали в Омск, где жена хотела продолжить свою работу в канцелярии военного училища, а муж отбывал к новому месту службы в Иркутск, куда его определили после производства в офицеры заботами Анны, не желавшей отправки мужа на фронт.

Начальник канцелярии внял просьбе своей сотрудницы и вписал Ивана Петровича на вакансию подальше от фронта в глубине Сибири. Как и повсюду в Николаевской России всем заправляли чиновники канцелярий, которые готовили государственные бумаги к подписи, а высшие предводители лишь утверждали эти бумаги к исполнению. Лишь в вопросе отдаления Григория Распутина от престола Николай Второй не внял своим советникам, а пошёл наперекор здравому смыслу и на поводу у своей жены-немки.

Распутин, этого шарлатана с диким взглядом, развратника и малограмотного мужика, проживавшего до сближения с царской семьёй неподалёку от родного городка Анны, в четырёхстах вёрстах, что совсем рядом по сибирским меркам, убили в декабре заговорщики – князь Юсупов и депутат Пуришкевич и утопили в проруби за то, что он, пользуясь пристрастием царицы, вмешивался в государственные дела и поговаривали всякие мерзости о его связи плотской с этой бывшей немецкой принцессой. Царь не осмелился наказать их, показав свою слабость и никчёмность в управлении страной и поддержании законности, подвигнув этой нерешительностью других, уже революционеров, на восстание по смене власти.

Прибыв в Омск, Иван Петрович провёл страстную ночь с женою в её квартире, а утром отбыл на вокзал, наказав Анне не провожать его.

– Осмотрюсь на новом месте службы и, если позволят обстоятельства, вызову тебя к себе, а провожать меня ни к чему – лишние расстройств тебе, Анечка, сейчас могут повредить, – сказал он, прощаясь с женою на пороге её комнаты, где они провели бурную ночь.

Анна смущённо призналась ему, что дни женского недомогания, должны наступить ещё неделю назад, так и не наступили, значит, их любовные занятия привели к зачатию. Иван Петрович, услышав такое признание, расцеловал жену, которая предупредила, что пока это лишь

предположения и догадки, но предчувствие подсказывает ей, что Иван, уезжает, оставляя в ней зарождающуюся жизнь их ребёнка. Поэтому Иван и не разрешил жене проводить до вокзала.

Через четыре дня Иван Петрович прибыл в штаб Иркутского округа, где получил назначение в город Ачинск помощником коменданта по мобилизации, и немедленно отбыл к месту назначения, торопясь устроиться на новом месте и тотчас сообщить свой адрес Анне, ожидая от неё радостного известия о будущем ребёнке.

Ачинск оказался захолустным уездным городком, несколько больше Токинска, но тоже сплошь деревянным с кирпичными казёнными домами в центре, да несколькими церквями.

Комендант города, приняв нового помощника, дал ему два дня на обустройство и поторопил приступить к обязанностям:

– Понимаешь, голубчик, – говорил пожилой полковник, комендант города, – сюда свозят всех рекрутов с южных уездов Минусинского края, и отсюда этих солдат эшелоном отправляют ближе к фронту, где обучат немного – и в окопы. Сейчас смута нарастает в России, добралась она и до Сибири, крестьяне прячут сыновей по заимкам от наших мобилизационных команд – попробуй их отыскать в тайге, а фронт требует пополнения. Совсем недавно, прямо отсюда из казармы, что у вокзала, несколько рекрутов убежали.

– Наведите, голубчик, порядок здесь, вы боевой офицер и сможете убедить рекрутов, что война скоро закончится, стоит лишь поднажать немного на немца, а без пополнения этого сделать не удастся. Выдаю вам взвод для охраны казармы с рекрутами, которых около сотни скопилось. Через неделю воинским эшелоном от Иркутска отправим их на фронт, и далее займёмся новой мобилизацией. Потрудитесь, голубчик, во славу царю и Отечеству, и с меня эту заботу снимете, – закончил полковник и отпустил Ивана Петровича устраивать бытовые дела.

Комнату для жилья он подыскал сразу же, отойдя несколько шагов от комендатуры. В городе уже прошло несколько мобилизаций, мужиков забрали на фронт, где их следы затерялись, а жёны, особенно бездетные, охотно сдавали опустевшие комнаты ссыльным поселенцам и прочим желающим, которых достаточно скопилось в этом городе при узловой станции Сибирской железной дороги.

Разместившись, Иван Петрович прошёл на почту и отправил письмо Анне с указанием своего адреса, затем прошёл в казармы, принял командование комендантским взводом от унтер-офицера, выполнявшего эти обязанности. Потом прошёл на вокзал, проверил патрули, что охраняли станцию от лихих людей и дезертиров, осмотрел кладовые помещения при вокзале, где хранилось солдатское обмундирование для новобранцев перед их отправкой на запад к фронту и, убедившись, что служба налажена, ушёл на свою квартиру обживать в своём новом офицерском качестве на новом месте жительства.

Не успел Иван Петрович освоить службу на новом месте, как в стране начались большие перемены, о которых ещё неделю назад никто и помыслить не смел.

Из газет, которые приходили с Красноярска, и телеграфных сообщений с почты, Иван Петрович узнавал, что в Петербурге начались массовые волнения рабочих, требующих хлеба. Неудачи на фронте подвигли депутатов Госдумы присоединиться к требованиям толпы, тогда царь Николай II своим манифестом распустил Думу.

В ставке Верховного Главнокомандующего, каковым являлся царь, генералы открыто говорили о неспособности царя довести войну до победного конца, и царь, поддавшись, по слабости мыслей и поступков, штабу и двору, подписал манифест об отречении от престола за себя и сына Алексея в пользу брата Михаила, что означало крах династии Романовых, ибо Михаил на следующий же день отказался от Российского престола в пользу неведомых никому избранных народа.

Часть депутатов Госдумы, законно распущенной царём, организовала Временный комитет, который, не имея на то полномочий, назначил Временное правительство, провозгласившее свою власть в стране. Как следует из Декларации Временного Правительства, опубликованной

в газетах и переписанной Иваном Петровичем в тетрадочку, куда он решил записывать важнейшие сообщения для истории:

«От Временного Правительства.

Граждане!

Временный комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения в настоящее время достиг такой степени успеха над тёмными силами старого режима, что он позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета, следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью:

Председатель Совета министров и министр внутренних дел, князь Г.Е. Львов,

Министр военный и морской А.И. Гучков,

Министр путей сообщения Н.В. Некрасов,

Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов

Министр народного просвещения А.А. Мануйлов,

Министр финансов М.И. Терещенко

Обер-прокурор Св.Синода В.Н. Львов

Министр земледелия А.И. Шингарев А

Министр юстиции А.Ф. Керенский Государственный контролёр

И.В. Годнев

Министр по делам Финляндии – Ф.И. Родичев

Временное правительство будет руководствоваться следующими основаниями:

Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и преступлений и т.д.

Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями;

Отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений;

Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного и тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчинённым органам местного самоуправления.

Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Неразоружение и невыход из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, представленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо премеждения в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель ГосДумы М. Родзянко

Члены Правительства.»

Ни о ком из этих министров Иван Петрович не слышал, но на всякий случай переписал к себе и манифест Николая II об отречении:

«Об отречении Государя Императора Николая II от престола Российского и о сложении с себя верховной власти.

Ставка

Начальнику штаба

В дни борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать России новое тяжкое испытание, начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг направляет последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения Победы и в согласии с Государственной Думою призваны мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благославляем его на вступление на Престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь Победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Подписал Николай

г. Псков, 2 марта, 15 час. 1917 г.

Министр императорского двора, генерал-адъютант

Граф Фредерикс».

Из этих документов следовало, что какая-то группа бывших депутатов Госдумы, собравшись неизвестно где, взяла себе полномочия законодательного органа России и назначила из своих членов Временное правительство из малоизвестных людей, поручив тому Правительству управлять Россией до выборов в Учредительное собрание, которое и должно определить форму власти в стране.

Так Николай II своим манифестом об отречении от престола оставил страну Россию без верховной власти и не назначил даже сомнительного преемника, ибо с братом Михаилом даже не посоветовался, и брат этот не возжелала вступить на царский престол. Династия Романовых рухнула в беззаконии, также как во лжи и интригах вступила на престол Российский.

Отречение царя, освобождало Ивана Петровича от присяги, и видимо, наступало время хаоса и беззакония, когда лучше быть поближе к дому и к молодой жене, о чем прапорщик не преминул спросить в комендатуре, куда зашёл справиться о судьбе новобранцев, что подготовил к отправке на фронт.

На вопрос Ивана Петровича, не пришло ли время ему демобилизоваться самостоятельно, поручик Суходрев, бывший адъютантом при коменданте, сообщил, что имеется указание Временного правительства, чтобы все части и все военнослужащие оставались на своих местах, пока новые командиры не приведут их к присяге на верность Временному правительству. Суходрев сообщил также, что все командующие фронтами уже присягнули Временному пра-

вительству, а из флотов первым присягнул командующий Черноморским флотом контр-адмирал Колчак.

– А что вы, прапорщик, думаете об этих событиях в столице, – спросил поручик Суходрев. – Вы свежий офицер и фронтовик и ваше мнение интересно нам, тыловым крысам, как называют нас фронтовики.

– Я учитель истории и знаю, что в случае смерти или отставки правителя страны и отсутствия наследников дееспособных, власть в такое стране берут военные, назначают вождя и решают, как быть дальше. Россия сейчас воюет с Германией, Австрией и Турцией и новому командующему следует заключить мир с этими странами на хороших условиях, а если этого не получится, то заставить силой к почетному перемирию.

А всю эту штатскую сволочь, называющую себя Временным правительством, следует арестовать, чтобы не мучили воду. Ещё следует создать военный трибунал и судить царя Николая за дезертирство из армии во время войны и расстрелять его, согласно его же законам военного времени.

Царь написал какую-то филькину грамоту, что не желает больше быть царём и Верховным Главнокомандующим – вот и получается, что он самый настоящий дезертир. Я пошёл добровольцем в армию, принял присягу, но не могу написать сейчас бумагу, что не хочу больше служить России и уйду из армии.

Вы, поручик, только что сообщили мне о невозможности демобилизации, поскольку какое-то Временное правительство так приказало. А вот царь Николашка написал бумагу об отречении своему начальнику штаба и уехал из армии в Царское село стрелять ворон и котов, чему он большой мастер, и никто его судить не собирается.

Хотя это он развязал войну со своими родственниками кайзером Вильгельмом и императором Франц-Иосифом, чтобы потрафить другому родственнику – английскому королю Георгу и теперь в разгар войны дезертировал из армии.

Думаю я, что Временное правительство – эта штатская сволочь, окончательно загубит страну, пока не появится неизвестная сила и не возьмёт власть в свои руки: не оказалось бы это слишком поздно. Немцы, конечно, постараются воспользоваться моментом и разгромить нашу армию – так что впереди нас ждут большие потрясения и реки народной крови прольются, пока эта смута, затеянная царём Николаем, не утрясётся.

. Мне ещё отец говорил, что никчёмный этот царь Николай II, который женился на немке, не дождавшись сороковин после смерти своего отца Александра III.

Да вы философ, прапорщик, и не по чину рассуждаете о государственных делах, – поморщился поручик, – наше дело офицерское: служить Родине при любом правительстве честно, и пусть политики ищут выход из создавшегося положения.

Главное, чтобы солдаты не побежали с фронта толпами и не оголили страну перед немцами. Своих рекрутов отправляйте завтра же с первым эшелоном и дальше занимайтесь мобилизацией – так вам, прапорщик, приказал комендант города, согласно распоряжению Временного Правительства. А самовольный уход из армии по-прежнему считается дезертирством.

Вот и славно, – усмехнулся Иван Петрович, – прапорщику из армии уйти нельзя – это дезертирство, а царю бывшему, Николаю, можно – это называется отречением от престола, – и, повернувшись кругом, прапорщик вышел из штаба исполнять распоряжение коменданта.

Дома он обнаружил письмо от Анны, в котором жена сообщала, что их свадебные забавы не прошли бесследно, и она ожидает ребёнка, а когда он родится нетрудно подсчитать, отмерив девять месяцев от их свадьбы. Ещё Анна написала, что намерена приехать к нему и жить вместе.

Иван Петрович немедленно сочинил ответное письмо, где поздравлял жену с их будущим дитём, и категорически запрещал уезжать из родного дома: наступали смутные времена после

отречения царя, и ей, как будущей матери, лучше быть вдалеке от всяческих событий, и родной дом в Токинске лучшее место.

Через несколько дней Иван Петрович отправлял команду мобилизованных новобранцев проходящим эшелонам к фронту. Царь отрёкся от престола, но развязанная им война продолжалась и требовала новых жертв.

Государственная машина, несмотря на смену власти, продолжала работать по инерции, вот и Иван Петрович, продолжал свою работу по сбору мобилизованных солдат, которые не успели укрыться от урядников и мобилизационных команд в таежной глуши, и отправке их на запад к линии фронта.

Новобранцы под надзором часовых ожидали отправки в дежурном помещении коменданта вокзала, а Иван Петрович прогуливался по перрону в ожидании эшелона, который задерживался уже более часа, и неизвестно было, когда прибудет. Железная дорога первой ощутила смену власти, и поезда двигались с постоянными задержками, даже литерные, а уж воинские эшелоны и вообще ходили без всяких расписаний.

В конце перрона толпились несколько человек в штатском, ожидая эшелона, в надежде отправиться в путь в служебном вагоне, как обещал комендант.

Иван Петрович, со слов коменданта знал, что это бывшие ссыльные по политической части, которых распоряжением Временного Правительства освободили, и теперь они возвращались в столицы для продолжения своей партийной деятельности.

В группе бывших ссыльных верховодил представительный мужчина в тёплом пальто с бобровым воротником, которого остальные уважительно называли Лев Борисович, а чуть поодаль стоял кавказец, которого остальные изредка называли Иосифом, или товарищ Сталин.

Подойдя ближе, Иван Петрович услышал, как Лев Борисович поучительно говорил о том, что теперь социал-демократам необходимо мирным путём, постепенно, за несколько лет взять власть в стране через Учредительное собрание: на что остальные ссыльные одобрительно кивали головами.

– А ты, Иосиф, что думаешь по этому поводу? – снисходительно обратился Лев Борисович к восточному человеку, который поёживался на холодном ветру в лёгком кавалерийском полушубке: несмотря на начало марта, погода стояла холодная с пронзительным ветром, от которого полушубок защитить не мог.

– Я думаю, товарищ Каменев, что товарищ Ленин разъяснит членам партии, как следует нам действовать дальше и напишет по этому поводу статью.

– Что может знать Ленин о революции в России? – пренебрежительно возразил Каменев. – Нас здесь, в Сибири, революция застала врасплох, а уж Ленин из Швейцарии и вовсе ничего не понимает.

– Я думаю, что Ленин найдёт способ вернуться в Россию теперь, когда амнистия вышла всем политическим, но даже сейчас, издали, товарищ Ленин видит события лучше нас: здесь в глухой Сибири нам неизвестны подробности февральских событий и настроения масс, и я думаю, что Владимир Ильич призовет закончить позорную войну, передать землю крестьянам, чем склонит народ на нашу сторону – сторону большевиков.

Заметив стоявшего неподалёку офицера, бывшие ссыльные привычно замолчали, а Иван Петрович, отойдя немного, приказал посыльному солдату, что следовал за ним, принести из вещевого склада солдатскую шинель и передать её тому кавказцу, что мёрз на холодном ветру.

Посыльный вернулся, передал шинель кавказцу, который надел её поверх полушубка, потом подошёл к офицеру и поблагодарил за шинель:

– Спасибо, господин прапорщик, за тёплую вещь. Нам, южным людям, морозы особенно неприятны и ещё раз спасибо. Что вас подвигло на такой поступок, несвойственный офицеру? – поинтересовался Сталин, внимательно вглядываясь желтыми глазами в Ивана Петровича.

– Случайно услышанные ваши слова, что войну необходимо кончать, вот и подумал: пусть эти ссыльные быстрее возвращаются в столицу и похлопочут об окончании войны. Нам, офицерам по призыву, война тоже осточертела и не терпится вернуться домой к своим семьям. Царь войну развязал, теперь царя нет – значит и войне должен быть положен конец, но правительство нынешнее что-то о войне пока ни слова не сказало.

Сталин молча кивнул головой и отошел к своим товарищам, а Иван Петрович направился к своим солдатам, чтобы отправить мобилизованных: воинский эшелон с востока уже приближался, и паровоз подал гудок, показавшись вдали.

Иван Петрович не мог знать, что эта случайная встреча на перроне в будущем будет иметь решающую роль в его судьбе: через годы Сталин (Джугашвили) возглавит страну, заставит народ строить государство справедливости, беспощадно уничтожая врагов своим замыслом.

Лев Каменев (Розенфельд) несколько раз предаст партию большевиков, станет врагом Сталину, а под жернова борьбы Сталина с врагами социализма попадет и Иван Петрович стараниями соплеменников Льва Розенфельда. Но это будет в далёком будущем, а пока Иван Петрович грузил свою команду мобилизованных в эшелон, куда погрузились и бывшие ссыльные и паровоз, издав гудок и окутавшись паром, потянул состав на запад к фронту, требовавшему новых жертв в бессмысленной войне, затеянной бездарным царем Николаем II, продолжавшим и после отречения от престола с садистским удовольствием стрелять собак и кошек в Царском-сельском дворце.

Х

Весна наступила внезапно и бурно, и к середине апреля снега сошли, обнажив землю с начавшей пробиваться зеленью травы на обочинах дорог.

Стаи перелётных птиц в вышине потянулись на север, что означало окончательный приход весны, поскольку птицы, неведомо как, чувствуют, что длительных отзимков больше не будет.

Страна спокойно восприняла отречение царя, как будто этого царя никогда и не было вовсе. Группировка либералов, захватившая власть и назвавшаяся Временным правительством, начала управлять страной по собственному разумению, которого у них не было совсем.

Ошалев от власти, Временные правители провозгласили лозунг: «Война до победного конца», тем самым разрушив мечты Ивана Петровича о скорой демобилизации и возвращении домой. Вместе с ним такой надежды лишились и миллионы солдат на фронте, которые начали самовольно покидать части и массово дезертировать с оружием в руках, оказывая сопротивление заградительным отрядам, организованным правительством.

Немцы готовились воспользоваться этим положением и начать наступление по всему фронту, намереваясь сломить окончательно сопротивление русской армии на Восточном фронте, чтобы развязать себе руки на Западном фронте.

Временное Правительство снова ввело смертную казнь за дезертирство, которую отменило после отречения царя, но применять эту казнь для тысяч дезертиров не решалось, понимая, что власть в этом случае удержать не удастся.

В это время в Россию возвратился Ленин, о котором Иван Петрович случайно услышал из разговора ссыльных на перроне в Ачинске, и который выступил с «Апрельскими тезисами», провозгласившими переход от буржуазной революции к социалистической на основе следующей программы действий партии большевиков:

Кончить войну демократическим миром, для чего необходимо свергнуть власть капиталистов;

Переходить к Революции социалистической, после которой власть должна перейти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства;

Никакой поддержки Временному правительству;

Вся государственная власть должна перейти к Советам рабочих депутатов;

В России должна быть не парламентская республика, а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху с упразднением полиции, армии и бюрократического аппарата и замене постоянной армии всеобщим вооружением народа;

Конфискация всех помещичьих земель и национализация всех земель в стране;

Слияние всех банков страны в один общенациональный банк, подконтрольный Советам рабочих депутатов;

Контроль Советов за общественным производством и распределением продуктов;

Усилить роль партии большевиков в стране и в Советах депутатов;

Укрепить связи партии большевиков с международным интернационалом путём его обновления.

Фактически в этих тезисах Ленин предлагал путь построения нового государственного устройства России на основе справедливости и уничтожения власти денег и сословных привилегий.

Прочитав эти тезисы большевистского вожака Ленина, прапорщик Домов, желающий скорейшей демобилизации, чтобы соединиться с семьёй, начал собирать в газетах сведения об этом человеке, который, если верить большевистским газетам, хотел закончить войну и установить в стране новый порядок на основе справедливости для всех. Сведения о Ленине были отрывочны и сложились в голове у прапорщика в следующую картину:

Владимир Ленин (Ульянов) родился и вырос в Симбирске в семье директора народных училищ Симбирской губернии.

Окончив гимназию, Владимир поступил в университет, из которого был отчислен за революционную деятельность. Владимир участвовал в марксистских кружках, занимался революционной деятельностью, был в ссылке не очень далеко от Ачинска в селе Шушенском, потом уехал за границу, и там организовал партию социал-демократов, названную позже большевистской. Почему их так называли, Иван Петрович не знал.

В апреле Ленин возвратился из эмиграции, и его партия, пользуясь ошибками Временного правительства, стала быстро расти и влиять на положение в стране. Ленин, видимо, обладал хорошими организаторскими способностями, был искусным оратором, а главное: он беззаветно был предан делу революции и с фанатичным упорством жаждал социалистической революции в России, чтобы на обломках империи построить общество справедливости, равенства и свободы. Вот, собственно, и все сведения, что удалось почерпнуть Ивану Петровичу из газет об этом Ленине – даже облик его был неизвестен.

Временное правительство, оказавшись совершенно бездарным, казалось, нарочно делало всё, чтобы ослабить свою власть и вызвать ненависть у народа. Дорвавшись до власти «временные» оставили царские порядки без изменений, но:

– расстреляли почти всех жандармов и многих полицейских, что привело к разгулу преступности и предательству;

– ввели уполномоченных комиссаров при командирах воинских частей, что нарушило управление войсками и привело к развалу дисциплины;

– ввели комиссии (продотряды) с комиссарами во главе по изъятию хлеба у крестьян силой, что вызвало массовое недовольство крестьян;

– организовали концлагеря для недовольных – куда сажали без суда и следствия;

– сохранили помещичью собственность на землю, оставив фабрики и заводы в частных руках, что в условиях войны не позволило мобилизовать силы и средства для нужд фронта;

– ввели печатание бумажных денег без всяких ограничений, что обесценило доходы, зарплаты и сбережения людей и вызвало хаос в экономике страны.

Ивану Петровичу лишь изредка удавалось отправить команду мобилизованных эшелонам на фронт, но по дороге, по словам сопровождающих, большинство рекрутов разбежались по лесам, чтобы тайком вернуться домой, так что фронт пополнений не получал, да и фронтовые части редели из-за массового дезертирства.

В июне месяце Временное правительство затеяло наступление по всем фронтам в надежде победить немцев, а затем бросить воинские части на усмирение оголодавших и измученных войной людей в городах и сёлах.

Русские войска имели перевес над немцами во всём, кроме дисциплины и боевого духа, и не хотели воевать и погибать в бессмысленной бойне, затеянной царём, который дезертировал, и продолженной Временным правительством.

Генерал Деникин, Главнокомандующий западным фронтом, позднее писал: «Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две, три линии противника и вернулись в свои окопы. Операция была сорвана. Я на 19-ти верстном участке имел 184 батальона и 300 орудий, у врага было 170 батальонов первой линии и 12 в резерве при 300 орудиях. В бой было введено 138 батальонов против 17 и 900 орудий против 300.»

Солдаты, утратившие дисциплину, в атаку на врага не шли, а немногие боевые части немцы успешно выбили и перешли в контрнаступление по всему фронту, не встречая почти сопротивления. Солдаты бежали целыми пачками, и даже заградительный огонь по своим, что вели «батальоны смерти», организованные по приказу Верховного Главнокомандующего, которым стал генерал Корнилов, назначенный на эту должность Председателем правительства, плюгавеньким адвокатом Керенским Александром Фёдоровичем – тёзкой императрицы Александры Фёдоровны и, видимо, с женским умом, не помогал остановить массовое дезертирство солдат.

Потерпев поражение на фронте, Керенский попытался восстановить власть в стране, расстреляв в Петрограде мирную демонстрацию рабочих и солдат и разогнав Советы. Ленина объявили немецким шпионом, партию большевиков вне закона, но это не помогло восстановить порядок – в том понимании, как это представлял Керенский.

Генерал Корнилов попытался установить диктатуру военных, для чего двинул войска с фронта в Петроград для подавления волнений, но Керенский, увидев в этом угрозу своей власти, остановил движение войск, приказал арестовать генералов и поместить их в Петропавловскую крепость под арест.

Под эти события в стране Иван Петрович продолжал свою бессмысленную службу помощником коменданта Ачинска по мобилизации в армию. Мобилизовывать было некого, и прапорщик, являясь на службу в комендатуре, вёл пустые разговоры с сослуживцами, коротая день и не решаясь покинуть службу, чтобы не быть объявленным дезертиром. В августе пришёл приказ командующего округом о присвоении Ивану Петровичу звания подпоручика досрочно за добросовестную службу, что он воспринял вполне равнодушно, но всё же написал жене о своём повышении в чине.

Анна писала ему каждую неделю по письму, сообщая, как проходит её беременность и о жизни в городке, где в отдалении от железной дороги ничего не менялось, и даже уездный начальник остался прежним, что и при царе.

Письма эти приходили с задержками – даже почта начала давать сбои, но Иван Петрович с нетерпением ожидал писем от жены и писал ответные послания, надеясь, что беспорядок в стране закончится, с немцами заключат мир, пусть и позорный, и он сможет навестить жену перед родами, возможно и демобилизуется из армии.

На фронт отправлять было некого, но с фронта начали возвращаться солдаты, самовольно покинувшие свои части по примеру бывшего царя Николая II. Эти фронтовики организовывали Советы, чтобы сообща защищать себя от местных властей воинских, которые по привычке считали солдат-самовольщиков дезертирами. Советы организовывали отряды само-

обороны, оружия было достаточно, поскольку солдаты бежали с фронта, прихватив винтовки, и осенью в стране установилось двоевластие: Временное правительство и Советы.

Ленин призвал к вооруженному восстанию, чтобы власть перешла к Советам. Об этом Иван Петрович узнал в комендатуре, когда пришло телеграфом указание из округа усилить бдительность и охрану складов от дезертиров и налетчиков, которых развелось в изобилии после разгона Временным правительством полиции.

Наступил октябрь, и страна напряглась в ожидании неизбежных перемен. Иван Петрович решил, что если Временное правительство наведет порядок, он продолжит службу, а если будет переворот, и власть перейдет в другие руки, например, большевиков, то он будет свободен от воинского долга и уедет к жене, которая должна вот-вот родить ребёнка, а возможно уже и родила, но не успела сообщить письмом: последнее письмо он получил две недели назад и шло оно тоже две недели.

Готовясь к грядущим переменам, Иван Петрович ещё с весны начал на своё офицерское жалование покупать красивые безделушки, называемые антиквариатом и золотые украшения, справедливо полагая, что бумажные деньги, которые стремительно обесценивались, не позволяют производить накопления, необходимые ему для будущей семейной жизни после ухода из армии – не садится же на содержание тестя, пока устроится работать учителем!

Таким образом Иван Петрович скопил несколько золотых украшений, безделушек с камнями и золотом, и полтора десятка золотых червонцев, что вполне хватало на первое время жизни после ухода из армии. Ещё отец, Пётр Фролович, говорил: бумажные деньги – это труха, сгорят и пепла не останется, а серебряный рубль – он и после пожара рублём будет.

XI

Известие об Октябрьской революции застало Ивана Петровича в должности помощника уполномоченного Временного правительства по мобилизации в городе Ачинске. Телеграф на станции отстучал, что власть в Петрограде перешла в руки Советского правительства, которое начало издавать государственные декреты и требовать по всем губерниям и уездам передачи власти в руки военно-революционных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Из телеграфного сообщения следовало, что «Социалистическая революция, о неизбежности которой твердили большевики, свершилась». Через неделю в Ачинск пришли и первые декреты Советской власти, подписанные Предсовнаркома Ульяновым (Лениным), главными из которых были Декрет о мире и Декрет о земле.

Иван Петрович внимательно прочитал в местной газете эти декреты о мире и о земле.

«Принят

II Всероссийским Съездом
Советов Рабочих, Солдатских
и Крестьянских Депутатов

26 октября 1917 года

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и Крестьянское Правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром правительство

считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета, – не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилем.

Продолжить эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества, и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, с своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем с своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможны как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и

созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма. Великие образцы чартистского движения в Англии; ряд революций, имеющих всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом; наконец, геройская борьба против исключительного закона в Германии, и образцовая для рабочих всего мира длительная, упорная, дисциплинированная работа по созданию массовых пролетарских организаций Германии, – все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.»

«Принят

II Всероссийским Съездом
Советов Рабочих, Солдатских
и Крестьянских Депутатов
27 октября 1917 года

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

КРЕСТЬЯНСКИЙ НАКАЗ О ЗЕМЛЕ

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду или в залог; ни каким-либо другим спо-

собом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяются законодательным порядком.

4) Конские заводы казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч., конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного Собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства и общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать её своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах её обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжении не более 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на это время прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями. Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, при чём преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица, по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч., и, наконец, по жребью, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного Собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться Уездными Советами Крестьянских Депутатов.»

Из декрета о мире следовало, что Советское правительство предлагает всем участникам войны начать переговоры о справедливом, демократическом мире без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей и без контрибуций.

Из декрета о земле следовало, что Советское правительство передавало всю землю в распоряжение Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле. Большевистский декрет о земле полностью повторял Программу партии эсеров, в которой Иван Петрович считал себя членом партии с 1904 года.

Простые жители Ачинска с восторгом встретили первые декреты Советской власти, и Иван Петрович понял, что Советская власть – это всерьез и надолго: солдаты и крестьяне почти поголовно за Советскую власть, и при такой поддержке населения свергнуть эту власть будет невозможно, да и некому.

Октябрьский мятеж закончился полной победой большевиков и был назван ими революцией в полном соответствии со словами поэта: «Мятеж никогда не бывает удачен – удачный мятеж называют иначе».

В глубине души Иван Петрович одобрял действия большевиков по свержению Временного правительства и декреты о мире и о земле: бессмысленная война изнурила страну и людей, а крестьян можно было успокоить лишь передачей всей земли в распоряжение общин. Несколько смущала передача власти в руки рабочих и крестьян, что следовало из Декрета о власти:

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной Съездом, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.е. Совету народных комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому Съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

Предсовнаркома В.Ульянов (Ленин)

Ниже приводился список из 16-ти Народных комиссаров, среди которых Народным комиссаром по делам национальностей значился И. Джугашвили(Сталин).

Иван Петрович читал в газетах о некоей партии большевиков-предателей, во главе которой был Ленин – якобы немецкий агент, и вот теперь получалось, что немецкий шпион стал во главе государства Российского, что было почти абсурдом. Однако, кто такой этот Ленин на самом деле? К тому, что он уже знал, Иван Петрович дополнил следующие сведения о Ленине:

Владимир Ленин (Ульянов) родился в Симбирске в учительской семье.

Его отец, Илья Николаевич, выбился из мещан-ремесленников и дослужился до директора народных училищ Симбирской губернии, имея чин действительного статского советника, что соответствовало военному чину генерал-майора пехоты четвертого класса в табели о рангах Российской империи, имея право на потомственное дворянство. Благодаря усердной службе отца, дети Ильи Николаевича стали дворянами, имея хорошие перспективы на достойную жизнь в царской России. Хотя Илья Николаевич и умер в возрасте 54 года, но его вдова – мать Ленина, Мария Александровна, урожденная Бланк, дочь крещённого еврея, выхлопотала пенсию на себя и детей за умершего мужа, и эта пенсия позволяла жить вполне обеспеченно ей, а детям учиться в университетах, как потомственным дворянам.

Ленин был ещё подростком: вдумчивым, спокойным и всецело поглощенным учебой, когда его старший брат Александр, студент Петербургского университета, организовал «Террористическую фракцию» в партии «Народная воля» и был повешен по приговору особого присутствия Правительствующего сената за подготовку покушения на императора Александра III.

Казнь брата произвела большое влияние на судьбу Ленина, и он с юности посвятил себя целиком борьбе за построение в России общества справедливости на основе социалистических идей Маркса-Энгельса, надеясь, по-видимому, заодно и отомстить царствующему дому Романовых за смерть брата Александра.

Основным злом человечества к началу XX века марксизм, в трактовке Ленина, считал частную собственность на средства производства, в том числе частную собственность на землю. Фабрикант присваивает себе часть продукции, произведенной рабочими фабрики, не доплачивая им за труд, а крестьяне постоянно воспроизводят частнособственнические отношения в процессе сельскохозяйственной деятельности на земле, находящейся в частной собственности помещиков, отдавая часть урожая за аренду земли.

Опираясь на теорию Маркса о неизбежности социалистической революции, Ленин, с учетом опыта Парижской коммуны занялся построением социал-демократической партии, считая Россию слабым звеном в капиталистическом мире и формируя теорию о возможности победы социалистической революции в отдельной стране на основе революционных событий 1905 года.

Революция 1905 года была разгромлена потому, что не было сильной партии, которая бы возглавила народ и повела его к победе тружеников над паразитами. Именно поэтому Ленин и считал построение партии большевиков своим главным делом, а будет партия – будет и победная революция.

Признавая теорию социальных революций необходимым условием для успеха, Ленин больше полагался на практику, которая подтверждала, что революции происходят стихийно и в тех странах, где население подвергалось жестоким испытаниям войной. Так было в Париже во время франко-германской войны, и так было в России во время русско-японской войны.

Когда Россия ввязалась в мировую войну, Ленин призвал все народы повернуть оружие против своих капиталистов и превратить империалистическую войну в гражданскую. Это вызвало недоверие к Ленину даже со стороны соратников, которые не понимали, как можно желать поражения в войне своей собственной стране.

Однако неудачи в войне показали гнилость царизма, который рухнул в феврале, а дорвавшаяся до власти либеральная буржуазия за полгода довела страну до полного развала. Ленин, уловив момент краха, и, опираясь на свою партию большевиков, взял власть бескровно, сверг и арестовал Временное правительство в Петербурге, а потом и по всей стране, и месяц ноябрь стал месяцем триумфального шествия Советской власти по России, а свергнутые классы капиталистов, помещиков и дворянства почти не оказывали сопротивления, пребывая в полной растерянности и раздробленности.

Такой ход событий вскружил головы романтикам-большевикам, которые на радостях победы не приняли мер к изоляции наиболее крупных фигур из царского окружения и Временного правительства, а напротив, освободили всех заключенных членов Временного правительства и царских генералов под честное слово не выступать против новой власти. Заодно большевики отменили и смертную казнь.

Иван Петрович знал по фронту цену честного слова царских генералов и аристократии и не сомневался, что через некоторое время свергнутые классы опомнятся и начнут вооруженную борьбу против быдла, как они считали, захватившего власть в России, а это означало гражданскую войну, ибо рабочие, крестьяне и солдаты, получив в распоряжение фабрики, землю и мир, провозглашенные в декретах Советской власти, не отдадут этих завоеваний без ожесточенного сопротивления.

Местные газеты, ещё при Временном правительстве, писали, что Ленин является немецким шпионом и был привезен в Россию из Германии в plombированном вагоне вместе со своими соратниками по партии большевиков: потому он и предложил мир Германии, сразу после захвата власти. Конечно, шпион во главе Государства Российского – это была полная чушь и выдумка противников Ленина, но некоторые люди верили в эту ложь и лишь ждали удобного случая, чтобы выступить против большевиков с оружием в руках. Ещё немного времени и разгорится борьба против власти большевиков, брат пойдёт против брата, и начнется жестокая братоубийственная гражданская война, в которой Иван Петрович не собирался участвовать: он получил известие из дома, что родилась дочь и хотел поскорее увидеть ребенка, надеясь остаться в стороне от надвигающейся гражданской войны.

Такое мнение об Октябрьской революции, Ленине и власти большевиков Иван Петрович составил для себя, читая декреты Советской власти и на основе тех сведений, что узнал ранее в местных газетах о партии большевиков – безбожниках и немецких шпионах во главе с Лениным.

XII

В конце октября в Ачинске на заседании «Великого совета» рабочих и солдатских депутатов была провозглашена Советская власть. Комендант города объявил демобилизацию всего гарнизона в связи с переходом власти к большевикам, и Иван Петрович получил свободу действий: Временное Правительство кончилось, а новой власти большевиков, он, как офицер, присягать не желал.

Получив в комендатуре предписание о своём увольнении из армии, согласно распоряжению коменданта, Иван Петрович ближайшим поездом отбыл в Омск, чтобы оттуда отправиться в уездный городок Токинск и соединиться с молодой женой и новорожденной дочерью: в преддверии дальнейших потрясений в стране он хотел быть вместе с семьёй.

Движение по железной дороге было дезорганизовано из-за саботажа служащих, не желающих признавать Советскую власть, и лишь через неделю Иван Петрович добрался из Ачинска до Омска, хотя в обычное время на это ушло бы два дня.

В Омске уже организовалась Советская власть, большевики начали наводить порядок в городе, на вокзале дежурил отряд красногвардейцев, как называли себя вооруженные сторонники Советской власти, и лишь Иван Петрович соскочил с подножки вагона остановившегося поезда, как к нему подошел патруль из трех солдат с красными повязками на рукавах шинелей и потребовал предъявить документы.

В городе, который оказался на перепутье между Дальним Востоком и Центральной Россией, уже произошло несколько нападений офицеров на патрули Красной гвардии, и Советская власть училась защищать себя, проявляя бдительность и настороженность, особенно на железной дороге, вдоль которой туда-сюда мотались толпы растерянных буржуа, чиновников, лавочников и офицеров, составлявших некогда опору царизму и Временному Правительству, и враз лишившихся при Советской власти своего положения в стране и обществе.

Иван Петрович показал свою увольнительную записку и объяснил, что возвращается домой в Токинский уезд, где у него живет жена с новорожденной дочерью. Доставая увольнительную, Иван Петрович расстегнул шинель и старший караула увидел на груди офицера солдатский георгиевский крест, что свидетельствовало о том, что офицер этот ранее был солдатом. Настороженность патруля красногвардейцев сменилась на доброжелательность солдат к бывшему солдату: они знали, что георгиевский крест просто так не давался и этот офицер перед ними был фронтовик, своей отвагой выбившийся в офицеры.

Старший патруля прочитал увольнительную Ивана Петровича, вернул её и разрешил офицеру следовать дальше, приговорив: «Вы, товарищ, офицерские-то погоны снимите – Советская власть своим декретом отменила все чины и звания в армии и стране, поэтому, кто носит офицерские погоны, тот считается противником Советской власти, потому что не признает новых порядков. Лучше вам, подпоручик срезать погоны прямо здесь – иначе в городе у вас постоянно будут проверять документы, если вы будете в погонах, – закончил свою речь солдат и протянул офицеру кинжал.

Иван Петрович послушал доброго совета, срезал кинжалом погоны с шинели и, с внутренним сожалением, выбросил их в урну: офицерство досталось ему фронтовой отвагой, но расставание с погонами сулило и расставание с войной, соединение с семьей, что было значительно важнее офицерских погон.

Смешавшись с такими же беспогонниками: солдатами и офицерами, которых различить можно было лишь по качеству шинельного сукна, Иван Петрович, закинув вещмешок на плечо, вышел на привокзальную площадь, намереваясь прикупить еды в дорогу, и если повезет, кое-какие подарки жене и теще: пара золотых сережек и кольцо были припрятаны у него в потайном кармане кителя, но хотелось подарить женщинам что-то более существенное: отрез на платье или пуховую шаль, весьма пригодившуюся бы в наступивших морозах.

Деньги на покупку вещей у него были: комендант вместе с увольнительной запиской раздал офицерам все деньги из гарнизонной кассы, справедливо полагая, что в скором времени содержимое кассы перейдет к новым властям, которых он, полковник, не признал и признавать не собирался.

Итак, деньги у Ивана Петровича были, но торговли на привокзальной площади, как в былые времена не наблюдалось, да и сама площадь была пуста: редкие прохожие, поживаясь от холодного ветра, торопливо пересекали площадь в разных направлениях, а прибывшие вместе с ним пассажиры, тотчас скрылись в привокзальных улицах.

Иван Петрович достал из вещмешка мерлушковую шапку и теплый вязаный шарф, одел шапку, поднял башлык шинели, повязал поверх шинели шарф, надел теплые вязаные рукавицы, спрятал в мешок офицерскую фуражку и торопливо зашагал к северному тракту, где намеревался подхватить попутный обоз и вместе с ним добраться в Токинский: другой возможности доехать до городка не было – извозчики и почтовые подводы и год назад ходили нерегу-

лярно, а теперь, видимо, и совсем перестали: военная разруха, охватившая страну, за три года добралась и до этих, отдаленных от войны и крупных городов, мест.

Выйдя на центральную улицу, он торопливо зашагал по тропинке, огибая сугробы: проезжая часть улицы видимо ещё по привычке очищалась от снега, который сгребался к тротуару, где прохожие своими ногами торили тропинки.

К удивлению Ивана Петровича в центре города было довольно оживленно: лавки и магазины открылись, о чем свидетельствовали таблички на дверях, и горожане, входившие и выходявшие из этих торговых заведений. Он зашел в первый попавшийся на пути мануфактурный магазин, где на полках кое-где ещё лежали отрезы материи и, показав деньги, спросил, можно ли на них что-то купить.

Приказчик торопливо подбежал к редкому покупателю и сказал, что на царские деньги здесь всё продается, а вот «керенки», то есть деньги, выпущенные Временным правительством, хозяин приказал не брать и товар на них не отпускать, ибо Временное правительство почило в бозе. Разглядев в Иване Петровиче офицера, приказчик осторожно шепнул ему, что новая власть вряд ли удержится долго, вернётся царь-батюшка и царские деньги снова будут в цене – так ему сказал хозяин.

Иван Петрович купил два отреза сукна, сунул их в вещмешок, расплатился с приказчиком и спросил, где здесь поблизости можно купить валенки: в офицерских сапогах, что были на нем, отправляться по морозу в дальний путь было весьма опрометчиво – можно было отморозить ноги и даже лишиться жизни: ясное небо сулило усиление морозов, хотя и сейчас было, видимо, далеко за двадцать градусов.

По совету приказчика, он отыскал лавку, где продавались валенки-самокаты, прикупил к ним овчинную телогрейку, переобулся, подстегнул под шинель телогрейку, и вполне готовый к долгой морозной дороге, направился в сторону тракта, что вёл к городу Токинску – цели его странствий после демобилизации.

Ему повезло. Выйдя на тракт, он почти сразу встретил санный обоз, направлявшийся в аккурат к месту назначения Ивана Петровича. После недолгого торга за проезд, возница, крестьянин в нагальном полушубке, валенках и овчинном треухе, указал ему место в розвальнях, он присел с краю на охапку сена и обоз тронулся в путь под стук лошадиных подков по обледеневшему накатанному тракту, поскрипывая полозьями саней на смерзшихся сугробах снега, кое-где переметавших санный след.

В санях, кроме Ивана Петровича, сидел, сторбившись солдат – видимо тоже демобилизованный, как и он, а между возницей и попутчиком возвышалась добрая копна сена, из-под которого виднелись три мешка – видимо с зерном.

Солдат, увидев нового ездока, хмуро молвил:

– Что, ваше благородие, кончилась ваша власть, теперь в глушь тикаете, надеясь отсидеться и укрыться от людского гнева? Только и там, в глуши, мы достанем вас, кровопивцев, и посчитаемся за ваше барство и смертоубийство на войне! Большаки, как сказал их товарищ Ленин, не дадут поблажки благородиям и спросят сполна за людские страдания с помещиков и капиталистов. Я сам об этом слышал в Петрограде, откуда и добираться в своё село, чтобы там тоже установить Советскую власть и отобрать землю и имущество у кулаков и лавочников.

– Вековая вражда между сословиями начинает разгораться, – подумал Иван Петрович, – если так дело пойдет и дальше, – начнется резня между людьми: одни захотят сохранить свою власть и состояние, а другие начнут отбирать имущество состоятельных в пользу обездоленных, а там, где передел собственности, там всякие проходимцы и авантюристы объявятся и жди тогда большой крови людской, – решил он про себя, но вслух, примирительно проговорил:

– Я, гражданин, (в одном из декретов Советской власти, где отменялись сословия и классы, говорилось, что теперь все люди равны между собой и друг к другу следует обращаться «гражданин» или «товарищ», и Иван Петрович воспользовался этим обращением) «вашим

благородием» год назад, на фронте стал называться, а по профессии учитель и учил крестьянских детей грамоте в Могилевской губернии, – объяснил Иван Петрович и в подтверждение своих слов расстегнул шинель и овчину и показал солдатский Георгиевский крест второй степени, что всегда носил на груди и весьма гордился этим знаком отличия.

Солдат, увидев этот крест, что-то буркнул, сплюнул в сторону и замолчал отвернувшись: сказать ему было нечего. – Три креста Георгиевских случайно солдату не получить на фронте, и офицер этот, видимо, храбрый фронтовик, хотя по масти видно, что не из простых будет. И то сказать: учитель и у него на селе уважаемый человек, а потому лучше промолчать и поразмышлять, как он будет соседей, кулаков – мироедов, лишать имущества, – подумал солдат, почему и замолчал, отвернувшись.

Однако разговор продолжил возница, которому тоже захотелось перекинуться словом-другим с попутчиками: не глядеть же молча всю дорогу в лошадиный зад – людская душа требует разговора.

– А что за нужда, послала вас, господин учитель, в наши места? – поинтересовался возница, который подслушал разговор Ивана Петровича с солдатом и теперь намеревался его продолжить.

– Какой я тебе господин! – возразил Иван Петрович, – сказано же тебе, что нет нынче господ, новая власть отменила сословия.

– Так у нас на селе завсегда учителя господином величали: не по барству, а из уважения – пояснил возница. – Мой сынишка младшой, Ванькой кличут, второй год в церковно-приходской школе обучается письму и грамоте учителем нашим Степаном Ильичем – как же мне учителя за это господином не звать? – удивился возница и продолжил: – В наши места при царях сюда каторжников на поселение ссылали, а вы самостоятельно едете, но поговору, видать, не из этих мест будете.

– К жене еду, дочку она родила, – охотно и громко отвечал Иван Петрович, чтобы солдат тоже услышал и освободился от злобы, что переполняла его хилое озябшее тело.

– Сам-то я из Могилевской губернии буду, – продолжал Иван Петрович, – война занесла в эти места, потом в Иркутске служил и вот теперь по демобилизации еду в Токинг, и надеюсь снова заняться учительством: новому государству, как говорят большевики, нужны грамотные люди, чтобы строить сообща новую жизнь, где не будет богатых и бедных и все будут жить своим трудом, – повторил он лозунги большевиков, слышанные им в Ачинске.

Это хорошо, что к семье едете, – одобрил возница намерения Ивана Петровича, – учителя в наших местах весьма почитаемые люди. А где же Могилевская губерния находится, что-то не припомню? Чудится мне, что царь Николай Кровавый, когда манифест писал об отречении от престола, жил там, в Могилеве. Иль я не прав?

– Ваша правда, не знаю, как вас зовут, – ответил Иван Петрович, и соскочив с саней побежал трусой рядом с санями, чтобы согреться и размять затекшие от долгого сидения руки и ноги.

– Зовут меня Прохором, – охотно продолжал разговор возница, ускоряя поступь лошади вожжою, чтобы Ивану Петровичу было сподручнее бежать рядом, – я из ближнего к Токинску села Рачи, – мы обозом ездили в Омск продать муку, зерно и мясо. Всё продали, кроме зерна – цену хорошую за него не дали, вот и везу мешки обратно, – кивнул он на мешки под сеном.

Продали за золотишко, а не за бумажки, которые новая власть грозитя вовсе отменить. И коль царь Николашка отрёкся от престола в Могилеве, надо было его там и оставить и отдать немцам вместе с женошкой его Александрой Федоровной – немкой.

Если царь даже власть свою толком не смог передать по наследству, то черту лысому нужен такой царь, а не России. Пусть бы с Гришкой Распутиным, на пару, Николашка служил немцам. Этот Распутин здесь неподалёку жил под Тюменью и был известный пьяница и бабник, и если царь его привечал, значит и сам был мелкого ума: как говорится, дурак дурака видит

издалека. По царской дурости и этих Временных правителей, теперь к власти пришли какие-то большаки, с атаманом их Лениным, который обещает замирился с немцем, землю отдать крестьянам, а мануфактуры – рабочим.

Земля у нас в Сибири и так крестьянская – бери, сколько запахать сможешь, но голытьба пропойная сейчас голову подняла буйную и грозит хозяйство у справных мужиков отобрать. Конечно, есть мироеды, которых надо ошипать, но зачем трогать других, который семьёй жилы рвут на земле и потому справно живут? У меня четверо сыновей за плугом вместе со мною ходят, и потому мы живем справно: нам чужой земли не надо, но и своей не отдадим.

Ох, чует мое сердце: передерутся власть нынешняя с властью прошлой, а отвечать, как всегда, будет крестьянин, – хлеб-то всем нужен. Потому я зерно и не продал по низкой цене – пусть полежит в амбаре до весны, а там видно будет, чья власть сильнее, и куда податься крестьянину. А вы, господин учитель, если что, приезжайте к нам в село учительствовать: прежний наш учитель ещё летом уехал в город и не вернулся, так что детишек наших учит попик наш – больше некому, – закончил Прохор свою речь, и Иван Петрович снова заскочил в сани, согревшись от пробежки рядом с подводой.

– Не расскажете – ли, господин учитель, где и как воевали, и за что получили свои кресты: мне с сыновьями удалось отбояриться от армии – дал мзду уряднику, – он и вычеркнул меня с сыновьями из списков по мобилизации, а потом началась неразбериха власти, и так дело до нас и не дошло, – пояснил Прохор свою просьбу, и Иван Петрович начал рассказывать о своих фронтовых делах и всё больше о товарищах, чем про себя.

Короткий декабрьский день начал клониться к сумеркам, когда обоз въехал на постоялый двор, на ночевку, чтобы кони отдохнули в теплом загоне, пожевали овса и сена, попили водицы и, освежившись, завтра продолжили путь. Всего пути до Токинска по такой морозной погоде будет три дня, – пояснил Прохор, распрягая свою лошадь и приглашая путников в ночлежную избу на постой.

К исходу третьего дня, как и обещался Прохор, обоз въехал в уездный городок Токинский, где проживала жена Ивана Петровича – Анечка с новорожденной дочерью Августой, а проживала она у своих родителей: Антона и Евдокии Щепанских в родительском доме, что Антон Щепанский, будучи местным купцом и владевший небольшим маслозаводом и паровой мельницей, построил несколько лет назад в самом центре городка на берегу речушки, название которой Иван Петрович запомнил по необходимости.

Он бывал в этом городке лишь однажды, дней десять, и почти год назад, когда вместе с Анечкой – тогда еще невестой, приехал в городок, чтобы получить согласие родителей Анечки на её брак с ним, обвенчаться тут же и уехать к месту службы: после окончания училища прапорщиков в Омске, начальство дало ему десятидневный отпуск для устройства семейных дел.

Тогда был февраль месяц 17-го года, трескучие морозы сменялись снежными вьюгами, за свадебными хлопотами и по дурной погоде побродить по городку ему не удалось, и вот теперь, на закате короткого декабрьского дня, по тихой, но морозной погоде въехав в городок, он с интересом присматривался к месту своего будущего обитания, где намеревался пережить время смут и потрясений, охвативших всю Россию от столиц до самых до окраин.

Приземистые избы и домишки-пятистенки, то есть состоящие из кухни и комнаты, стояли засыпанные снегом по самые окна: ранняя и снежная зима успела засыпать городок снегом людям по пояс. От домов тянулись к дороге траншеи, прорытые в снегу, чтобы обитатели могли выйти из жилища на уличную дорогу, которая чистилась ежедневно бревенчатым клином. Этот клин, тянувшийся парой лошадей впереди обоза Иван Петрович видел ещё в свой прошлый приезд в городок: за год в стране сменилось две власти, а клин для очистки дорог был всё тот же, да пожалуй и лошадки, что тянули его, были прежние.

Въехав в городок, подводы обоза рассеялись кто куда, и Иван Петрович, соскочив с саней, прихватил свой вещмешок, расплатился с Прохором и, поблагодарив его за оказию, направился к дому своего тестя, Антона Щепанского, до которого было с полверсты пешего ходу.

Дом тестя, большой по местным меркам: из четырёх комнат и кухни, срубленный несколько лет назад из строевого леса, Иван Петрович увидел издалика, от храма Георгия Победоносца, стоявшего на берегу реки. На противоположном берегу и виднелся знакомый дом, где у усталого путника проживала молодая жена с дитём, вовсе не подозревавшие о близости своего мужа и отца: телеграмму Ивану Петровичу о своём приезде отправить не удалось: телеграф работал только на правительственные депеши и распоряжения властей.

Заснеженная тропинка, похрустывая под валенками офицера, привела его к реке, покрытой льдом и засыпанной снегом, перевела на другой берег, и вскоре Иван Петрович стоял у самой калитки тестиного дома, из двух печных труб которого поднимались к небу два прямых столба дыма: печи топились с вечера для ночного тепла в доме, а вертикальные столбы дыма предупреждали о том, что ночью мороз усилится, и завтрашний день будет студёным, но ясным и безветренным.

Иван Петрович толкнул калитку, оказавшуюся ещё незапертой на ночь, и вошел в просторный двор, вычищенный от снега, который был переброшен в огород: и двор чист, и весной огород наполнится дополнительной влагой от стаявшего снега, что весьма полезно для огородничества, ибо майские засухи бывают здесь ежегодно и наносят большой урон урожаю овощей, – так ему говорила в тот прошлый приезд теща – Евдокия Платоновна, которая в это самое время вышла из дровяного сарая с охалкой березовых поленьев в руках.

Завидев постороннего во дворе, женщина подошла ближе и, признав в госте своего зятя, охнула от неожиданности и выпустила поленья из рук. Поленья рассыпались по двору, а Евдокия Платоновна подошла к зятю и облобызала его троекратно в щёки по крестьянскому обычаю.

– Добро пожаловать, дорогой гостюшка, – приветствовала женщина Ивана Петровича, – мы с мужем уж и не чаяли до весны увидеть зятя: война проклятая идёт и идёт, не позволяя вам, Иван Петрович, навестить жену и дочку. Дочка ваша, Августа, такая славная девочка получилась по божьему промыслу, и Анечка, жена ваша, здорова, так что в добрый час приехали вы, Иван Петрович к своей семье, – приговаривала теща, собирая дрова.

Иван Петрович прихватил тоже несколько поленьев и следом за Евдокией Платоновной вошёл в дом, открыв теще дверь. Они оказались в кухне, где у стола сидел тесть – Антон Казимирович, и строгал сапожным ножом длинные ветки сушеного табака: он готовил себе очередную порцию махорки.

Тесть, будучи заядлым курильщиком, за годы ссылки пристрастился к местному сорту табаку, хорошо вырастающему в здешних местах, сажал его в огороде, убирал, сушил в сарае и прятал на сеновале под крышей, чтобы зимой, вот так на кухне, аккуратно измельчив табак, набить махоркой свой кисет и, закончив работу, скрутить самокрутку, зажечь её от горячего угля, добытого из печи, и потом сидеть у печи, блаженно потягивая душистый дым и выпуская его в топившуюся печь, которая утягивала табачный дым вместе с дымом от горящих поленьев в трубу, и далее из трубы вверх к мерцающим звездам холодного ночного неба.

Конечно, став купцом, он мог позволить себе дорогой табак, но привычек курильщики обычно не меняют, и Антон Казимирович довольствовался привычным домашним табаком-самосадом.

На скрип открывшейся двери Антон Казимирович не обратил внимания, полагая, что это возвратилась его жена, пошедшая в сарай за дровами. Евдокия Платоновна бросила у печи поленья, принесенные для утренней топки, и вкрадчиво сказала мужу: – Посмотрите, Антон Казимирович, кого я привела в дом со двора нечаянно – негаданно.

Антон Казимирович обернулся и близоруко прищурившись всмотрелся в гостя. Не сразу, но он признал в вошедшем мужчине своего зятя, которого и видел-то всего ничего, когда Иван Петрович приезжал сюда свататься за дочь Анну, и тогда молодые венчались в местной церкви и прожили здесь больше недели.

Тесть встал, стряхнул с себя крошки табака, что рассыпались за время работы, подошел к зятю, прихрамывая на левую ногу, и, осторожно приобняв его, молвил:

– Рад видеть вас, Иван Петрович, в добром здравии в моём доме, который, надеюсь, будет и вашим домом. Дочь наша, ваша жена – Аннушка тоже здесь, здорова, видимо кормит дитя, дочку вашу Августу, пойду обрадую их вашим приездом негладаным, а вы пока раздевайтесь и грейтесь у печи: наверное, замерзли с дороги по нынешним холодам, – и Антон Казимирович пошел в горницу, чтобы позвать дочь Анну встречать мужа.

Не успел Иван Петрович снять шинель, как на кухню ворвалась Анна и, не смущаясь родителей, бросилась на шею мужу, вся светясь радостью от нечаянной встречи.

Иван Петрович ласково погладил жену по шелковистой пряди волос, которые Анечка не успела убрать под косынку по местным обычаям и, простоволосая, выскочила навстречу мужу.

Он обнял родную, теплую и мягкую жену, почувствовав, как она вздрогнула в его объятиях и, распахнув шинель, плотнее прижалась к нему. От Анечки пахло березой, молоком и ребенком. Поцеловав жену в щеки, он отстранил Анечку от себя, смущаясь родителей, и пристально всмотрелся, пытаясь увидеть перемены в жене, которую не видел целый год.

С рождением ребенка Анечка похорошела, ее формы округлились, а взгляд стал спокойным. Темные волосы беспорядочно рассыпались по её плечам, а из запахнутого наспех халатика с капельками молока на отвороте виднелся край налитой груди: видимо она кормила дочку и, получив известие о прибытии мужа, тотчас кинулась ему навстречу, прервав кормление. Действительно, из дальней комнаты послышался детский плач: дочка, не успев насытиться, плачем требовала продолжить молочную трапезу.

– Пойдем, покажу тебе нашу дочку, – сказала Анечка Ивану Петровичу и потянула его за собой в дальнюю комнату, из которой доносился плач ребенка.

– Подожди, сниму шинель и валенки, – остановил он порыв жены, – не в одежде же идти к дитю, мало ли какая грязь за долгую дорогу могла попасть на одежду.

Он снял шинель, овчинную подстежку, валенки, что купил в Омске, и, оставшись босиком в шерстяных носках, пошел за женой следом к ребенку, успев вымыть руки под рукомойником, висевшим слева от входной двери.

Рукомойник и раковина под ним были из никелированного железа и блестели даже при тусклом свете лампы-десятилинейки, висевшей над кухонным столом. Закончив нарезать табак, Антон Казимирович увернул фитиль лампы, чтобы не жечь зря керосин, – не из экономии средств, которых у него, купца, было достаточно, а потому, что керосин теперь, после смены власти, завозился в городок нечасто, и следовало его экономить, чтобы вообще не остаться при лучине.

Пройдя за женой в дальнюю комнату, где тоже светилась керосиновая лампа, но поменьше – семилинейка, Иван Петрович увидел зыбку, подвешенную за крюк в потолке на стальную пружину и веревку к ней, расходившуюся по углам деревянного каркаса холщовой люльки, в которой плакала и ворочалась его дочь, родившаяся почти два месяца назад.

Жена Анна, подхватив ребенка из люльки, присела на кровать, стоявшую рядом, и, расстегнув халат и обнажив грудь, продолжила кормление дочки, которая, прихватив сосок, успокоилась, зачмокала, высасывая молочко из материнской груди, и вскоре заснула, насытившись.

Анна бережно положила дочь в люльку, покачала немного и, убедившись, что ребенок крепко заснул, прижалась к мужу, присевшему рядом на кровать, и с первым отцовским чувством наблюдавшим за дочкой.

– Неужели это маленькое розовое дитя с голубыми глазами и светлыми реденькими ещё волосиками на голове и есть моя дочка, мой первый ребенок? – удивлялся про себя Иван Петрович, обнимая крепко жену и жадно целуя её в губы, почему-то пахнущие парным молоком, будто она тоже, вместе с дочкой только что попила его из своей груди.

Анна, которая прожила мужней женой лишь неделю после свадьбы и, став женщиной, не успела привыкнуть к мужским объятиям, и, лишь несколько раз вкусив женского сладострастия, стала матерью, теперь, прижавшись к мужу, вдруг ощутила страстное желание мужской близости: такое сильное, что у нее закружилась голова, и она прикусила губы, которые Иван Петрович продолжал осыпать поцелуями, почувствовав трепетное желание жены и сам восплававший страстью обладания этой женщиной – уже не только жены, но и матери его ребенка.

Иван и Анна так и сидели бы вечно, прижавшись, возле спящей дочери, если бы Евдокия Платоновна не позвала их в кухню, ворчливо приговаривая: хватит, Анна, потешитесь ещё, а гостю надо бы вымыться с дороги, да поужинать вместе с нами: наверное, в пути кушал всухомятку, да на морозе, а я сегодня борща знатного сварила к обеду, будто знала, что гость будет. Идите, Анна, отец уже заждался зятя дорогого и успел подтопить баньку, благо она не успела остыть после дневной топки, и теперь Иван Петрович может хорошо пропариться с дороги, разогреть и размять косточки, смыв дорожные холода, а потом можно и за стол всем вместе: покушать рядком, да потолковать ладком пока дочка, Ава, спит.

Иван Петрович нехотя освободился из объятий жены, прошел в кухню, снял офицерский китель ещё с погонами, которые не успел спороть, разделся до исподнего белья, накинул на себя овчинный тулуп, что подала ему тёща, сунул босые ноги в чуни и, отворив дверь в сени, через которую тотчас устремились в дом клубы морозного воздуха, трусцой побежал в баню, что была пристроена прямо к сеням, чтобы в непогоду и морозы не надо было выходить во двор в банный день.

С рождением ребенка баню теперь топили ежедневно для постирушек пеленок и купания девочки, поэтому в баньке всегда было тепло, даже в сильный мороз, такой как сегодня, поэтому тесть лишь слегка подтопил печь, и в бане стало жарко и влажно.

Иван Петрович смыл с себя недельную грязь, накопившуюся за время пути в поездах и обозах, с удовольствием попарился березовым веником, нехотая вспомнив, как он вместе с невенчанной женой Надеждой парился в бане, учительствуя в Орше:

– Надо бы и с Анечкой попробовать вместе ходить в баню, как здесь принято – пусть и она ощутит усладу совместного посещения бани, – думал Иван Петрович, обмахиваясь березовым веником. С Надеждой мы испытали много сладких мгновений в бане, – жаль, что она так и не смогла стать мне душевно близкой женщиной, глядишь и всё повернулось бы по-другому, но тогда бы у меня никогда не очутилось жены Анечки и дочери Авы, – закончил он ненужные ему воспоминания.

Из-за этой Надежды он пошел добровольцем в армию, и судьба занесла его в этот сибирский городок, где он надеялся обрести семейный покой и выйти из водоворота перемен, в которые ступила страна. Что потом случилось с той женщиной Надеждой, ему было неизвестно. Примерно через два года, переводясь в новую воинскую часть, он заехал в Оршу и отыскал свой дом, где прожил два долгих года вместе с Надеждой.

Женщины той в доме не оказалось, но соседи, не признав в солдате бывшего учителя, сказали, что Надежда летом пятнадцатого года съехала в неизвестном направлении вместе с каким-то офицером, а куда исчез её муж-учитель, то им, соседям, было неизвестно. Потом военное лихолетье захлестнуло страну, произошла Февральская революция, и других попыток справиться о судьбе своей бывшей сожительницы Надежды он больше не предпринимал, встретив Анечку и женившись на ней полноценным церковным браком.

Анечке он, конечно, ничего и никогда не рассказывал о своих прошлых женщинах, которые должны были обязательно быть в жизни тридцатилетнего мужчины, но Анечка тактично

никогда и не расспрашивала Ивана Петровича об его личной жизни до их знакомства, восприняв мужа таким, какой он есть: полностью и навсегда.

Посвежевший и разгоряченный после бани, Иван Петрович в исподнем чистом белье, накинув тулуп и надев чуни, бегом возвратился в дом, где на кухне уже был накрыт стол для дорогого гостя, и Антон Казимирович по такому случаю открыл узорчатую бутылочку шустровского коньяка, зная, что зять не любит и не пьет водки.

Конечно, Иван Петрович за компанию, особенно на фронте, мог выпить немного водки, но удовольствия от этого не получал и потом страдал головной болью. Пройдя все тяготы фронтовой жизни от солдата до офицера, Иван Петрович не изменил своим привычкам и оставался трезвенником, не употреблявшим и курения табаку.

– Рассказывай, зятек, каким ветром тебя занесло в наш городок, – спросил, наконец, Антон Казимирович гостя, когда тот принял чарку коньяка и съел тарелку горячего борща. – Я гляжу у тебя и шинель без погон: что это значит?

– Демобилизовала меня прежняя власть в лице коменданта города Ачинска и справку о демобилизации мне выдали, а новая власть большевиков на службу не приглашала, да я и сам бы не пошел: хватит, навоевался досыта, и теперь буду снова учительствовать, как до войны, – ответил Иван Петрович на вопрос тестя. – Погоны с шинели пришлось спороть: большевики пока, по слухам, не очень-то жалуют офицеров, но похоже скоро опомнятся и будут звать таких как я снова на службу, когда немец на фронтах пойдёт в наступление.

Но я больше воевать не пожелаю: однажды сгруппил, пошёл добровольцем, теперь на воинскую службу меня и калачом не заманить. Здесь у меня жена и дочка, будем вместе учительствовать с Анечкой в школе, дочку Авочку растить, надеюсь, в обузу вам, Антон Казимирович, мы не будем? – шутливо спросил Иван Петрович тестя, зная, что ради единственной дочери и внуки тесть ничего не пожалеет.

– Конечно, зятек, живите в ладу вместе с нами: дом большой, места хватит, и нам, старым, вместе с вами веселее будет. Вон Евдокия-то от внучки не отходит, готова языком её вылизывать, как корова вылизывает своего теленочка.

– А как думаешь, Иван Петрович, новая-то власть надолго укрепилась или как эти Временные, на полгода, и что будет потом?

– Думаю, что заваруха в стране начнется кровавая, – отвечал Иван Петрович, доедая кусок курника, что подложила ему на тарелку тёща.

– Эти большевики дали землю крестьянам и мир солдатам. Здесь в Сибири это не очень чувствительно, а там, в центре России, большинство крестьян, солдат и рабочих будут за большевиков, и если они не наделают глупостей, то непременно победят и останутся у власти. С другой стороны, прежние власть имущие: знать, помещики и фабриканты скоро опомнятся и начнут биться за свои привилегии и имущество смертным боем: потому я и говорю, что будет много крови, пока кто-то не одержит верх окончательно.

Думаю и нас здесь коснётся эта борьба: гольтьба всех начнет зорить и пригибать, как при Емельке Пугачеве, не разбирая, кто прав, а кто и виноват.

Вам, Антон Казимирович, мой совет: дела ваши остановить, маслозавод и мельницу закрыть или продать, если найдётся, кто желающий, в чем лично я сомневаюсь. Деньги, если они есть у вас в банке – забрать, обменять ассигнации на золото и припрятать до лучших времен, – закончил Иван Петрович и приступил к чаепитию.

Антон Казимирович задумался, потом вскинул вверх кудлатую бороденку и горделиво, как истый поляк, молвил:

– Меня здесь все знают как порядочного купца и бывшего ссыльного по политической части, так что мне нечего опасаться новой власти: покажу справку, что я ссыльный, поселенец, пострадал от царизма, и власти новые меня не тронут. Здесь тоже какой-то Ревком организован из бедноты и бывших солдат, но пока никого не трогают.

А деньги из банка я и сам хотел было снять, ездил в город, но банки закрылись и, видимо, плакали мои, нажитые трудом, капиталы.

Заводик, где работают трое, и мельницу паровую, где четверо рабочих, я закрывать не стану: новая власть призывает всех вести дела и исполнять обязанности как и прежде, иначе обвинят в саботаже, и мои рабочие, оставшись без зарплаты, меня и сдадут этому Ревкому.

Здесь есть эсеровская организация, которую возглавляет некий Сараханов, так советую вам, Иван Петрович, примкнуть к ним, как бывшему эсеру со стажем, помнится, вы говорили об этом. Глядишь, вы тоже будете при власти новой и поможете тестю пережить лихолетье.

Запасов провианта, как говорят в армии, у нас достаточно до весны, а там глядишь всё и успокоится: или большевики укрепятся и законы новые определяют, или какая-нибудь новая власть объявится, или царь вернется, будь он проклят: довел страну до полного разорения, отрекся от власти и живет как ни в чем не бывало здесь, неподалеку, в Тобольске – мне тамошние купцы об этом сказывали.

В разговор вмешалась Евдокия Платоновна: -Хватит вам лясы точить, наговоритесь ещё. Гостю с дороги отдохнуть надо и выспаться. Идите к жене, Иван Петрович, задалась поди, а я здесь на кухне приберусь и тоже на боковую со стариком своим – ему этим годом шестьдесят годков стукнуло, а все делами занимается и никак не угомонится: польский шляхтич, старый хрыч, – беззлбно закончила теща, прервав беседу тестя с зятем.

Анечка как ушла в спальню, когда всплакнула дочь, так больше и не вернулась за стол.

Иван Петрович, пожелав тестю спокойной ночи, прошел в спальню, которая находилась в дальнем углу этого большого дома. На столе стояла лампа с притушенным фитилем, язычок пламени еле-еле освещал стол, кровать и зыбку, в которой посапывая, мирно спала его дочь Ава. Когда Иван Петрович вошел в спальню, Анечка встрепенулась на кровати, показывая, что не спит.

Иван Петрович скинул халат и чуни и, подвинув жену, лёг рядом, прижавшись к её горячему телу, прикрытому одной рубашкой: в доме было жарко натоплено и одеяло могло потребоваться лишь под утро, когда жгучий сибирский мороз выстудит домашнее тепло до прохлады.

Анечка, прижавшись всем телом к мужу, и ощутив, как страстное желание мужской близости захлестывает её всю с головы до ног, поцеловала мужа в щеку и смущенно прошептала ему на ухо: -Хочу тебя всего!

Иван, тоже желая близости, осторожно обнял Анечку, поцеловал ее в губы и спросил: – А разве после родов можно? Это не повредит тебе и дочери?

– Можно, можно, – засмеялась Анечка. Моя тетка Мария, работает акушеркой в здешней больнице, она вчера заходила посмотреть ребенка, я вдруг и спросила её, мол, когда мне можно быть с мужем, если ты приедешь? Тетка Мария и сказала мне, что уже всё можно!

Опасения за здоровье жены тотчас исчезли прочь и Иван, обнимая и целуя жену во все доступные места, бережно снял с Анечки ночную рубашку и овладел ею.

Почувствовав мужа в себе, Анечка испытала такой восторг плотской страсти, которого, кажется, ещё никогда не испытывала прежде. От этих забытых и новых ощущений она тихо вскрикнула и судорожно обвилась всем телом, сжимая Ивана в своих объятиях так сильно, что молочко излилось из сосцов её груди кормящей матери.

С каждым движением мужа сладострастие женщины возрастало и возрастало, вспыхнув, наконец, сладостно – мучительным оргазмом, излившимся навстречу движениям мужчины так, что тусклый свет ночной лампы вспыхнул на миг яркой молнией перед её глазами и погас, оставив после себя чувство полного женского удовлетворения.

Мужчина, почувствовав удовлетворенность женщины, мягкими сладостными толчками излил свое семя в жаркую глубину женского лона и, совершив еще несколько движений, усмиряя свою и женскую страстность, замер вместе с женой в состоянии полной прострации чувств и ощущений бытия.

Минуту спустя в люльке заворочалась и засопела дочка Ава, и Анечка, осторожно высвободившись от мужа, взяла девочку на руки и, совершенно нагая, принялась кормить ребенка грудью, освещаемая колеблющимся тусклым светом ночной лампы.

Иван Петрович откинулся на кровати к стенке, чтобы не мешать жене кормить ребенка и впервые видя в призрачном свете свою жену, заботливо кормящую их дочь, будто и не было только что взрыва страсти их взаимного обладания.

Накормив дочь, Анечка положила ребенка на кровать рядом с мужем и сама прилегла к краю. Дочь тотчас заснула, и Иван Петрович, чувствуя дыхание рядом двух самых дорогих и близких ему существ, забылся спокойным, глубоким сном, полагая, что его странствия закончились, и впереди у них будет счастливая семейная жизнь, вопреки всем потрясениям и переменам, охватившим огромную страну, имя которой – Россия.

ХIII

К утру следующего дня погода изменилась: потеплело, нависли тучи, пошел снег, поднялся ветер, и вьюга завывала и застонала в печных трубах.

Иван Петрович проснулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. Открыв глаза, он увидел перед собой лицо жены, которая, лёжа рядом, любовно разглядывала его в полумраке комнаты – поздний зимний рассвет ещё не наступил, и на столике по-прежнему чуть светилась ночная лампа.

Он привлек Анечку к себе, и жена с готовностью прильнула к мужу: своему единственному мужчине, от которого уже имела ребенка, а вчера снова почувствовала себя женщиной, вкусив всю женскую сладость от близости с мужем. Дочка мирно посапывала в зыбке, которую Анна машинально покачивала рукой при малейшем недовольстве ребенка.

Они снова задремали, пока слабый утренний свет хмурого утра не начал пробиваться сквозь щели ставней, закрывающих окна на ночь для сохранения тепла в доме и уберегающих жильцов от взгляда посторонних глаз.

В зыбке заворочалась и засопела дочь, и Анна, взяв ребенка на руки, принялась кормить дочку грудью. Иван Петрович, тоже очнувшись от утренней дремы, снова с умилением смотрел на жену и дочку, которая, причмокивая, жадно сосала грудь матери, насытившись, она вытолкнула сосок из ротика и снова забылась спокойным сытым сном, совершенно не интересуясь мужчиной, что лежал рядом с её матерью и наблюдал за кормлением.

Моя Анечка сейчас подобна деве Марии, кормящей Христа, как это рисовали многие художники в Средние века, – думал Иван Петрович, нежась в утренней полудреме.

Анна положила дочку в зыбку и снова прижалась сбоку к мужу, обняв его руками и положив голову на грудь.

– Почему дочка в зыбке, словно крестьянка? – спросил Иван Петрович, – надо заказать ей кроватку деревянную.

– Вон кроватка стоит в углу, ты вчера не заметил впотьмах, – возразила Анна, а в зыбке мне удобнее: чуть дочка запищит, я тотчас покачаю рукой, даже вставать с кровати мне не надо. Бывает, привяжу веревочку к зыбке и ноге и машинально покачиваю дочку во сне. Поначалу я совсем не спала и ходила как сонная муха, а сейчас приноровилась вполне, так что время свободного у меня хватит и на тебя, – раскрасневшись от воспоминаний о прошедшей ночи, объяснила Анечка мужу, еще плотнее прижавшись к нему горячим женским телом, чувствуя, как страстное желание мужа сладкой волною накатывает на нее от головы вниз к сокровенному местечку.

Почувствовав желание жены, Иван Петрович тотчас ощутил готовность повторить вчерашнюю близость с Анечкой, ласково поглаживая упругие изгибы женского тела, но их намерения прервал голос Евдокии Платоновны, которая позвала молодых к завтраку:

– Хватит валяться, – ворчала тёща, – пора Анечке завтракать, иначе внучка моя останется без молочка материнского. Я сварила овсяную кашу на молоке: для кормилицы нет лучше средства, чтобы было много молока для ребенка. И зятюку моему не помешает подкрепиться, небось отошал за дальнюю дорогу к дому. Вставайте, лежебоки, я блинов испекла – попал зять к тёще на блины, – ласково приговаривала тёща, нарочно постукивая ухватом и чугунами на кухне, чтобы молодые не заснули вновь.

– Ладно, Анечка, будем вставать, а богоугодное дело отложим до вечера, небось потерпишь до вечера, не расстроишься? – пошутил Иван Петрович, и, обняв и поцеловав жену, вскочил с кровати. Босым ногам пол показался холодным: тепло от печи выстудилось и в соседней комнате уже хлопотала тёща, растапливая голландскую круглую печь: в зимние холода или ветреную погоду печи приходилось топить дважды в день: утром и вечером, чтобы в доме всегда было тепло, особенно ребенку – не дай бог застудить малютку, в которой Евдокия Платоновна уже души не чаяла, частенько заходя в спальню к дочери и разглядывая девочку одним глазом.

Тёща Иван Петровича ещё в юности окривела на один глаз, который она повредила в лесу, неосторожно наткнувшись на сухой березовый сучок. Из-за этой кривости она засиделась в девках, пока Антон Казимирович не заметил её во время своих поездок по дальним селам, организуя свои купеческие дела. – С лица воду не пить, а спокойный нрав и доброта – залог прочной семейной жизни, – рассудил он и никогда потом не жалел о своем выборе. Евдокия Платоновна оказалась хорошей хозяйкой и заботливой женой и матерью, а новый глаз, искусственный, Антон Казимирович справил своей жене, вызвав из города мастера, который изготовил глаз точь-в-точь, как живой, так что и не отличить.

Выходя в люди, Евдокия Платоновна всегда вставляла этот незрячий глаз, и никто не мог даже вблизи разглядеть, что она кривовата на левый глаз. Дома, при муже, она тоже всегда была при глазе, вынимая его лишь на ночь. В этом году ей исполнилось пятьдесят лет, но она выглядела сорокалетней женщиной рядом со своим шестидесятилетним мужем, которого очень старила седая кудлатая борода, которую он отпустил ещё во времена ссылки, привык к ней, да так и носил бороду, не позволяя жене даже подравнять её.

– Чай я купцом, а не женихом по селам езжу, – возражал он Евдокии Платоновне на уговоры облагородить бороду. Теперь, с рождением внучки, Евдокии Платоновне стало не до мужниной бороды: с появлением ребенка в доме забот прибавилось и бабушка Дуня, как стал называть свою жену Антон Казимирович, целыми днями хлопотала по дому, освободив дочь Анну от всех дел кроме кормления дитятки.

Сунув ноги в чуни, которые представляли не что иное как обрезанные по щиколотку старые валенки, Иван Петрович вышел в кухню поздоровался с тёщей и, накинув полушубок, выскочил во двор в уборную, которая находилась в дальнем углу двора и представляла собой сколоченный из досок скворечник в человеческий рост, внутри с толчком над выгребной ямой.

Вьюга замела тропинку к ней, и в чуни попадал снег, обжигая холодом босые ноги. На дворе действительно потеплело, что по сибирским меркам означало повышение температуры от минус тридцати пяти градусов до пятнадцати-двадцати, только и всего. Справив нужду, Иван Петрович возвратился рысцой в дом, изрядно озябнув. Женщины деликатно справляли нужду в спальнях в ночные горшки, откуда жизненные отходы сливались в поганое ведро на кухне, а оттуда в уборную ведро относил бабушка Дуня.

Иван Петрович с тестем откушали блинов: простых, с творогом, с мясом, попили чаю вдоволь и разошлись: Антон Казимирович, несмотря на непогоду решил заглянуть на свой маслозаводик, что находился в ста сажнях от дома, на другом берегу речки, а Иван Петрович, увидев у тестя стопку листов местной газетки, попросил у тестя просмотреть листки, где печатались лишь декреты новой власти, чтобы составить для себя представление о дальнейших действиях большевиков и серьезности их намерений. Жена Анечка, позавтракав с мужчинами, удалилась в спальню, и, покачав дочь, уснула рядом с ней.

Иван Петрович со стопкой газет прошел в большую комнату, сел за стол, очинил карандаш, достал блокнот, что постоянно носил при себе, и со свойственной многим учителям педантичностью принялся переписывать заинтересовавшие его декреты Советской власти в блокнот своим аккуратным почерком с наклоном букв влево.

Декреты о мире и о земле уже были вписаны в блокнот ранее, теперь он переписал Декреты об отмене смертной казни, о национализации банков и об уничтожении сословий и гражданских чинов.

ДЕКРЕТ ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Принят II Всероссийским
Съездом Советов Рабочих,
Солдатских и Крестьянских
Депутатов
28 октября 1917 года

Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется.

На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры – революционеры, находящиеся под арестом за так называемые «политические преступления» освобождаются немедленно.

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ

14(27) декабря 1917 г.

В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковским капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов – единого народного банка Российской Республики, Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

- 1) Банковское дело объявляется государственной монополией.
- 2) Все ныне существующие частные акционерные банки и банковские конторы объединяются с Государственным банком.
- 3) Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.
- 4) Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.
- 5) Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.
- 6) Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены.

Председатель ЦИК
Я. Свердлов

ДЕКРЕТ

От 10 ноября 1917 года

Об уничтожении сословий и гражданских чинов

Ст.1. Все существующие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст.2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр., титулы – княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. совет-

ники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской Республики.

Ст.3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст.4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

Ст.6. Все соответствующие статьи донныне действующих законов отменяются.

Ст.7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Председатель ЦИК

Я.Свердлов

Председатель

Совета Народных Комиссаров

В.Ульянов (Ленин)

Управляющий делами

Совета Народных Комиссаров

В.Бонч-Бруевич

Национализацию банков Иван Петрович одобрил. Из истории он знал, что банковское дело не что иное, как ростовщичество, но не единоличное, а групповое. Деньги – тот же товар по Марксу, но весьма специфический, который является символом государства и нельзя, чтобы этими деньгами распоряжались алчные люди в личных целях, наживаясь на деньгах, ссужая их под процент и наживая на деньгах ещё большие деньги. Не случайно, банковским делом занимались в основном евреи, а честные купцы брезговали наживой на деньгах в рост под проценты.

Об отмене смертной казни на фронте Иван Петрович знал давно и переписал этот декрет большевиков в свой блокнот из-за его краткости и определенности. Декрет о ликвидации сословий он, в целом, одобрил тоже. Каждый человек, по его мнению, должен всего в жизни добиваться самостоятельно и независимо от происхождения и несправедливо, что по факту рождения одни всю жизнь бедствуют, а другим всё дозволено, даже если они полное ничтожество по личным качествам.

Вот царь Николай II, являясь полным ничтожеством, правил Россией двадцать три года, довел страну до полного краха, отрекся от власти и продолжает жить, как ни в чем не бывало, пусть и под присмотром, здесь, в Тобольске. Екатерина Вторая, немка, у которой постоянно чесалось женское место, правила Россией в своё удовольствие, довела царскую власть до абсолютной монархии, оставив сыну Павлу I долгов за своих любовников на два годовых бюджета страны. Царь Петр I и вовсе был зверюга редкостный, уничтоживший своими реформами треть населения страны, но благодаря немцам-историкам прослыл великим реформатором. А будь на месте этих царей умные и порядочные люди, разве стояла бы сейчас Россия в руинах, разваливаясь на части? Конечно, нет. Посмотрим, что большевики будут делать дальше, но все эти высшие сословия, банкиры, помещики и военная верхушка армии никогда не отдадут за просто так свои привилегии, и именно поэтому Иван Петрович ждал в скором будущем кровавой междоусобицы за власть в России.

Большевики хотят всех сделать равными одним декретом, но люди различаются способностями, трудолюбием и здоровьем, поэтому абсолютного равенства между людьми не будет никогда, но изначально дать всем равные возможности вполне реально и исполнимо. Жаль, что большевики не учитывают развращающего влияния власти на людей, и даже вполне честный и

порядочный человек, добившись власти своими способностями, начинает считать себя лучше других, и постепенно, удерживая власть, может переродиться в жестокого самолюбивого правителя, чему в истории есть немало примеров.

Просмотрев все газетные листки, Иван Петрович не встретил, как ожидал, декрета о национализации всей промышленности, что было бы логическим шагом после отмены частной собственности на землю декретом «О земле». Вместо декрета о национализации промышленности Иван Петрович обнаружил декрет о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года, подписанный Лениным, где говорилось следующее:

В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится Рабочий Контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия.

Рабочий Контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения как то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т.п., причем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала.

Для каждого крупного города, губернии или промышленного района создаётся местный Совет Рабочего контроля, который, будучи органом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, составляется из Представителей Профессиональных союзов, Заводских, Фабричных и иных Рабочих Комитетов и Рабочих кооперативов.

Впредь, до Съезда Советов рабочего Контроля учреждается в Петрограде Всероссийский Совет Рабочего Контроля...»

7. Решения органов Рабочего Контроля обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменены лишь Постановлением высших органов Рабочего Контроля.

10. Во всех предприятиях владельцы и представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления Рабочего Контроля, объявляются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества. Виновные в сокрытии материалов, продуктов, заказов и в неправильном ведении отчетов и т.п. злоупотреблениях подлежат уголовной ответственности.

14. Все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских, и других Комитетов и Советов рабочих и служащих, отменяются.

– Вот значит, в чём дело, – понял Иван Петрович, – большевики вместо национализации промышленности устанавливают рабочий контроль за предприятиями и их владельцами, что, по сути, равно национализации. Да, эти новые власти во главе с Лениным последовательны в своем стремлении уничтожить частную собственность в стране, чтобы у прежних владельцев не оставалось рычагов управления экономикой. Ничего не скажешь, умный ход большевиков, – закончил Иван Петрович знакомство с декретами Советской власти и пошёл на зов тёщи, приглашающий к обеду, тем более, что и тесть вернулся домой со своего заводика с тремя рабочими и ручными сепараторами, на которых отделялись сливки из молока, а потом из сливок, тоже вручную, сбивалось сливочное масло, которое и являлось основным товаром в этой части Сибири. Готовое масло до революций, и до сих пор всё ещё вывозилось на продажу в Центральную Россию и даже в страны Европы.

Иван Петрович не мог знать, что изначально Ленин не предполагал национализации промышленности, а намеревался устроить государственный капитализм через участие государства во всех крупных предприятиях, изъяв 50% акций и установив рабочий контроль за их деятельностью.

Владельцы предприятий могли хозяйствовать, как и прежде, извлекая прибыль, но под контролем рабочих. Однако капиталисты сразу же начали саботаж, останавливая предприятия, чтобы вызвать недовольство рабочих и потом свергнуть новую власть.

Выяснилось также, что большинство крупных предприятий России уже контролируется зарубежными владельцами, в основном немцами и, чтобы не поставить страну в полную зависимость от иностранного капитала, правительство большевиков вынуждено было начать национализацию предприятий и лишь позже, через полгода большевики решились на всеобщую национализацию промышленности, торговли, транспорта и частных капиталов. Как говорил Ленин: «лишь в результате коренного изменения экономических основ жизни общества можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой».

Национализация предприятий, принадлежащих германскому капиталу, развенчивает миф о Ленине – германском агенте и прочую чушь о мотивах действий этого человека. Впервые в истории, экономика страны не перераспределялась в интересах того или иного класса, а перестраивалась в пользу всего общества, исключая эксплуатацию людей на основе частной собственности.

Единственным эксплуататором при этом оставалось государство, которое перераспределяло результаты труда по социалистическому принципу: от каждого по способностям – каждому по труду, – таковы были замыслы и намерения Ленина и его сообщников по партии большевиков, захвативших власть в России.

На кухне хлопотала тёща, расставляя тарелки для обеда мужчин. Обед состоял из вчерашнего борща и свинины, жаренной на сковороде вместе с картошкой в русской печи. Были, также, квашеная капуста, соленые грузди и клюквенный морс: все это показалось Ивану Петровичу необыкновенно вкусным с тёплым ещё хлебом, только что испеченным Евдокией Платоновной из вчера замешанной квашни на опаре – дрожжей тёща не признавала, считая, что они портят вкус хлеба.

Антон Казимирович выставил бутылку «Смирновской» и предложил зятю выпить рюмку перед обедом.

Иван Петрович вежливо отказался, и тесть, без обиды, выпил стопку и приступил к трапезе.

– А почему Анечка не обедает вместе с нами? – спросил Иван Петрович тещу. – Может, прихворнула?

– Нет, жива-здорова, покушала перед вами и верно спит сейчас вместе с внучкой, – успокоила тёща зятя. Вы пока сидели за газетами, она прошла несколько раз через гостиную, чтобы не отвлекать вас от работы. Что-то вы, зятьёк, не успев приехать, сразу принялись за дела, нет, чтобы отдохнуть несколько дней с дороги, а там, глядишь, и Новый год наступит.

– Время сейчас смутное, Евдокия Платоновна, – ответил Иван Петрович, доедая тарелку борща со сметаной. – Хочу понять, что ждать от новой власти, потому и изучал их законы, которые называются декретами, что публиковала ваша уездная газетка.

– И что же ты понял о новой власти, – хитро прищурившись, спросил тесть, наливая себе вторую стопку водки и быстро выпивая её, пока Евдокия, отвернувшись, хлопотала у печи.

– Понял я, Антон Казимирович, что вам от новой власти ждать ничего хорошего не приходится. Вы купец, владеет заводиком и мельницей, используете труд наемных работников, а потому являетесь чуждым новой власти элементом – может даже и врагом. У вас есть частная собственность, а новая власть намеревается уничтожить всю частную собственность под корень, превратить её в общенародное достояние, как пишется в декретах этой Советской власти. Ваш заводик и мельницу, согласно декрету, возьмут под рабочий контроль сначала, а потом и вовсе отберут в пользу государства, и сами рабочие будут управлять вашими предприятиями.

– Помилуй бог, Иван Петрович, как же рабочие будут управлять производством, если они едва грамоте разумеют, а бухгалтерского и торгового дела и вовсе не знают – враз разорятся, останутся без зарплаты и приползут на коленях ко мне, чтобы я снова запустил предприятия. Нет, таких, как я, мелких купцов-предпринимателей не тронут, а жирных банкиров и промышленников я тоже ненавижу. К тому же я бывший ссыльный каторжник, пострадал от царизма, и думаю, что мои заслуги как народовольца будут учтены, и новая власть меня не тронет.

– Может, оно так и задумано, там, в Питере, большевиками: я слышал, что их Ленин является дворянином, только здесь, на местах, власть захватили горлопаны и голытьба, для которых любой труженик, живущий справно, уже является врагом. Пока вы, Антон Казимирович, будете доказывать свои заслуги перед народом, и как вы чуть не убили царя, эта голытьба отберёт все ваше имущество и пустит его в распыл. Я видел в Орше, во время еврейских погромов, как люрует толпа, если дать ей волю, и думаю, что в борьбе за имущество, зверств и беззакония по всей стране будет не меньше.

Имущие голытьбе уступать не захотят – вот и начнётся заваруха наподобие Пугачевской смуты. Потом, когда победят те или другие, всё уляжется и успокоится, но думаю, что до спокойствия пройдут годы.

Если и немцы ещё на фронтах попрут в наступление, тогда совсем худо будет. Большевики-то армию распустили, остались в окопах только идейные, и фронт держать некому. Ленин предложил всем мирные переговоры, но немцы сейчас думают, что им выгоднее: наступать и захватить страну до Урала, или вступить в переговоры с Россией, а войска перекинуть на Запад для отпора французам и англичанам. Такие вот дела, дорогой мой тесть: как говорили древние римляне: хочешь мира – готовься к войне.

Надо постараться поладить с новой властью, хотя мне, дворянину, живущему собственным трудом, тоже новая власть не совсем по душе. Вот выюга утихнет, и схожу я к местным эсерам, о которых вы говорили, Антон Казимирович. После нового года соберётся Учредительное собрание – там большинство депутатов от партии эсеров, и может быть власть перейдет к ним. Но вряд ли большевики теперь отдадут свою власть эсерам и Учредительному собранию. Поживем – увидим, – закончил Иван Петрович беседу с тестем. Завершив обед и поблагодарив тещу, он ушел в спальню к жене и дочери: вздремнуть после обеда под завывание выюги за окном.

Анечка дремала на краю кровати, свернувшись калачиком. Заглянув в люльку, Иван Петрович встретил взгляд зелёных глаз дочери, которая не спала, но лежала молча, внимательно разглядывая незнакомое ей лицо отца и вдруг заплакала, поняв, что это чужой. Анечка тотчас встрепенулась, покачала зыбку, поцеловала дочку, и та спокойно заснула, увидев знакомое ей лицо матери и запах матери.

Иван Петрович разделся до исподнего белья и нырнул в кровать к стенке, чтобы не мешать жене баюкать дочку – если понадобится. Анечка прижалась к нему сбоку, и вся семья заснула спокойным сытым сном под визг и улюлюканье декабрьской выюги за окнами, так и оставшимися закрытыми ставнями. Ночная лампа чуть освещала комнату до темных сумерек, зыбка покачивалась от каждого шевеления дочери, отбрасывая смутную тень на побеленную стенку и казалось, что там притаилось неведомое чудище, и именно оно воет и хрипит, подбираясь к спящим, а не выюга за окном издает эти дикие звуки.

Иван Петрович проснулся от внезапно наступившей тишины: вой ветра за окном прекратился. Так на фронте, дремля под обстрелом немецкой артиллерии, солдаты просыпались, если наступала тишина – и выбегали из блиндажей посмотреть, не пошел ли немец в очередную атаку, прекратив обстрел, чтобы не ударить по своим. Эта привычка разбудила его и сейчас.

Тотчас проснулась и дочь, будто дожидалась пробуждения отца, и властным плачем попросила кушать и сменить пеленки, которые промокли до самого горла. Анечка торопливо распеленала дочь, сменила пеленки и дала дочери грудь, полную материнского молока. Ребенок

жадно вцепился в сосок и зачмокал, утоляя голод. Насытившись, дочка, как обычно, вытолкнула сосок изо рта и мгновенно заснула снова.

Иван Петрович, наблюдая эту картину со своей стороны кровати, наслаждался домашним покоем и своим семейным счастьем: – Любящая жена и ребенок, – что еще нужно ему для мужского счастья, – думал он, обнимая Анечку, закончившую кормить дитя. Вечером она снова подарит ему свои объятия, откликаясь на каждое его движение и полностью отдаваясь женскому чувству, не сравнивая мужа с другими мужчинами, которых у нее не было.

Именно эти сравнения прежних женщин так мешали ему в прошлой жизни, разрушая любовную страсть, и вызывая сомнения в искренности чувств тех, прошлых, женщин. Сомнения мужчины в чувствах женщины разъедают взаимность, как ржа разъедает металл, и вскоре на месте былой страсти и влечения остаются лишь сомнения и разочарования.

Голос тещи из кухни пригласил их к ужину. Тёща не зря хлопотала у печи: на столе красовался большой и румяный рыбный пирог с карасями, что водились в изобилии в здешних озерах: даже в озере, что примыкало к городку, этих карасей было вдоволь, и жители изловились их ловить даже зимой по толстому льду.

Такую рыбалку Иван Петрович видел в свой прошлый приезд, когда венчался с Анечкой, и дня три спустя прогуливался с ней вдоль речушки. Завидев рыбаков на озере, Анечка предложила пройтись и посмотреть за рыбалкой. Трое мужиков посреди озера у камышей, что росли островком, устроили тягу, которая представляла собой две лунки, продолбленные в толстом льду и соединенные между собой желобком, тоже выдолбленном во льду. Тяжесть льда придавила озерную воду, которая стояла в лунках и желобе почти вровень со льдом. Двое мужиков деревянными лопатами гребли воду в желобе из одной лунки в другую, создавая течение воды, которая поднимаясь из лунки, тянула за собой сонных карасей и мелкую рыбешку, поэтому этот способ рыбной ловли и назывался тягой.

Третий мужик сачком выхватывал рыбу из лунки и выбрасывал на снег, где уже валялись десятка два рыбешек с мужскую ладонь. Выброшенная на снег рыба делала два-три взмаха хвостом и тотчас замерзала на морозе, покрываясь корочкой льда. Подивившись этой рыбалке, которой он не видел никогда прежде, Иван Петрович тогда купил у мужиков десяток карасей покрупнее и принёс их теще, которая испекла пирог с рыбой. Такой же пирог стоял на столе и в этот вечер. Антон Казимирович под рыбный пирог хлопнул пару стопок водки, но уловив осуждающий взгляд Евдокии Платоновны, убрал бутылку в шкафчик, что висел на стене.

– Метель стихла, видимо завтра будет ясно и морозно, – молвил тесть, раскрасневшись от водки и разбирая карася из пирога на косточки, – Я пойду завтра на мельницу посмотреть, как идут дела, а вам, Иван Петрович, советую посетить ячейку эсеров, что обосновались неподалеку от Ревкома, где пока хозяйничают большевики из вернувшихся с фронта солдат. Впрочем, никакие они не большевики, а просто примкнули к победителям, как живущий по соседству некий Туманов, бывший до фронта лодырем и неумехой, а сейчас кичится властью и грозит всех предпринимателей и торговцев лишить имущества. Такова нынче власть голытьбы, – вздохнул тесть, встал из-за стола, перекрестился на образа в углу кухни, хотя и не был набожным, и ушёл почивать в спальню.

Иван и Анна тоже не стали засиживаться за чаем и вслед за Антоном Казимировичем удалились в спальню на супружеское ложе.

Анечка, снова испытывая вчера страсть женщины и сладость мужских объятий, с нетерпением ожидала объятий мужа и близости с ним, и получив желаемое, вновь пережила взрыв сладострастия, сжимая мужа, покусывая его плечо, и тихо вскрикнув от наступившего оргазма, всецело покоряясь желанию мужа и не скрывая своего удовлетворения от мужской близости. Содрогнувшись одновременно на высшей стадии исполнения ощущений интимной близости, супруги молча замерли в объятиях, а освободившись, впали в негу, пока кряхтение и сопение дочери не вывело их из состояния протрации.

Анечка, улыбаясь в полумраке ночника, тихо покачивала зыбку, умиряя дочь, а Иван Петрович заснул сном мужчины, получившего полное удовлетворение от близости с любимой женщиной, под тихое посапывание своей дочери, которую он лишь вчера увидел, но уже успел полюбить.

Рождение ребенка не отдалило женщину от мужа, как это часто бывает, если женщина ставит ребенка на первое место. Анечка, инстинктом любящей женщины, ненавязчиво показала мужу, что он был и есть главный человек в её жизни, а дочь Ава является его естественным продолжением, неотделимым от них двоих, что и называется семьёй. Став любовниками, Иван, Анна и их ребенок образовали семью – счастливую, как они полагали, на всю оставшуюся жизнь.

XIV

Следующий день действительно выдался ясным, солнечным и морозным, но без стужи, и Иван Петрович, как и советовал ему тесть, отправился на прогулку по городку, намереваясь посетить и местную организацию партии эсеров. Утром, обсуждая с Анечкой свои действия, Иван Петрович объяснил жене, что эсеры имеют большинство мест в Учредительном собрании, выборы в которое прошли в ноябре, через две недели после захвата власти большевиками.

Конечно, большевики власть свою Учредительному собранию не отдадут, опираясь на Советы и отряды Красной гвардии, но с мнением эсеров будут вынуждены считаться, а потому Ивану Петровичу будет полезно примкнуть здесь к местным эсерам, тем более, что себя лично он считал состоящим в партии эсеров с 1904 года, хотя и не имел партийного билета, и даже не числился в каких-либо списках: просто в Орше, обучаясь на учителя, он некоторое время посещал эсеровский кружок, а в 1905 –м году во время революции даже был арестован в Могилеве вместе с товарищем Шанявским – тоже эсером.

Жена Анна полностью поддержала мужа: надо сказать, что она всегда поддерживала его намерения, справедливо полагая, что он высказывает ей свои мысли лишь когда всё обдумает и примет решение, а потому перечить мужу не стоит, чтобы не вызвать семейного разлада.

Потом, ненароком, она выскажет ему свои сомнения, если они есть, и случилось, что муж принимал эти сомнения жены и менял решения. Это ещё Евдокия Платоновна, её мать, учила свою дочь жизни в браке: не перечить мужу, а соглашаться с ним, но с оговорками, если сомневаешься, не приказывать мужу, а просить как одолжение. Уметь слушать и слышать мужа, не перебивая и не возражая, и почаще хвалить его: как мужчину и как работника – опору семьи, и тогда в семье всегда будет лад, муж, чувствуя поддержку и заботу жены, добьётся хороших результатов по службе, а жена будет ему всегда желанна – как женщина, и необходима для общения – как друг.

Зимним ясным днём городок приходил в себя после двухдневной метели: местами улицы занесло снегом по крыши, и жильцы домов пробивали траншеи в снегу, чтобы выбраться из домов на улицу по своим делам, накопившимся за дни непогоды.

В центре городка над бывшей уездной управой реял красный флаг новой власти: там располагался, как сказали Ивану Петровичу редкие прохожие, уездный ревком.

По подсказке тестя Иван Петрович отыскал дом торговца зерном Сараханова, который возглавлял уездную ячейку партии эсеров и занимался партийными делами прямо у себя на дому, отведя для этого две комнаты, и сделав в них отдельный вход со двора, чтобы не мешать своим домашним.

Войдя в дом, Иван Петрович встретил там хозяина и ещё трех активистов-эсеров, которые вручную на наборных типографских досках изготовляли листовки с призывами к крестьянам голосовать за партию эсеров на предстоящих в феврале выборах в Уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – как это и обещалось декретом новой власти.

Он четко, по-военному доложил о себе, сказав, что хотел бы принять участие в политической жизни уезда. Расспросив Ивана Петровича подробнее, Саруханов оживился: – Нам, в уездном совете очень полезен будет фронтовик-офицер, который был солдатом, да и ваше учительское образование пригодится – крестьяне в селах уважают учителей и проголосуют за вас, если мы включим вас, Иван Петрович, в наш эсеровский список депутатов уездного совета. Только придется поехать по окрестным селам и здесь, в городе, выступить на митинге, сможете? – спросил эсер. – Назвался груздем, полезай в кузов, – пошутил Иван Петрович.

– Вот и ладно, – подвел итог Сараханов. – Через два дня Новый год, отдохните с дороги, а сразу после Нового года, со второго числа приходите утром сюда, и, если не будет морозов за 30 градусов, поедem в ближнее село, что в 15 верстах и там проведем митинг. Я думаю, что результаты выборов в совет определяют город и большие села, где у нас есть активисты.

Крестьяне, в основном будут за нас; программа большевиков по земле украдена из нашей программы, только большевики объявили землю общенародным достоянием и обещают передать землю в пользование общинам без права продажи, а мы, эсеры, предлагаем землю в частную собственность общинам и с правом продажи. Это крестьянам понятнее, и они поддержат нас на выборах в Уездный Совет. Если победим мы, то ликвидируем местный Ревком большевиков, и организуем свой, эсеровский.

Вернувшись домой, Иван Петрович рассказал жене и тестю о своем визите в ячейку эсеров.

Антон Казимирович одобрил его действия, а Анечка, напротив, встревожилась и сказала:

– Может не надо, Ваня, встречать в политику, а сразу определяться в учителя городского училища? Учителя при любой власти нужны будут, а эти собрания и Советы неизвестно куда могут привести.

– Не беспокойся, Анечка, – рассмеялся Иван Петрович опаске жены, я на фронте был в корпусном комитете солдат, а потом стал офицером, и ничего не случилось. Если и здесь буду депутатом, то лишь помогу семье защититься от большевиков, поскольку я член партии эсеров, которых большинство в Учредительном собрании. Это собрание соберется в начале января – глядишь, на нем и власть сменится, хотя лично я не верю, чтобы большевики свою власть добровольно отдали, кому бы то ни было.

– Успокойся, Анечка, если что, я выйду из этого Совета и пойду в учителя: к осени будущего года точно буду учителем, может быть вместе с тобой. Сейчас в стороне оставаться – себе дорожке выйдет: гольтьба может совсем озвереть, если властью их не укоротить.

– Поступай, как знаешь, – кротко ответила Анна и ушла кормить дочку, которая криком дала знать матери, что проснулась и хочет кушать. Женский инстинкт сохранения семьи подсказывал Анне, что не надо бы Ивану участвовать в борьбе за власть в уезде – не учительское это дело, но и возражать намерению мужа она не захотела. – Пусть сам решает, что и как ему делать, – думала женщина, кормя дочку грудью. На этом всё и успокоилось. Дом затих в вечерней тишине, на ясном небе вывездились мириады звезд, над горизонтом поднялась полная луна, освещая блеклым светом заснеженный городок: всё это Иван Петрович увидел со двора, после вечернего посещения туалета.

Через два дня наступила новогодняя ночь, когда цифры на датах человеческих жизней увеличиваются на единицу – наступал тысяча девятьсот восемнадцатый год.

Встреча нового года прошла незаметно, без особых застолий и поздравлений. Иван Петрович подарил теще отрез на платье, что купил в Омске, жене Анечке золотые сережки, а тестю расписной кисет под табак – на этом всё и успокоилось.

Основным блюдом на столе была жареная утка, что теща запекла в русской печи. После утки все вместе попили вечернего чаю. Тесть махнул пару стопок водки, Иван Петрович чуть пригубил коньяка из рюмки, теща достала кулич, что остался с Рождества, нарезала кусками сыра и ветчины, поставила варенье, мёд, плюшки, другую снедь, и новогодний ужин закон-

чился до полуночи, когда Новый год ещё не наступил. Анечка ушла кормить ребёнка, тесть сказал, что встретит Новый год во сне, а тёща осталась на кухне убирать со стола, пообещав приготовить что-то вкусненькое для новогоднего завтрака.

Иван Петрович, допив чай и поблагодарив тещу, тоже ушёл в спальню к жене и дочке.

Дочка, насытившись материнским молоком, спала в зыбке, мирно посапывая, а жена Анечка иногда покачивала зыбку, ожидая мужа.

Иван Петрович разделся при свете ночной лампы, которая, видимо, никогда не гасилась в эти короткие и темные зимние дни, и нырнул под тёплый бочок жены. – Говорят, как встретишь Новый год, так его и проживёшь, – прошептал он прижавшейся к нему Анечке. – Я хочу встретить новогоднюю полночь в твоих объятиях и рядом с дочкой, ты, надеюсь, не против?

Анечка была полностью согласна с предложением мужа, и вскоре они предались любовной утехе с такой страстью и пылом, что спустя мгновения слились во взаимном блаженстве, постанывая и содрогаясь от полноты чувственных ощущений близости с любимым человеком. Когда оцепенение сбывшихся желаний прошло, Иван Петрович взглянул на свои часы-луковицу, что положил на тумбочку рядом с ночником: было без пяти минут полночь.

– Эх, – огорчился он, перестарались мы и не дотянули совсем немного до Нового года.

– Ничего, – успокоила мужа Анечка, – зато этот год проводили, как следует, а Новый ещё успеем встретить, если ты пожелаешь, – прошептала она, прижимаясь снова к мужу. Он пожелал, жена раскрыла свои объятия, и снова началось мучительно– сладостное слияние мужчины и женщины, закончившееся полным чувственным удовлетворением и опустошенностью желаний далеко за полночь.

– Вот мы проводили старый и встретили Новый год так, как и хотелось тебе, Ванечка, – хриловатым голосом тихо проговорила Анечка, всё ещё не выпуская мужа из своих объятий. – Давай всякий раз теперь будем встречать Новый год подобным образом, если обстоятельства не помешают.

– Конечно, дорогая, конечно, – отвечал мужчина, ласково поглаживая жену своей рукой, на которую она положила голову, высвобождаясь от мужа.

– Говорят, что Бог создал каждому мужчине свою женщину – нужно лишь встретить её на своём жизненном пути, – начал рассуждать Иван Петрович, чувствуя рядом тепло своей женщины. – Но не каждому мужчине удастся встретить свою половинку, и многие так и живут всю жизнь с чужой женщиной, не познав радости настоящей близости с любимой. Я встретил свою половинку, Анечка, и надеюсь, что мы проживём вместе долгую и счастливую жизнь, наперекор всем испытаниям, что готовит нам судьба в это смутное время.

– Я, Анечка, не искатель приключений с другими женщинами, и потому обещаю тебе быть верным мужем и надежным другом, пока злая смерть не разлучит нас навсегда на этой земле, чтобы мы вновь соединились там, на небесах, хотя я и неверующий человек.

– Потому, Ванечка, я и согласилась быть твоей женой, что женской сущностью своей поняла тебя и пожелала быть вместе и иметь детей от тебя, родной мой. Видишь, я не ошиблась в своём выборе, а рядом посапывает в зыбке наша дочь, и будут ещё у нас дети – я это чувствую, как мать.

Они так и заснули, прижавшись друг к другу, и лишь под утро сопение дочери разбудило Анну и заставило освободиться от мужа, чтобы покормить дочку. Иван Петрович пребывал в сонной неге, пока позднее зимнее солнце не запустило свои лучи сквозь щели ставен, закрывающих окна, в полумрак спальни.

Тотчас, будто ожидая пробуждения зятя, тёща позвала молодых к новогоднему завтраку, который она успела приготовить, встав затемно и похлопотав у печи пару часов. Исполнив утренний туалет, Иван и Анна вышли в кухню, где уже сидел тесть, не начиная трапезы без зятя и дочери.

Евдокия Платоновна нажарила карасей на сливочном масле до золотистой хрустящей корочки, так что хрупкие рыбки косточки пережарились, и мелкую рыбёшку можно было съесть целиком, не опасаясь подавиться костью. Никогда потом Ивану Петровичу не довелось отвесть жареной рыбы такой вкусности и так умело приготовленной.

– Что-то нам приготовил восемнадцатый год, – задумчиво молвил тесть, выпив рюмку водки под жареную рыбку и поглядывая в окно кухни на двор: это окно на ночь не закрывалось ставнями.

– Смута будет нарастать, люди схлестнутся между собой в борьбе за имущество и собственность, и власть, которая эту собственность и дает. Голытьба начнет грабить имущих, те будут защищаться и в свою очередь гнобить бедняков, и начнутся смутные времена, когда брат пойдёт на брата с оружием в руках. Такое время уже было при Борисе Годунове три века назад и думаю, что нынешняя смута будет более кровавая и жестокая, потому что большевики замахнулись на самую основу прежней власти – на частную собственность и капитал, а их добровольно и без крови никто не отдаст.

Здесь уговорами не поможешь, да и не собираются большевики вести переговоры со знатью, помещиками и капиталистами: отобрать всё у богатых – вот их задача, как следует из декретов Советской власти.

Мы с Аней учителя, без богатств, тесть Антон Казимирович был сослан при царе за борьбу против царской власти – глядишь, нас эти перемены и не тронут, если сами в драку не встрянем. Такие вот мои мысли о грядущем годе, – закончил Иван Петрович тяжёлый разговор за завтраком и пошёл во двор убирать снег, что намело метелью за два прошедших ненастных дня.

Снега было много, тесть прислал с завода ещё двух работников с лопатами и втроем: дворянин и двое рабочих к обеду полностью расчистили двор и подъезд к дому с улицы. Соседи занимались тем же делом, с интересом поглядывая в сторону Ивана Петровича, который в офицерской шинели без погон умело орудовал широкой деревянной лопатой, отбрасывая на обочину дороги толстые ломти плотного снега, нанесенного вьюгой.

К обеду работа была закончена, рабочие ушли на завод крутить сепараторы и сбивать сливки, а Иван Петрович, размявшись на морозе, вернулся в дом, где его ожидал сытный обед, приготовленный умелыми руками тёщи: сегодня она приготовила щи из квашенной капусты, зажарила гуся с гречневой кашей и навела целую кастрюлю клюквенного морса.

Обедая с удовольствием после расчистки снежных заторов, Иван Петрович спросил тёщу: – Как у вас здесь с припасами на зиму? Там, в Ачинске, где я служил, последнее время стало туговато с продуктами, местной провизии не хватало, а из России стали привозить с переборами: железная дорога не справлялась с поставками, обозы крестьянские тоже опасались в смуту совершать дальние поездки – вот и приходилось довольствоваться сухарями да вялым мясом, но рыбы свежей всегда было вдоволь: там течет река Енисей, она будет побольше Иртыша, и рыба там водится всякая в изобилии.

– У нас пока всё слава Богу, – отвечала тёща, готовя квашню, чтобы завтра, поутру, испечь свежего хлеба и пирогов с ливером. – Антон Казимирович, как всегда с наступлением холодов, заготовил мясца и птицы вдоволь у окрестных крестьян: можете заглянуть в амбар – там висит туша свиная, задняя часть бычка, уток, кур и гусей мороженных штук пятьдесят, бочонок масла рыжикового постного, муки короб, а масло сливочное, сыр, творог и сметана да сливки всегда имеются с нашего заводика маслобитного. Прокормимся, зятек, до весны и лета, а там, глядишь, нынешняя смута уляжется, и заживём, как прежде.

– Вряд ли прежние времена вернуться, – огорчил Иван Петрович свою тёщу. – Глубоко копает нынешняя власть большевиков: под самые основы прежней жизни: землю у помещиков уже отобрали, капиталы у банкиров тоже изымают, сейчас на очереди крупные фабриканты, у

которых отбирают заводы, а там, глядишь, доберутся и до мелких промышленников и купцов, вроде Антона Казимировича: тогда-то и наступит конец нашей спокойной пока жизни здесь.

– Будем вам, Иван Петрович, страху-то нагонять на меня, – проворчала тёща.– Бог не выдаст, свинья не съест, говорят у нас на селе. Всё когда-нибудь перемелется и успокоится: не могут люди долго жить в смуте.

Порядок придёт, и нам, надеюсь, место в том порядке найдется. Теперь надо внучку Авусю растить, а там, глядишь, и ещё детки у вас появятся: вон Аннушка-то расцвела, будто цветочек, с вашим приездом. Хватит о делах. Расскажи-ка, зятёк, как жилось этот год вдали от жены: небось согрешил-таки с какой-нибудь женщиной – вам, мужикам, без бабы долго не живётся. Но я не в обиде буду за Аннушку, если что и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.